

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издаётся с 1992 г.

Содержание номера

Политология

Россия в многополярном мире

5

В. Егоров

Статья раскрывает существенные характеристики современной мировой политики, изменения геополитической идентичности России и актуализирующиеся черты многополярного мира, их институционализацию во внешней политике Российской Федерации в контексте её национальных интересов.

Метамодернизм как политическая парадигма

20

К. Феофанов

Автор исследует специфику и философско-социокультурные основы модерна, постмодерна и метамодерна, западный и незападные метамодерны, политические парадигмы модернизма, постмодернизма и метамодернизма, метамодернистское восприятие политики, связанное с возвращением метанарративов и флуктуацией политических идентичностей.

Политические ток-шоу – инструмент коммуникации между государством и обществом

36

О. Савина

В статье рассматривается роль ток-шоу в формировании и трансляции идеологических установок в периоды политической напряжён-

ности, выявляется их политтехнологическое воздействие. Выполняя функции символической политики и замещая полноценный политический дискурс, ток-шоу упрощают его до формы управляемого спектакля.

Американский фактор в современной оборонной политике ФРГ 46

О. Агафонова

Внешняя политика США в отношении ФРГ претерпела трансформацию от курирования политики безопасности к партнёрству для усиления роли Берлина в Европе. При этом политика США в отношении Европы варьируется от необходимости занятия лидирующих позиций к отказу от финансирования вопросов безопасности Европы и делегированию их европейцам.

Особенности внешнеполитического взаимодействия Российской Федерации и стран Центральной Азии 56

О. Конышев

Статья посвящена анализу внешнеполитической стратегии Российской Федерации в Центральной Азии в условиях трансформации международного порядка. Рассмотрены политико-дипломатические, военно-стратегические, экономические и культурно-гуманитарные подходы. Сделан вывод о необходимости перехода от патерналистских практик к модели гибкого, дифференцированного и равноправного сотрудничества.

Американо-мексиканские отношения при Б. Обаме, Д. Трампе и Дж. Байдене

Основные вызовы и угрозы 70

С.Толоченко

В статье рассмотрены отношения США и Мексики при президентах Б. Обаме, Д. Трампе и Дж. Байдене по основным угрозам и вызовам: миграция и экономика, преступность.

Международные связи регионов России – сфера управления **Общие тенденции (2022–2024 гг.)** 79

В. Табак

Международная деятельность субгосударственных образований рассматривается как сфера принятия управленческих решений, раскрывается специфика организации международной деятельности субъектов Федерации. Автор пишет о проблемах, связанных с оценкой эффективности международных связей в новых геополитических условиях.

История международных отношений и внешней политики

Запад против России: албанский театр политической войны

88

Е. Пономарева, А. Самсонов

Статья является продолжением анализа стратегии и практики политической войны США и их союзников против России. Одним из направлений были и остаются Балканы. На официальных источниках и малоизвестных аналитических материалах показано, как американо-британский блок пытался дестабилизировать ситуацию в Албании и свергнуть режим Э. Ходжи. Позднее албанский фактор стал одним из ключевых в разрушении Югославии и Сербии.

Международно-правовые науки

Киберэкстремизм – угроза национальной безопасности

105

А. Побегайло

Киберэкстремизм – одна из ключевых угроз национальной безопасности России. На основе статистических данных и материалов правоприменительной практики исследуются тенденции и особенности данного вида преступности. Предлагаются пути совершенствования мер противодействия, включая профилактическую работу и внедрение современных технологий.

Содержание на английском языке / Contents in English

120

Председатель Совета учредителей

К. Ф. ЗАТУЛИН

**Издатель: Институт стран СНГ
(Институт диаспоры и интеграции)**

Редакционная коллегия:

ШТОЛЬ В. В. – главный редактор, доктор политических наук, профессор

ЕГОРОВ В. Г. – шеф-редактор, доктор экономических наук, доктор исторических наук, профессор;

ЕРЕМЕНКО И. Н. – заместитель главного редактора, кандидат технических наук;

АБАШИДЗЕ А. Х. – доктор юридических наук, профессор; **АТЛАГИЧ С. М.** – доктор политических наук, профессор (Сербия); **ВОРОБЬЕВ С. В.** – доктор исторических наук, профессор; **ГРОМЫКО А. А.** – доктор

политических наук, член-корреспондент РАН; **ГУСЬКОВА Е. Ю.** – доктор исторических наук, профессор;

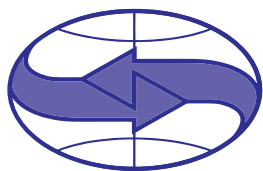
ЗАДОХИН А. Г. – доктор политических наук, профессор; **КАРТАШКИН В. А.** – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ; **ЛУЗЯНИН С. Г.** – доктор исторических наук, профессор;

МАТВЕЕВ О. В. – доктор исторических наук, профессор; **МЕРКУРЬЕВ В. В.** – доктор юридических наук, профессор; **ОРЛОВ А. А.** – кандидат исторических наук, почётный работник МИД России; **ПАВЛОВ Е. Я.** –

доктор юридических наук, профессор; **ПЛЯЙС Я. А.** – доктор исторических наук, доктор политических

наук, профессор; **ПОДБЕРЁЗКИН А. И.** – доктор исторических наук, профессор; **ПОНОМАРЕВА Е. Г.** – док-

тор политических наук, профессор; **ЦЫГАНКОВ П. А.** – доктор философских наук, профессор.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ
OBSERVER

© Институт стран СНГ

Россия в многополярном мире

Владимир ЕГОРОВ

В политологическом дискурсе проблема определения геополитической идентичности России становится актуальной, в частности, из-за транзитного характера современного цивилизационного устройства мира, обуславливающего подвижность и исключительную динамичность планетарных политических процессов.

Несостоявшийся либерально-демократический «конец истории» (Ф. Фукуяма) обнажил быстро нарастающий кризис капиталистической «мир-системы» (И. Валлерстайн). Многие интеллектуалы стали описывать современное состояние *мирового порядка термином из термодинамики – «конец определённости»* (И. Пригожин).

Господствующий в мире порядок, основанный на капиталистических отношениях, как и любая другая социальная система, имеет свои исторические пределы и подлежит не просто ремонту, а замене, предпо-

лагающей смену планетарной политической архитектуры.

«Внутренние противоречия либеральной идеологии, – писал И. Валлерстайн, – носят тотальный характер. Если у всех людей равные права и у всех народов равные права, мы не можем сохранять такую неэгалитарную систему, какой всегда была и всегда будет капиталистическая мир-экономика. ...А если система лишена легитимности, она не выживет.

Кризис тотален, дилемма тотальна. Мы будем переживать её следствия в ближайшие полвека. ...Какого бы рода новую историческую систему мы ни построили... одно несомненно: это не будет система, основанная на либеральной идеологии, какой мы её знаем на протяжении вот уже двух веков»¹.

ЕГОРОВ Владимир Георгиевич – доктор исторических наук, доктор экономических наук, профессор, профессор РЭУ им. Г.В. Плеханова, профессор МГТУ им. Н.Э. Баумана. *E-mail*: korrka@mail.ru

Ключевые слова: кризис мировой политики, геополитическая идентичность России, многополярный мир, альтернатива миру, основанному на правилах, национальные интересы России.

¹ Центр консервативных исследований – Иммануил Валлерстайн: Непреодолимые противоречия либерализма // URL: <https://konservatizm.org/konservatizm/sociology/190412112416.html>

Вторым трендом, влияющим на расстановку сил в мире в целом и роль России в его обновляемой архитектуре, становятся проявляющиеся последствия депривации либерального мейнстрима в его западном изводе.

Расширяется круг субъектов мировой политики, в который, наряду с национальными государствами, инкорпорируются гражданские структуры и отдельные влиятельные политические акторы. Вне компетенции стран оказывается ряд проблем и рисков планетарного масштаба, требующих консолидированных мер всего мирового сообщества, т. е. на смену миру с западноцентричным вектором принятия решений приходит планетарный порядок, предполагающий его демократизацию с участием всего мирового большинства в принятии судьбоносных решений.

Несмотря на снижение в условиях политической турбулентности эффективности ООН, её роль (в силу уникальности и потенциала) в будущем мироустройстве трудно переоценить. Институционализация демократизации международного политического пространства в настоящее время представляется возможной только через совершенствование её деятельности, в том числе благодаря усилиям России, постоянного члена Совета Безопасности, и её лидирующим позициям в борьбе за преодоление западной гегемонии.

России приходится преодолевать противодействие Запада, продавливающего мировой порядок, основанный на «правилах» (*Rules-Based Order*), предполагающих построение международных отношений на принципах, желательных для «цивилизованного меньшинства» и не являющихся нормами международного права².

Австралийский дипломат Б. Скотт попытался объяснить происхождение «правил», предложенных «избранными», но обязательных для всех. Согласно его точке зрения, понятие «правил» появилось в 90-х годах после распада социалистической системы как результат всемирной победы либерального миропорядка с якобы изначально присущими отношениям между государствами, придерживающимися этой ориентации³.

Внедрением «правил» в практику международных отношений мир обязан Х. Клинтон, а в широком обиходе концепт утвердился после 2014 г. для оценки неприемлемости присоединения Крыма к России и строительства Китаем островов в Южно-Китайском море⁴.

Произвольно внедрив понятие правил в практику международных отношений, Запад стал утверждать «право наказывать их нарушителей»⁵. Поэтому несмотря на усилия по продвижению справедливого устройства мира, основанного на принципах равной безопасности всех стран, именно Россия со своими ближайшими партнёрами оказалась в представлении западного истеблишмента основной угрозой человечества.

² Нефедов Б.И. Понятие «правила» в доктрине «международного порядка, основанного на правилах» // Россия и современный мир. 2021. № 3. С. 6–11.

³ Бен С. Порядок, основанный на правилах: что скрывает название // Россия в глобальной политике // URL: <https://globalaffairs.ru/articles/poryadok-na-pravilah-chto-eto>

⁴ Там же.

⁵ Лавров С.В. О праве, правах и правилах (англ.) // Россия в глобальной политике. 2021. № 4. С. 8–20.

Третье обстоятельство, обуславливающее нарастающий интерес к проблеме геополитической идентичности России, связано с осознанием российским обществом необходимости национально ориентированной стратегии её развития.

После несостоятельной попытки встроиться в ряды стран «цивилизованного меньшинства» из-за враждебности Запада она выбрала путь, фундируемый историко-культурными нарративами.

О неприятии западного культурного опыта говорит факт его отторжения большинством населения России даже спустя 35 постсоветских лет.

Согласно результатам социологического исследования, проведённого Институтом социально-политических исследований РАН (2025 г.), «большинство россиян (43%) выражает желание жить в новом социалистическом обществе, что свидетельствует о неудовлетворённости существующей экономической системой и стремлении к более справедливому распределению ресурсов и возможностей»⁶.

Продвижение Россией порядка, основанного на равных правах для всех стран и народов на самобытное развитие, находит всё больше сторонников в мире.

Особое положение России в данном вопросе объясняется, во-первых, естественной, не сконструированной мультикультурностью её самой и, как следствие, открытостью к диалогу со всеми народами, независимо от культурных и конфессио-

нальных предпочтений, а во-вторых, уникальностью российского опыта внедрения цивилизационных инноваций: Россия прошла через форсированную капитализацию и индустриализацию, ломку традиционного уклада жизни сельского населения при столыпинском курсе внедрения «американского» капитализма в сельском хозяйстве; коллективизации; построения коммунизма, рождённого на «чужеродной почве», и, наконец, попытки капиталистической регенерации.

Вряд ли с таким опытом трансформаций может сравниться исторический путь любой другой страны. Вполне обоснованно поэтому выглядит предложенная Россией идея многополярного мира, фактически воспроизводящей российское сообщество свободно развивающихся этнокультурных образований. Именно поэтому Россия может релевантно оценивать преимущества и изъяны экономических формаций и предлагать своё видение глобального развития.

О своём рецепте построения постоднопольярного мира говорят и представители западной политической мысли. «В XXI столетии, – пишет президент американского Совета по международным отношениям Р. Хаас, – основной чертой международных отношений станет беспольярность»⁷.

Идея многополярности, представляемая как «концерт держав», устанавливающий правила игры и меры воздействия на их «нарушите-

⁶ Опросы РАН показывают, что большинство россиян... // URL: <https://m.ok.ru/profile/574736132357/statuses/156419626059013>

⁷ Хаас Р. Эпоха беспольярного мира // Россия в глобальной политике. 2008. № 4 // URL: <https://globalaffairs/articles/epoha-bespolyarnogo-mira/>

лей» либо строящийся на балансе сил, по мнению политологов Запада, является труднореализуемой или совсем непригодной для воплощения. В настоящее время нарастает «расеянность центров силы», которые помимо государств включают территориальные образования (штаты, земли, провинции, крупные города, организации, альянсы). «Центры глобального влияния», обладающие эффективным смертоносным оружием, при существующей информационной транспорентности государственных границ преодолевают как кратковременно сложившуюся однополярность, так и возможность формирования многополярности, характерной для первой половины XX в.

Ч. Краутхаммер, в отличие от Р. Хааса, допускает репродукцию многополярности подобно той, что существовала перед Первой мировой войной. Однако это возможно, по его мнению, только при условии появления великих держав, «равных Соединённым Штатам», и порядка, «основанного на взаимосвязи, а не на суверенитете», т. е. такой многополярный мир Ч. Краутхаммер видит только в случае реализации либерального интернационализма, лидирующие позиции в формировании которого должны принадлежать США⁸.

В подобной постановке вопроса многополярность Ч. Краутхаммера,

как и бесполярность Р. Хааса, тождественны и фактически означают универсализацию либеральной демократии, которую не по принуждению, а добровольно примут все центры силы.

Не тождественна многополярности, отстаиваемой Россией, и многосторонность (*multilateralism*). Последняя как соглашение или альянс, включающий несколько государств, сродни той трансатлантической консолидации Запада, достижение которой ставил себе в заслугу президент Америки Дж. Байден.

О тенденции «перехода от конфронтационного двухполюсного к многополюсному миру» после окончания холодной войны говорил и академик Е.М. Примаков (1996 г.)⁹. В качестве характерной черты начавшего формироваться многополярного мироустройства он отмечал, что мир, основанный на балансе сил, уступает историческую сцену миру, основанному «на равноправном партнёрстве» и отсутствии «разделительных линий» по идеологическим и иным причинам, но обращал внимание на существующую опасность «нового» раздела в связи с возможностью расширения НАТО на Восток*. Второй потенциальной разделительной линией Е.М. Примаков считал попытку «зачислять чуть ли не весь мусульманский мир в стан противников современной цивилизации».

⁸ Krauthammer Ch. The Unipolar Moment Revisited // URL: https://www.belfeecer.org/sites/default/files/pantheon_files/files/publication/Krauthammer.pdf

⁹ Примаков Е.М. Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы // Международная жизнь. 1996. № 10. С. 3-13.

* Ещё до первой волны расширения НАТО (февраль 1994 г.) Украина и Грузия (март 1994 г.) вошли в программу «Партнёрство ради мира», фактически начав подготовку к вступлению в Североатлантический альянс (Information on NATO-Georgia Relations//mfa.gov.ge; NATO Grants 'Intensified Dialogue' to Georgia. Civil Georgia; 'NATO Launches 'Intensified Dialogue' with Ukraine. NATO).

По мнению Е.М. Примакова, многополярный мир должен быть избавлен от «контрпродуктивных силовых приёмов, применяемых с целью подавления неугодных режимов», а также от «менталитета “ведущих” и “ведомых”». Тем более что ни одна страна не обладает «достаточной мощью, чтобы в одиночку справиться с легионом проблем»¹⁰.

Противодействие нарастающей тенденции продавливания однополярности нашло отражение в российско-китайской декларации (23 апреля 1997 г., Москва), где в п. 1 констатировалось: «Стороны в духе партнёрских отношений будут прилагать усилия для содействия развитию многополярного мира и установлению нового международного порядка».

В документе даны общие принципы построения многополярного мира. «Каждое государство имеет право, исходя из своих конкретных условий, независимо и самостоятельно выбирать путь развития без вмешательства со стороны других государств. Различия в социальном строе, идеологиях, системах ценностей не должны становиться препятствием для развития нормальных межгосударственных отношений».

Все страны, будь то большие или малые, сильные или слабые, богатые или бедные, являются равноправными членами международного сообщества. Ни одна страна не должна стремиться к гегемонии, проводить политику с позиции силы и монополизировать международные дела»¹¹.

Курс на многополярность во внешней политике России был провозглашён в Концепции национальной безопасности Российской Федерации» (2000 г.)¹², в которой отмечались две тенденции развития международных отношений после распада биполярной системы: одна – это стремление сообщества западных стран, при безусловном лидерстве США, установить миропорядок с их доминированием, а другая – вектор развития на многополярность, а именно: «Россия будет способствовать формированию идеологии становления многополярного мира»¹³.

В 2009 г. многополярность как целеполагание российской внешней политики вошла в текст Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.

В п. 1 Стратегии говорится о главной цели национальной безопасности, заключающейся в достижении ключевой субъектности в «формирующихся многополярных международных отношениях»¹⁴.

И далее: «Национальные интересы Российской Федерации на долгосрочную перспективу заключаются в превращении Российской Федерации в мировую державу, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнёрских отношений в условиях *многополярного мира*» (выд. – Авт.)¹⁵.

¹⁰ Примаков Е.М. Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы. С. 4.

¹¹ Дипломатический вестник. 1997. № 5 // URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/dipvestnik/

¹² Указ Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // URL: <https://government.ru/docs/all/34114/>

¹³ Там же.

¹⁴ Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/95521/>

¹⁵ Там же.

Вряд ли сегодня найдётся провидец, способный чётко очертить контуры многополярного мира, но можно попытаться сформулировать его основополагающие принципы:

- это порядок, не отрицающий суверенитета, а выстраиваемый параллельно с его укреплением.

Необходимость укрепления суверенитета не говорит об утверждении его застывших форм. Суверенитет означает право народа на самостоятельный выбор пути своего развития, без нарастания закрытости и изоляционизма. Суверенитет – это реализация свободы, в том числе открытость государств в культурном, научном, духовном обмене;

- это архитектура миропорядка, исключая какую-либо социокультурную универсальность;

- это создание максимально комфортных экономических, социальных, политических условий для всего населения планеты без одинаковых моделей их достижения. Ни одна из социальных систем не может представляться абсолютной и считаться единственно возможной. Человечество должно отказаться от нормативного подхода к оценке цивилизованности, прогрессивности или культуры государств, социумов и способов их организации, сложившихся в историко-культурном процессе;

- многополярный мир – это мир, в котором все страны обладают равным и беспрепятственным доступом к глобальному информационному пространству как способу перехода

к постмодерну, способному преодолеть изъяны, которые неизбежно порождает капитализм (в его современном воплощении позднего модерна), в том числе нарастающее неравенство.

Императивом многополярности является укрепление и совершенствование структур глобального управления и его институализации. Справедливый мир равных вне института, устанавливающего «правила игры», обязательные для всех, неизбежно обернётся хаосом.

Даже пунктирное обозначение основных характеристик многополярности свидетельствует о сложности задач по её имплементации.

Как считает министр иностранных дел С.В. Лавров, процесс формирования многополярного мира будет протяжённым: «...Смена эпох – это всегда очень длительный период, это будет продолжаться ещё длительное время»¹⁶.

Научный руководитель РСМД А.В. Картунов призывает задуматься над тем обстоятельством, что происходящая сегодня смена мирового порядка растянута во времени, хотя прежде осуществлялась революционно, создаёт так называемую серую зону с отсутствием каких-либо правил игры, признанных не «лидирующим цивилизованным сообществом» Запада, а большинством человечества. А это чревато перманентно вспыхивающими конфликтами малой и большой силы, создающими риски глобальной катастрофы и фрагментации мира. Можно предположить, что путь к многополярности

¹⁶ Лавров заявил, что многополярная архитектура должна опираться на баланс интересов // URL: <http://tass.ru/politika4477015>

имеет некий переходный период с наличием центров консолидации, чётко обозначенными «правилами», позволяющими рационально выстраивать отношения между несколькими интегрированными сообществами в целях сохранения цивилизации.

Реальность, формирующаяся на месте убывающей однополярности, даёт основание утверждать, что один из таких центров уже создаётся вокруг США. И все нюансы, связанные с отклонениями от устойчивой сплочённости трансатлантического сообщества в связи с электоральными колониями, указывают лишь на кристаллизацию принципов, на которых он будет строиться, а именно на непрекращаемой гегемонии Соединённых Штатов, а также иерархии и силовом давлении на каждого участника для закрепления его места и роли в «западном лагере».

Другим центром, пока обретающим очертания и свои правила интеграции, является планетарное большинство – «не-Запад».

В случае имплементации «новой биполярности»¹⁷ необходимо определиться, насколько «транзит» подобной конфигурации может быть устойчивым и обеспечивать планетарную безопасность.

Консолидация коллективного Запада, при всех отклонениях, не вызывает сомнений, так как смена миропорядка вызвана завершением исторического пути модерна, а накал международных противоречий до невиданного прежде уровня

связан с попытками если не предотвратить закат, то по крайней мере его замедлить. В *realpolitik* такая позиция Запада означает борьбу за сохранение доминирования на финансовых рынках, позволяющих контролировать глобальную экономику, обеспечивать военно-политическое превосходство и приоритетные позиции в мировой торговле, т. е. то, что характеризуется термином «неоколониализм».

«Незападный мир» не разделяет такое целеполагание Запада и стремится к интеграции в альянсы, организации и объединения стран, не желающих нового колониализма.

«Ключевые, разделяемые в России идеи о важности многополярности, межкультурного диалога и сопротивления западному "колониализму", – пишет А.П. Цыганков, – принимаются в Китае, Индии, Бразилии, Турции, Южной Африке и других странах. Они звучат в политических декларациях БРИКС, ШОС и других организаций на протяжении последних двух десятилетий»¹⁸.

Такое единодушие незападного большинства становится весомым фактором для сплочённости западного сообщества и даже забвения ради солидарности национальных интересов.

Этос Запада, лежащий в плоскости материального, если не гарантирует, то является весомым аргументом в пользу того, что представители истеблишмента постараются не соскользнуть в пропасть глобального армагеддона (таб.).

¹⁷ Куртов А. Почему мир не становится многополярным // Россия в глобальной политике // URL: <https://globalaffairs.ru/artickes/pochemu-mir-ne-stanovitsya-mnogopolyarnym/>

¹⁸ Цыганков А.П. Уроки Примакова // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23. № 3(133). С. 149.

Затраты американских олигархов «на вечную жизнь»¹⁹

Олигарх	Затраты, долл.
Джефф Безос (59 лет), владелец Amazon	3 млрд
Сергей Брин (49 лет) и Ларри Пейдж (50 лет), соучредители Google	более 2 млрд
Сэм Альтман (37 лет), генеральный директор Open AI (компания-создатель нейросети ChatGPT)	180 млн
Питер Тиль (55 лет), соучредитель платёжной системы PayPal	более 100 млн
Брайан Джонсон (45 лет), создатель компании по обработке электронных платежей Braintree	более 100 млн

В 2023 г. были учреждены *Rejuvenation Olympics* (Олимпийские игры по омоложению), участниками которых являются исключительно миллиардеры, соревнующиеся в достижениях по замедлению старения²⁰.

В 2016 г. исследователи из американских некоммерческих организаций *Oxford Economics* и *AARP* в своём отчёте *The Longevity Economy* оценили размер экономики долголетия в США в 7,1 трлн долл. В 2032 г. этот показатель, по их прогнозам, должен практически удвоиться и составить 13,5 трлн²¹.

Ситуация с нарастающим движением среди олигархов за вечную жизнь объясняется не только их большими финансовыми возможностями. «Оседлав» жизнь земную, сильные мира сего считают, что их возможности безграничны и могут распространяться в сферы, пока не подвластные человечеству.

В стратегии «вечной жизни», избранной «сильными мира сего», явно отсутствует намерение рискнуть с ядерным безумием.

И в 1914 г., и в 1939 г. предпочтения западной элиты были такими

же, как и сегодня. Однако ситуация с тех пор кардинально изменилась:

- во-первых, глобальная военная мощь возросла настолько, что может многократно уничтожить не только все живое на Земле, но и саму планету;
- во-вторых, мир стал настолько взаимосвязанным, что любой локальный конфликт может перерасти в мировую катастрофу.

Длительность формирования нового мирового порядка связана не с экономическим или политическим поражением Запада или мирового большинства, а с переходом человечества в новую социальную систему постмодерна, где определяющим фактором развития станет информация, а не материальные активы. Если недавно это положение могло оцениваться как пафос или футурологический проект, то сегодня в условиях нарастающей информационно-коммуникацион-

¹⁹ Самые богатые люди мира устроили гонку за бессмертием: миллиардеры покупают себе вечную жизнь // URL: <https://www.kp.ru/daily/27490.5/4748864/>

²⁰ Путь к вечной жизни: как миллиардеры-биохаеры продлевают себе молодость // URL: <https://health.mail.ru/article/3295631-put-k-vechnoj-zhizni-kak-milliardery-biohakery-pro/#anchor3999>

²¹ Бессмертие в портфеле: как миллиардеры инвестируют в продление жизни // Forbes.ru // URL: <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/369867-bessmertie-v-portfele-kak-milliardery-investiruyut-v-prodlenie-zhizni>

ной революции выглядит вполне уместно и реалистично.

Традиционные ценности, генерированные человечеством при выработке социальных императивов, обеспечивающих выживание, скорее всего, будут служить скрепляющим мир материалом. Именно поэтому В.В. Путин предположил, что стержень мировой цивилизации будет составлять «традиционные общества Востока, Латинской Америки, Африки и Евразии»²², длительный исторический период развивающиеся в лоне аграрного общества – «колыбель» нравственного и этического достояния человечества. Не политический конструкт, призванный служить партикулярным интересам и изменяющий свои сущностные качества настолько, что (как в случае с либеральной демократией) обретает свойства технологии или даже становится основанием внешней агрессивности, а сущностная первооснова, заключённая в ценностных устоях, обеспечивающих существование человечества, может стать основой мировой консолидации. Традиционные ценности в отличие от политически ангажированных умозаключений и соответствующих им институтов должны и будут оставаться фундаментом планетарной цивилизации на всём протяжении её существования.

Суть такого взгляда, проекция которого обращена в будущее мироустройство, иллюстрирует фраза экс-советника по национальной

безопасности президента США Дж. Салливана. Он писал (2019 г.), что условием успеха реализации стратегии американской исключительности может быть только «разгром парадигмы, выдвигающей на первый план этническую и культурную идентичность», являющуюся продуктом традиционной эпохи²³.

Контекст, связанный с традиционным основанием международного сотрудничества в период формирования многополярности, предполагает раздел мира по цивилизационной идентичности: Запад, исторический путь которого в общих чертах воспроизводит ускоренное преодоление традиции и развитие в социально-экономической системе модерна (исключением из этой логики является Япония), и не-Запад в силу разных причин не повторивший эту цивилизационную траекторию²⁴.

Структурным фактором быстро формирующегося незападного сообщества стран остаются суверенитет и равные права в развитии собственных социокультурных идентичностей. Если противоположный «цивилизационный полис» стремится к универсализации в рамках либерально-демократического шаблона и единых «правил» поведения, то мировое большинство, напротив, выступает за многоцветье культур, их свободный обмен и право на самоопределение каждой страны во внутренней и внешней политике. Это отличие подчеркнул В.В. Пу-

²² Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. 27.10.2022 // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69695>

²³ *Sullivan J.* What Donald Trump and Dick Cheney Got Wrong About America // Atlantic. 2019 // URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2019/01/ves-america-can-still-lead-the-world/576427/>

²⁴ *Дробинин А.Ю.* Образ многополярного мира. Цивилизационный фактор и место России в формирующемся миропорядке // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 2. С. 54-62.

тин: «Если либеральная глобализация – это обезличивание, навязывание всему миру западной модели, то интеграция, напротив, раскрытие потенциала каждой цивилизации в интересах целого, ради общего выигрыша»²⁵.

Видению будущего мирового порядка в оптике цивилизационного подхода противоречит позиция, отождествляющая цивилизацию и цивилизованность как степень инкорпорирования народами либеральной демократии и модерна, что равно освобождению от варварства²⁶.

Такая логика ведёт к ложному выводу, что если бы не произошло ограбления Западом Византии; чудовищного уничтожения цивилизаций двух Америк, колониального грабежа большей части человечества; ускоренной имплементации правового пространства, предполагавшего защиту прав и свободу личности как императива функционирования института частной собственности, то на планете, видимо, вообще не существовало бы цивилизаций.

Продвижение многополярности мироустройства, поддержанное большинством человечества, обусловлено прежде всего национальными интересами России.

Несостоятельность курса на вестернизацию и отторжение Западом попыток России добиться гарантий равной безопасности, т. е. прекратить продвижение военной инфраструктуры НАТО к российским границам, инициировали по-

иск Россией адекватного внешнего политического курса.

Переломным событием стала попытка президента России донести до представителей западного истеблишмента озабоченность из-за нарастания угроз национальной безопасности на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности (10 февраля 2007 г.). «Думаю, очевидно, что процесс натовского расширения не имеет никакого отношения к модернизации самого альянса или к обеспечению безопасности в Европе. Наоборот – это серьёзно провоцирующий фактор, снижающий уровень взаимного доверия. И у нас есть справедливое право откровенно спросить – против кого это расширение? И что стало с теми заверениями, которые давались западными партнёрами после роспуска Варшавского договора? Где теперь эти заявления? О них даже никто не помнит... Хотел бы привести цитату из выступления Генерального секретаря НАТО господина Вернера в Брюсселе 17 мая 1990 года. Он тогда сказал: “Сам факт, что мы готовы не размещать войска НАТО за пределами территории ФРГ даёт Советскому Союзу твёрдые гарантии безопасности”. Где эти гарантии?

Камни и бетонные блоки Берлинской стены давно разошлись на сувениры. Но нельзя забывать, что её падение стало возможным и благодаря историческому выбору, в том числе нашего народа – народа России, выбору в пользу демократии и свободы, открытости и искреннего

²⁵ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай».

²⁶ Янов А. Сколько на Земле цивилизаций? // Россия в глобальной политике. 2006. № 5 // URL: <https://globalaffairs.ru/articles/skolko-na-zemle-civilizacij/>

партнёрства со всеми членами большой европейской семьи.

Сейчас же нам пытаются навязать уже новые разделительные линии и стены – пусть виртуальные, но все-таки разделяющие, разрезающие наш общий континент. Неужели вновь потребуются долгие годы и десятилетия, смена нескольких поколений политиков, чтобы “разобрать” и “демонтировать” эти новые стены?»²⁷

Нерелевантность попыток обеспечить собственную безопасность в однополярном обрастающем трансатлантической солидарностью мире стала ещё более очевидной после негативной реакции на предложения России к США и НАТО в декабре 2021 г.

Предложения Москвы были связаны с тем, что в 2019 г. в Конституцию Украины были внесены правки, в соответствии с которыми Киев отказывался от внеблокового статуса, предусмотренного Декларацией о государственном суверенитете Украины (1990 г.). Именно тогда Запад стал активно поощрять украинскую инициативу по вступлению в НАТО, а это кардинально ухудшало положение с безопасностью России, которое усугублялось реальным освоением структурами Североатлантического альянса территории Украины.

В конце 2021 г. Россия потребовала от США и НАТО юридических гарантий безопасности, сформулированных в российском предложении к США по гарантиям безопасности

России, и проекте Соглашения о мерах обеспечения безопасности Российской Федерации и государств – членов Организации Североатлантического договора».

В предложениях России предусматривалось:

- отказ США от создания военных баз в постсоветских государствах и прекращение любого военного сотрудничества с ними;

- обязательство США исключить дальнейшее расширение НАТО на Восток и отказ от приёма в альянс постсоветских государств;

- отказ России и США от развертывания ракет средней и меньшей дальности в местах, из которых они могут поражать цели на территории другой стороны;

- обязательство сторон не развёртывать ядерное оружие за пределами своих границ; вернуть оружие, развёрнутое ранее вне национальных территорий; ликвидировать зарубежную инфраструктуру для размещения ядерного оружия; не проводить учений с отработкой применения ядерного оружия; не обучать военных неядерных государств применению ядерного оружия;

- обязательство сторон воздержаться от полётов тяжёлых бомбардировщиков вне своего неба и от присутствия боевых кораблей в районах вне национальных вод, откуда могут быть поражены цели на территории другой стороны;

- невмешательство во внутренние дела, включая отказ от поддержки организаций, групп и отдельных лиц, выступающих за «неконституционную смену власти», а также любых действий, имеющих целью изменение политического или социального строя одной из сторон²⁸.

Проект Соглашения предусматривал обязательства НАТО:

- вывод с территории стран, ставших членами НАТО после 1997 г., всех вооружённых сил и вооружений, появившихся там за последующие годы;

²⁷ Асимметричный ответ. Стенограмма речи В.В. Путина на конференции в Мюнхене 10 февраля 2007 г. // URL: <https://lenta.ru/articles/2007/02/10/asymmetry/>

²⁸ МИД раскрыл требования России к США по гарантиям безопасности // URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/12/2021/61bc677a9a794774aa95d5bd>

– исключение дальнейшего расширения НАТО, в том числе присоединение Украины, а также других государств;

– отказ НАТО от любой военной деятельности на Украине, в Восточной Европе, Закавказье и Центральной Азии;

– подтверждение того, что стороны «не рассматривают друг друга в качестве противников» и готовы «мирно решать все международные споры, а также воздерживаться от любого применения силы»;

– в целях «исключения возникновения инцидентов» стороны обязываются отказаться проводить военные учения и другие действия «свыше бригадного уровня» в согласованной приграничной полосе;

– создание горячих линий для экстренных контактов между Россией и НАТО²⁹.

Назвав инициативу Кремля «ультиматумом Путина», Запад в ответ ещё более радикализировал свою позицию в сфере безопасности вообще и Украины в частности.

Таким образом, российский курс на многополярность стал результатом выверенного анализа мировой политической реальности и нарастающей угрозы национальной безопасности, что стало основанием для активной внешнеполитической позиции продвижения новой архитектуры международных отношений.

Стратегия национальной безопасности России – 2021 определила центральной задачей «укрепление суверенной государственности России как страны, способной проводить самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, эффективно противо-

стоять попыткам внешнего давления», а также российские национальные интересы как «объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии»³⁰. Стратегия содержит основополагающую характеристику изменений мирового политического ландшафта, определяющего направления обеспечения национальных интересов России.

«Современный мир переживает период трансформации. Увеличение количества центров мирового экономического и политического развития, укрепление позиций новых глобальных и региональных стран-лидеров приводит к изменению структуры мирового порядка, формированию новых архитектуры, правил и принципов мироустройства.

Стремление стран Запада сохранить свою гегемонию, кризис современных моделей и инструментов экономического развития, усиление диспропорций в развитии государства, повышение уровня социального неравенства, стремление транснациональных корпораций ограничить роль государства сопровождаются обострением внутриполитических проблем, усилением межгосударственных противоречий, ослаблением влияния международных институтов и снижением эффективности системы глобальной безопасности.

Усиливающаяся нестабильность в мире, рост радикальных и экстремистских настроений могут привести к попыткам разрешить нарастающие межгосударственные противоречия за счёт поиска внутренних и внешних врагов, к разрушению экономики, традиционных ценностей и игнорированию основных прав и свобод человека.

В условиях нарастающей геополитической напряжённости внешняя политика Российской Феде-

²⁹ Соглашение о мерах обеспечения безопасности Российской Федерации и государств-членов Организации Североатлантического договора // URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/rso/nato/1790803/

³⁰ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/47046>

рации должна способствовать повышению устойчивости системы международных отношений, опирающейся на международное право, принципы всеобщей, равной и неделимой безопасности, углублению многостороннего взаимодействия без разделительных линий и блоковых подходов в целях совместного решения глобальных и региональных проблем при центральной координирующей роли Организации Объединённых Наций (ООН) и её Совета Безопасности»³¹.

В Стратегии указывается, что актуальной проблемой нового мироустройства становится фактор «морального лидерства»³². Очевидным является длительность и нетривиальность строительства нового многополярного мирового порядка, который в современных реалиях международных отношений (как и демократия) восполняет скорее функцию целеполагания, пока не имеющего выверенных рецептов воплощения. Но этот процесс, во-первых, способствует определению лидерства государств не только в зависимости от традиционных критериев состоятельности (материальных и военно-политических), но прежде всего приятием моральных принципов (равенства и справедливости в международных отношениях), а во-вторых, становится приятелятельной силой международной интеграции и сотрудничества, признанной мировым большинством.

Если в качестве отнесения к числу демократических стран апологеты «западного выбора» причисляли исключительно государства, присоединившиеся к «правилам», диктуемым Западом, то в быстро

меняющемся мире такой нарратив становится непривлекательным. Демократия в международных отношениях всё больше «открывается» в стремлении к равенству, уважению прав на самоопределение.

Национальные интересы России, сформулированные в Стратегии, гармонично вписываются в логику движения мира к новому порядку. В самом концентрированном виде таковые сводятся к:

- устойчивому суверенному развитию на основе сбережения народа;
- инновационной экономике и стабильности, обеспечиваемой сохранением и умножением традиционных ценностей и культуры.

Полное совпадение российских национальных интересов с траекторией выстраивания многополярного мира обеспечивает России в его архитектуре значимое положение.

В Обращении к участникам X Московской конференции по международной безопасности (16 августа 2022 г.) В.В. Путин отмечал: «Ситуация в мире динамично меняется, формируются контуры многополярного мироустройства. Все больше стран и народов выбирают путь свободного, суверенного развития с опорой на свою самобытность, традиции, ценности.

Этим объективным процессам противодействуют западные глобалистские элиты, провоцируя хаос, разжигая застарелые и новые конфликты, реализуя политику так называемого сдерживания, а по сути – подрыва любых альтернативных, суверенных путей развития. Тем са-

³¹ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

³² Там же.

мым они всеми силами пытаются сохранить ускользающую из их рук гегемонию, власть, пытаются удерживать страны и народы в тисках неоколониального по своему характеру порядка. Их гегемония означает стагнацию для всего мира, для всей цивилизации, мракобесие и отмену культуры, неолиберальный тоталитаризм»³³.

Действующей Концепцией внешней политики России определила центральную задачу, которая состоит в реализации «самостоятельного и многовекторного (выд. – Авт.) внешнеполитического курса, упрощении «позиций Российской Федерации как одного из ответственных, влиятельных и самостоятельных центров современного мира»³⁴.

Итак, Россия, олицетворявшая в недалёком по меркам истории прошлом альтернативное Западу будущее человечества, в силу новых объективных условий смены парадигмы мирового развития постепенно восстанавливает статус страны с привлекательными ценностями и внешнеполитической стратегией.

Этому способствуют не столько традиционные, определяемые экономикой и военной силой факторы, сколько продвигаемые в международных отношениях многополярность, равенство и право на самобытное развитие.

Библиография • References

Асимметричный ответ. Стенограмма речи В.В. Путина на конференции в Мюнхене 10 февраля 2007 г. // URL: <https://lenta.ru/articles/2007/02/10/asymmetry/>

Бен С. Порядок, основанный на правилах: что скрывает название // Россия в глобальной политике // URL: <https://globalaffairs.ru/articles/poryadok-na-pravilah-chto-eto>

Дипломатический вестник. 1997. № 5 // URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/dipvestnik/

Дробинин А.Ю. Образ многополярного мира. Цивилизационный фактор и место России в формирующемся миропорядке // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 2. С. 54-62.

Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. 27.10.2022 // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69695>

Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586>

Куртов А. Почему мир не становится многополярным // Россия в глобальной политике // URL: <https://globalaffairs.ru/artickes/pochemu-mir-ne-stanovitsya-mnogopolyarnym/>

Лавров заявил, что многополярная архитектура должна опираться на баланс интересов // URL: <http://tass.ru/politika4477015>

³³ Обращение к участникам и гостям X Московской конференции по международной безопасности. Президент России 16 августа 2022 г. // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69166>

³⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586>

- Лавров С.В.* О праве, правах и правилах (англ.) // Россия в глобальной политике. 2021. № 4. С. 8-20.
- МИД раскрыл требования России к США по гарантиям безопасности // URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/12/2021/61bc677a9a794774aa95d5bd>
- Нефедов Б.И.* Понятие «правила» в доктрине «международного порядка, основанного на правилах» // Россия и современный мир. 2021. № 3. С. 6-11.
- Обращение к участникам и гостям X Московской конференции по международной безопасности. Президент России 16 августа 2022 г. // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69166>
- Примаков Е.М.* Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы // Международная жизнь. 1996. № 10. С. 3-13.
- Соглашение о мерах обеспечения безопасности Российской Федерации и государств-членов Организации Североатлантического договора // URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/rso/nato/1790803/
- Указ Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // URL: <https://government.ru/docs/all/34114/>
- Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/95521/>
- Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/47046>
- Хаас Р.* Эпоха бесполярного мира // Россия в глобальной политике. 2008. № 4 // URL: <https://globalaffairs/articles/epoha-bespolyarnogo-mira/>
- Центр консервативных исследований – Иммануил Валлерстайн: Непреодолимые противоречия либерализма // URL: <https://konservatizm.org/konservatizm/sociology/190412112416.html>
- Цыганков А.П.* Уроки Примакова // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23. № 3(133). С. 138-150.
- Янов А.* Сколько на Земле цивилизаций? // Россия в глобальной политике. 2006. № 5 // URL: <https://globalaffairs.ru/articles/skolko-na-zemle-civilizacij/>
- Information on NATO-Georgia Relations//mfa.gov.ge; NATO Grants 'Intensified Dialogue' to Georgia. Civil Georgia; 'NATO Launches 'Intensified Dialogue' with Ukraine. NATO.
- Krauthammer Ch.* The Unipolar Moment Revisited // URL: https://www.belfeecer.org/sites/default/files/pantheon_files/files/publication/Krauthammer.pdf
- Sullivan J.* What Donald Trump and Dick Cheney Got Wrong About America // Atlantic. 2019 // URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2019/01/ves-america-can-still-lead-the-world/576427/>

Статья поступила в редакцию 31 июля 2025 г.

Статья принята к печати 7 августа 2025 г.

Метамодернизм как политическая парадигма

Константин ФЕОФАНОВ

Тема данной статьи сформулирована несколько претенциозно: и метамодернизм, и предшествующие и сосуществующие с ним модернизм и постмодернизм являются в большей степени философско-социокультурными, ценностно-мировоззренческими и этико-эстетическими, и пока только косвенно, поскольку детерминируют и формируют определённое политическое видение реальности, политическими парадигмами*.

Вместе с тем парадигматические представления человечества об основах общества выступают ценностно-нормативной основой политических процессов, действий политических акторов и институтов, формируя принципиальные отличия политических представлений и процессов различных эпох.

Подобно переходу от модерна к постмодерну в 50–60-е годы, формирование метамодернистских представлений происходит с конца 90-х годов и отражает кризис постмодернизма.

Но если философско-социокультурные основы модерна и постмодерна, а также их политическая составляющая детализированы в десятках тысяч исследований, то политическая парадигма метамодерна, за исключением работ нескольких теоретиков, ещё не получила широкого исследовательского внимания.

ФЕОФАНОВ Константин Анатольевич – доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). *SPIN-код*: 5086-2934, *E-mail*: konstantin.feofanov@gmail.com

Ключевые слова: метамодернизм, постмодернизм, модернизм, постпостмодернизм, метамодернистский дискурс, метанарративы, постправда, модернизация, метамем, флуктуация идентичностей, бинарные оппозиции.

* Парадигма и смена парадигм – ключевые понятия в монографии Т. Куна «Структура научных революций» (1962) (Куна Т. Структура научных революций. Москва: Издательство АСТ, 2020. – 320 с.).

Философско-социокультурные основы модерна и постмодерна

Понятия «метамодерн» и «метамодернизм» связаны с цивилизационно-исторической парадигматической последовательностью (сменой эпох и способов понимания) «премодерн – модерн – постмодерн – метамодерн». Фактор цивилизационности детерминирует страновую специфику: архаичные общества даже в XXI в. находятся на стадии премодерна, а модерн и особенно постмодерн были первоначально характерны только для западных стран вследствие отставания в развитии незападных. И премодерн, и модерн, и постмодерн, и метамодерн – временные периоды и эпохи, культурные феномены и культурные парадигмы (А. Думитреску), культурная логика, структура чувства (Т. Вермюлен и Р. Ван ден Аккер), эпистема (Г. Дембер), метамем, набор символов, философия, стадия развития (Х. Фрейнахт), культурный код (Б. Андерсен, Х. Фрейнахт), перспектива мышления (Т. Бьёркман), исследовательская парадигма (Дж. Сторм), система обоснования (Г. Энрикес) и культурное мировоззрение (Р. Азарян)*.

Модернити выступает точкой отсчёта, главным сдвигом в человеческом развитии, в формировании видения действительности, образа жизни, мышления и ценностей, а все другие стадии формулируются

через выражение определённых отношений к модерну.

Премодерн – наиболее простая с точки зрения современных интерпретаций стадия развития – заключается в отсутствии, «ещё-не-развитости» ключевых характеристик модерна. «Божественная истина» античного и средневекового мировосприятия начиная с XVI в. уступает место иерархичности, правильности и рационализму протестантского капиталистического модерна, который в результате кризиса прежде представлявших незыблемыми традиций и истин в 1960-е годы сменяется постмодерном с характерной всеуничтожающей циничной иронией, «смертью» структуры, автора и субъекта (М. Фуко и Р. Барт), отказом от метанарративов**, цитатностью, интертекстуальностью, дискретностью и противоречивостью, релятивизмом, фрагментарностью, пародийностью, нелинейностью, низвержением «лицемерного согласия», деконструкцией любого подобия порядка, инверсией догм и смыслов, стиранием границ между любыми определёнными, структурами и институтами, множественностью несовместимых друг с другом нео- и постнаправлений, массовым (Х. Ортега-и-Гассет), одномерным (Г. Маркузе) и шизофреническим (Ж. Делёз) человеком и обществом.

* Мем – единица значимой для культуры информации. Метамем – мем о меме (Dempsey B.G. Metamodernism as a Worldview: Period? Episteme? Paradigm? Metameme? What is 'Metamodernism'? // URL: <https://brendangrahamdempsey.substack.com/p/chapter-6-worldview-from-metamodernism>).

** Также большие нарративы, метарассказы или великие повествования. Понятие введено в научный оборот в 1979 г. Ж.-Ф. Лиотаром в книге «Состояние постмодерна».

В политической сфере модерн как эпоха и модернизм как философско-социокультурная парадигма характеризовались централизацией государственного управления, расцветом империй, авторитарных и тоталитарных режимов, а постмодерн и постмодернизм – напротив, противостоянием государства, децентрализацией власти, распадом империй и авторитарных режимов, социалистического блока и биполярного мира, низвежением авторитетов и «вечных» ценностей, критическим отношением к метанарративам в виде глобальных идеологий, плюрализмом идентичностей, усилением национальных, расовых, гендерных, антиглобалистских, экологических и других общественно-политических движений.

Характерные для модернизма и постмодернизма парадигматические представления не утрачивают актуальности и сегодня, по-преж-

нему, наряду с метамодернизмом, в различной степени выступая в качестве детерминирующих философско-социокультурных оснований общественного-политического развития. До 60-х годов преобладают модернистские подходы, они не исчезают, но уступают место постмодернистским в 1960–2000-е годы. Претерпевая кризис 90-х годов, постмодернизм уступает место многообразным постпостмодернистским направлениям – метамодернизму (Р. Ван ден Аккер и Т. Вермюлен), псевдо-, цифро- или диджи- (*digital* – цифровой)¹ (А. Кирби), гипер- (Ж. Липоветски)², авто- (Р. Самуэльс)³, альтермодернизму (Н. Буррио)⁴ и другим разновидностям нового модернизма (постпостмодернизма, среди которых возрастающую всемирную популярность, особенно после опубликования «Заметок о метамодернизме» и «Манифеста метамодерниста» в 2010–2011 гг.⁵, получает метамодернизм.

Философско-социокультурные основы метамодерна

Становление метамодернизма и других постпостмодернистских направлений было обусловлено кризисом постмодернизма. Постмодернизм сменяется отказом, уже в

90-е годы, от прежде востребованных объяснений западного общества стремлением уйти от непродуктивной иронии и цинизма, снова придать миру большую устойчивость на

¹ Kirby A. Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure our Culture. N.Y.; L.: Continuum, 2009. P. 1–2.

² Lipovetsky G., Charles S. Hypermodern Times / Transl. by Andrew Brown. Cambridge: Polity Press, 2005. – 150 p.

³ Samuels R. Auto-Modernity after Postmodernism: Autonomy and Automation in Culture, Technology, and Education // Digital Youth, Innovation, and the Unexpected, ed. T. McPherson. Cambridge, MA: The MIT Press, 2008. P. 219.

⁴ Bourriaud N. Altermodern. L.: Tate Publishing, 2009. P. 12.

⁵ Вермюлен Т., Аккер Р. ван ден. Заметки о метамодернизме // URL: <https://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism/>; Turner L. The Metamodernist Manifesto // URL: <https://luketurner.com/the-metamodernist-manifesto>

основе по-новому интерпретируемых модернистских метанарративов, оптимизма, доверия и искренности на новом этапе эволюции.

«Годы постмодернистского изобилия, имитации и паратаксиса закончились... Мы будем называть этот дискурс – осцилляция, раскачивание между энтузиазмом модернизма и постмодернистской насмешкой – метамодернизмом... Великие повествования столь же необходимы, сколь и проблематичны»⁶. Как ни парадоксально, постмодернизм, как в своё время и модернизм, тоже многое упрощал в понимании своего «духа времени» и «структуры чувства» эпохи^{*}.

И модернизм как вариант для энтузиазма, надежды, искренности и эмпатии, единства, цельности и ясности и постмодернизм как «антиобразец» для насмешки и меланхолии, осведомлённости и апатии, множества, расщепления и неоднозначности продолжают оставаться характеристиками современного метамодернистского понимания. Отход от постмодернизма в XXI в. не только не исключает, но и основывается на прежних «дискурсивных стратегиях, на ризоматичности, а не линейности, бессрочности, а не ограниченности... Если модернизм выражает себя через утопический синтаксис, а постмодерн выражает себя через безысходный паратаксис, метамодернизм, очевидно, выражает себя через атопический метаксис... если

модернизм предполагает временное упорядочение, а постмодерн подразумевает пространственный беспорядок, тогда метамодерн должен пониматься как пространство-время, которое одновременно ни в порядке, ни в беспорядке»⁷.

Происходит не только упрощение понимания за счёт отхода от неискренности и иронии убийственного ниспровержения, но и усложнение предыдущего опыта. Крайности метамодернизма, уход от цинизма и «иронического обыгрывания», возвращение к искренности, непосредственности, многословности и прямоте, экзистенциальным темам и неоромантизму неизбежно «отягощается» интеллектуальными достижениями постмодернизма, заставляя помнить о проблемах, раскачиваясь, «проскакивать» их, чтобы затем снова к ним возвращаться «в погоне за множеством несоизмеримых и ускользающих горизонтов»⁸.

Метамодернизм выступает «менее пессимистичной формой постмодернизма с присоединённым к ней гегелевским диалектическим оптимизмом... Каждый раз, когда энтузиазм метамодерна колеблется в сторону фанатизма, гравитация тянет его обратно к иронии; в тот момент, когда его ирония колеблется в сторону апатии, гравитация тянет его обратно к энтузиазму». Основанный на традициях модернизма и постмодернизма, но полностью

⁶ Вермюлен Т., Аккер Р. ван ден. Заметки о метамодернизме.

⁷ Там же.

⁸ Turner L. The Metamodernist Manifesto.

* Понятия «духа времени», «духа эпохи» и «духа метамодернизма» (der Geist) вызывают реминисценцию их яркого классического применения (Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: АСТ, 2025. С. 35-42).

не возвращающийся ни к тем ни к другим, метамодернизм перформатичен, нередко прибегая к предна-

меренному самообману, чтобы поверить во что-то вопреки всему и самому себе^{9, 10}.

Западный метамодерн и незападный метамодерн

Понимание в терминах «премодерн», «модерн», «постмодерн», «метамодерн» было характерно в первую очередь для европейских, прежде всего французских, исследователей. Новейшая дискуссия о метамодернизме также представляет собой изначально специфически европейскую, а затем всё более западную в целом тему. Формирование и развитие идей о постмодерне и постпостмодерне основано на традициях европейской философии и цивилизационно-историческом типе и уровне развития европейского и, шире, в целом западного общества.

В фундаментальных основах западных социокультурных процессов модерна, постмодерна и метамодерна – европейское Возрождение, Реформация и Просвещение, европейская, а затем и американская протестантская этика с последствиями в виде авангардной технологической, экономической и политической модернизации, – процессы, спустя сотни лет так и не пройденные или пройденные в искажённых или усечённых формах в большинстве незападных стран, обуславливающие их серьёзное отставание в развитии. На основе западных модернизационных успехов

в 60-е годы возникает постмодернизм как новая философско-социокультурная реальность, а в начале 90-х годов именно западные постмодернистские теоретики провозглашают торжество западной либеральной демократии и «конец истории»¹¹.

Исследователь метамодернизма Х. Фрейнахт (псевдоним пишущих в тандеме скандинавских исследователей Э. Эйнера Фрииса и Д. Гёрца) для понимания специфики западного и незападного метамодернизма обращается к знаменитой «Всемирной культурной карте Инглхарта – Вельцеля», формулируя в отношении и западных, и незападных стран важную закономерность: «Даже если ценности стран со временем колеблются туда-сюда, общая тенденция очевидна: мы движемся к миру с более космополитическими ценностями; ценностями, которые, согласно собственному анализу Инглхарта – Вельцеля, лучше работают в современном обществе»¹².

Вместе с тем разноцивилизационный мир представляется многократно более насыщенным разнообразиями возможных метамодернистских подходов, чем «скандинавский европоцентризм» в виде «Зелёного со-

⁹ Freinacht H. The Listening Society: A Metamodern Guide to Politics. Book One (Metamodern Guides 1) (English Edition). Marburg: Böhnner-Verlag, Metamoderna, 2019. P. 15.

¹⁰ Eshelman R. Performatism, or the End of Postmodernism. Pasadena, CA: The Davies Group Publishers, 2008. – 288 p.

¹¹ Фукуяма Ф. Конец истории? // Проблемы Восточной Европы. Нью-Йорк, 1989. № 27-28. С. 84-118.

¹² Freinacht H. The Listening Society: A Metamodern Guide to Politics.

циального либерализма» Х. Фрейнахта. Вопреки аргументам последнего, фундаментальным разграничителем по-прежнему выступает цивилизационно-конфессиональный, лежащий в основе модернизационной модели конкретной страны, а не какой бы то ни было другой критерий.

Страны протестантской, католической и православной Европы, Северной и Южной Америки продолжают принципиальным образом различаться с точки зрения особенностей и скорости модернизации, уровня и детерминирующего значения вложенных друг в друга модернистских, постмодернистских и метамодернистских метамемов¹³.

Вопрос о «нетитульном», неевропейском, незападном метамодерне пока не стал предметом детального научного рассмотрения. Конечно, и западными, и незападными исследователями осознаётся «уникальная специфичность» незападных стран. Однако в незападный метамодернистский дискурс западные идеи транслируются (практически транслитерируются) довольно некритично, без осуществления серьёзной страново-цивилизационной адаптации.

Стереотип о скорейшем желательном присоединении незападных стран к европейскому прогрессивному человечеству, к «Слушающему обществу» и «Зелёному социальному либерализму», в котором «индивидуальная психология и психология страны

будут созвучны», выглядит ещё более утопично даже по сравнению с «концом истории» и свидетельствует о непонимании цивилизационно-модернизационной специфики и «духа времени» за пределами западного мира. «Метамодернисты не знают границ, этика и ценности мироцентричны... есть общий образ мышления, где государство или регион не являются основными категориями общества, а скорее инструментами или железнодорожными станциями на более длительном пути исторического развития управления и человеческой самоорганизации... Преодолев групповые противоречия постмодернизма, человечество наконец-то объединится и реализует весь свой потенциал... Удачи в успешном скорейшем привлечении таких стран, как Саудовская Аравия и Иран, Индия и Пакистан, Китай и Россия, к прогрессивной программе в ближайшее время*». Многие незападные общества вследствие цивилизационной специфики модернизационных процессов пока ещё бесконечно далеки от «влияния вместо насилия, кооперации вместо абсолютной политической власти, добровольности вместо обязанности, горизонтальной модели сотрудничества вместо вертикали власти, отсутствия идеологии и ореола избранности политиков, поскольку политиком может быть каждый»¹⁴.

Вероятно, философско-социокультурные особенности незапад-

¹³ Феофанов К.А. Цивилизационная теория модернизации. 3-е изд., испр. и перераб. М.: Дашков и К°, 2021. С. 4.

¹⁴ Хохлова Д.Д. Переосмысление политики в контексте метамодерна // Политика и общество. 2017. № 10. С. 50.

* Имеется в виду программа культивирования общества более высокого уровня, «Слушающего общества» (Listening society), авангардом которой являются страны со «скандинавской» идеологией (Freinacht H. The Listening Society: A Metamodern Guide to Politics; Idem. Nordic Ideology: A Metamodern Guide to Politics. Book Two (Metamodern Guides 2) (English Edition). Marburg: Bьchner-Verlag, Metamoderna, 2019. – 495 p.).

ного модерна, постмодерна и метамодерна могут стать предметом более глубокого рассмотрения. Данное направление метамодернистского дискурса представляет особый интерес вследствие уникальной взаимной «вложенности» терминов из используемого понятийного каскада, незавершённости и новейшей актуальности каждого из них.

Страны могут существенно различаться спецификой «духа времени», «структурой чувства», «культурной логикой», этикой и эстетикой, наличием или отсутствием метанарративов, степенью демократичности и гуманистичности общества, отставанием одних от других. В одной и той же стране могут иметь место стадияльные и ценностно-мемные расслоения; в одно и то же время проживать социально-демографические группы, воплощающие в себе «различные действующие ценностные мемы, стадии и ценности определённого уровня общественного развития, такие как модернизм или постмодернизм, к которым человек тяготеет сильнее всего»¹⁵, в том числе «высокопродвинутые» интеллектуалы, рассуждающие о пост- и метамодернизме, и «премодернистские» крестьяне, мало чем отличающиеся от своих коллег 600–700 лет назад.

Данные стадияльные и ценностно-мемные расслоения обществ тесно связаны с цивилизационными особенностями модернизационных процессов, характером, критериями и страново-национальными моделями их успешности. Проблема частичного «перепрыгивания» незападных цивилизаций в западные «более продвинутые» «картины мира», несмотря на отставание в других аспектах модернизационного развития, требует отдельного, более детального изучения. Известным примером является «ранняя ингрессия» СССР, на основе «запаздывающе-догоняющей» модели модернизации, в ключевые симулякровые характеристики постмодерна. Это происходит уже в начале холодной войны, значительно раньше большинства западных и незападных стран с более успешной модернизацией¹⁶.

Специфическая в различных незападных странах автономия постмодерна и метамодерна от успехов и проблем модернизации обусловлена феноменом гиперреальности, искажающим в общественном сознании прежние классически-модернистские, морфологически (по составу и уровням) более простые модернизационные процессы.

Политические парадигмы модернизма и постмодернизма

Философско-социокультурный «дух времени» и «структура чувства» являются отражением и следствием и одновременно детерминан-

той и причиной развития обществ. Это устойчивая объясняющая конструкция, одна из ключевых обществоведческих объясняющих кон-

¹⁵ Freinacht H. The Listening Society: A Metamodern Guide to Politics.

¹⁶ Феоданов К.А. Цивилизационная теория модернизации. С. 111, 134–151.

струкций, возможно, не менее значимая, чем классификация стадий развития обществ (традиционное – индустриальное – постиндустриальное), парадигмы общественно-экономических формаций в марксизме, классификации цивилизаций при цивилизационном подходе и т. п.

Модерн, постмодерн и метамодерн непосредственно и однозначно не связаны с политическими доктринами, парадигмами и концепциями, но детерминируют и формируют их. Политические метанарративы модерна – крупные учения и теории, национальные идеи, идеологии и идентификации, а также их навязанное обществам иллюзорное восприятие и политическое доминирование – идеи свободы и прогресса, гуманизма и социализма, расизма, фашизма и нацизма и множества других человеколюбивых и человеконенавистнических, прекрасных и отвратительных «измов». Вызвавшие тотальное разочарование после Первой и особенно после Второй мировых войн различные политические метанарративы принимались на вооружение левыми, правыми и центристами, консерваторами и либералами, демократами и авторитаристами для достижения и осуществления власти. Мировые войны послужили «прививками» против метанарративов, на десятилетия выработав необходимый политический иммунитет.

К 60-м годам возникло понимание «неуправляемого возрастания сложности»¹⁷ обществ, невозможности их описания посредством универсальных метанарративов. Ни «объектив-

ная истина», ни «единственно верное учение в западных странах» более не признаются возможными. Авторы метанарративов умирают, идеологи и политические партии делегитимизируются, анонимизируются, авторитеты и «авторитаристы», вступившие в постмодерн, более не определяют общественное сознание и мнение широких, когда-то податливых к метанаррациям масс. Авторитарные и тоталитарные режимы в странах постмодерна более невозможны, фигура «модернистского вождя» больше не вызывает в западном политическом пространстве. Однако модернистские метанарративы продолжают ещё четверть века оставаться господствующей политической детерминантой в странах социалистического лагеря и некоторых государствах Латинской Америки, Евразии и Африки, что обусловлено в первую очередь неразвитостью индустриального и постиндустриального трендов в модернизационном развитии этих стран. В странах, далёких от «духа постмодернизма», метанарративный (прежде всего идеологический) способ легитимации политических режимов продолжает успешно применяться левыми и правыми популистами. Для незападных цивилизаций, не усвоивших уроки кризиса модернистских метанарративов, неспособность к постмодернистской деконструкции на основе недоверия к «харизматикам» и институтам, выступает точкой бифуркации, «развилкой» в развитии, детерминируя политические режимы и процессы, политическую культуру участия и неучастия населения, «ги-

¹⁷ Высказывание Ж.-Ф. Лиотара (цит. по: Волков В.Н. Постмодерн: недоверие к метанарративам // Культурное наследие России. 2015. № 2. С. 5).

бридность» авторитарных тенденций и масштабы вполне постмодернист-

ской гиперискажающей медиатизации политики.

Политическая парадигма метамодернизма

Подобно модернизму и постмодернизму метамодернизм не является политическим по своей природе, но оказывает детерминирующее влияние на политические процессы в обществах, в которых получает широкое распространение.

К концу XX в. метамодерн «реанимирует» продолжение истории после её постмодернистской «смерти», актуализирует политико-исторические противоречия, связанные со «структурой чувства» по поводу кризиса и трансформации неолиберализма. «Противостояние властям, сетевые общественные движения протеста против экономического неравенства и нарушения демократических свобод, подъём правых популистских движений в Европе и США, спровоцированный иммиграционными проблемами, антиисламскими настроениями и риторикой сохранения национальных идентичностей... реанимирование понятия класса, которое объявлялось постмодерном неактуальным, и, соответственно, проблематики классовой борьбы»¹⁸ – таков новый этап «духа времени», к которому привели противоречия постмодерна с характерным для него тотальным отрицанием и низвержением.

Осцилляция между крайностями, потенциально возможными левыми и правыми поворотами, либеральной

демократией и государственным авторитаризмом, заложенными в интригу исторического процесса, не позволяет привязываться к прогнозированию и осуществлению какого-либо одного из альтернативных вариантов, создавая фундаментальную неопределённость, подвешенность будущего развития. Для метамодернизационного проекта, в который вступило человечество, также характерна возможность внезапной смены любых наблюдаемых политических тенденций на противоположные, неиспользование колебаний как потенциального фактора баланса, гармонии и диалектического единства в результате борьбы и синтеза противоположностей, а также возможность очередных поворотов к авторитаризму и тоталитаризму.

Естественным состоянием являются колебания, политики становятся свободными от «идейной навивности модернизма... движение вперёд – это колебания между противоположными идеями... незавершённость системы предопределяет необходимость приверженности ей, но скорее ради процесса, чем результата... знание обогатится, если взяться за задачу так, будто её можно решить... на основе возможности разыгрывания множества позиций... сегодня мы ностальгисты в той же мере, что и футуристы»¹⁹.

¹⁸ Поляков Д.Б. Политическое измерение метамодернизма // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 2. С. 59-60.

¹⁹ Turner L. The Metamodernist Manifesto.

На политическом уровне это означает отсутствие стремления к общественно-политическим, в том числе нравственным идеалам и пренебрежение ими, нерегулируемость ценностными, нравственными, идеологическими и партийными ограничениями. Непривязанность ни к объективному, ни к логически обоснованному или сбалансированному пониманию, депрофессионализация политики и политической науки, деинтеллектуализация и деградация общественно-политической и управленческой деятельности, процветание популизма и политической демагогии, высокие возможности искренне проталкивать нужные властвующим элитам гиперреализационные ценности и интерпретации в «инкапсулированных» реальностях. Прежние знания остаются за рамками происходящих сегодня про-

цессов, всегда рассматриваются заново и по-другому.

В отличие от постмодернизма метамодернизм не отказывается от «возвращения к истокам и нормам», от веры в скрытые, но достижимые истины, возвращающиеся на новом уровне в новых исторических условиях на основе «всей информации, независимо от её истинной ценности» и «прагматичного романтизма, не стеснённого идеологической привязкой»²⁰. Осуществляя преемственность с постмодернизмом, метамодернизм выносит за скобки сомнительные достижения «искажённой» цивилизации²¹, не создавшей действительных механизмов сосуществования, вынужденно откатываясь назад и принимая в качестве «лучшей» «структуры чувства» эпистемически произвольные и нравственно-стохастические элементы модернистских и премодернистских обществ.

Восприятие политики как отражение «духа метамодернизма»

Восприятие политики – соперничающих за статусы и ресурсы власти политических акторов и групп, их ценностей и идеологий, норм и способов осуществления власти, ролей, установок, действий и взаимодействий, событий и процессов – через «оптику» метамодернизма имеет несколько особенностей.

Во-первых, метамодернистский компромисс между модернизмом и постмодернизмом приводит к тому, что в деятельности политических ак-

торов и групп принципы и того и другого не фигурируют в первозданном, чистом виде. Время больших нарративов и национализма модерна прошло, но возвращение к «старым» идеологиям и национальным идеям на новом уровне тем не менее возможно. Время неконструктивной иронии постмодерна тоже уже почти осталось в предыдущем столетии, но неверие в человека и возможность его улучшения, ощущение бесполезности поиска объективной истины

²⁰ Turner L. The Metamodernist Manifesto.

²¹ Феофанов К.А. Гиперреалистические смещения – детерминанты искажённой цивилизации // Обозреватель–Observer. 2024. № 1(402). С. 15–28.

заставляют, несмотря ни на что, действовать, искренне и мотивированно осуществляя практически обоснованные и выгодные усилия и шаги. Не признаются ни «наивные» модернистские метанарративы, ни циничная постмодернистская ирония, но можно балансировать между тем и другим и выстраивать intersубъективные месседжи и нарративы «собственной», «субъективной» постправды «по интересам», основываясь на восприятии, ценностях и установках индивидов и групп. Никакие тенденции не очевидны и в любой момент могут перейти в противоположные, их можно «подвешивать» и, не дожидаясь достижения гармонии «диалектического синтеза», управлять посредством влияния, сопровождая общественные процессы по реализации национальных и групповых интересов в таких системах бессодержательным, но эмоционально насыщенным, тематически и интерпретационно «колеблющимся» многословием.

Во-вторых, не рассчитывая, по итогам неудачного опыта предыдущих поколений политиков-модернистов и постмодернистов, вообще ни на какой удачный исход, новейшие метамодернистски-инспирированные политические акторы действуют посредством практической реализации политического взаимодействия через различные формы влияния, а не (демистифицированной) абсолютной власти²². Они ввязываются в переговоры и субъективно представляющиеся наиболее перспективными форматы международных и внутриполитических отношений, выстраивая политические

диалоги и на ходу адаптируя их к возникающим и меняющимся обстоятельствам. Не разрешая базовой проблемы взаимодействия и противостояния, содержащейся в основе конфликта, «дух метамодернизма», действующий через политических акторов, умудряется практически нащупывать точки потенциального пересечения и совпадения противоборствующих сторон и далее двигаться к улучшению ситуации, отталкиваясь от этих реперных точек отсчёта, постепенно соединяемых в границы зарождающихся оснований для новой системы политического взаимодействия.

Отдалённость друг от друга и степень конфликтности первоначальных позиций акторов, участвующих в диалоге, при таком подходе отступает на второй план, предоставляя новые возможности, несмотря на неразрешённость базовых противоречий. В метамодернистской картине политических процессов противоречия совсем не обязательно разрешать, интересы и позиции акторов находятся в непримиримом противостоянии, но это не повод отказываться от взаимодействия и сотрудничества.

В-третьих, для метамодернистской «оптики» характерны флуктуации (случайные отклонения) разделяемых и принимаемых политическими акторами идентичностей. В отличие от чёткости постмодернистских идентификаций политиков, необходимой для противостояния по линии «свой – чужой», метамодернистские самоидентификации не отличаются постоянством и определённой принадлежностью к

²² Хохлова Д.Д. Переосмысление политики в контексте метамодерна. С. 54.

социально-демографическим категориям может многократно, в течение непродолжительного времени усиливаться или ослабевать, так и контекстуальные определения принадлежности могут «подвешенным» и «супергибридным» образом меняться.

Конфликтовать по отдельным вопросам, но затем солидаризироваться по общим, потом снова сталкиваться уже по другим определениям ситуации, но снова сходить в групповых и кластерно-субгрупповых идентификациях. Происходит «переживание множественности субъективностей», «отвержение или постоянное ослабление идентификаций», «изменение субъективных позиций по мере необходимости, с эмоциональной и логистической точки зрения, временное отстранение от определённых субъективностей, чтобы сотрудничать с другими или создавать совершенно новые субъективности, которые имеют большее значение, чем общепринятые категории различий, в настоящее время доминирующие в общественном дискурсе»²³. Механизмы метамодернистского «размывания идентичностей» в «частных», «автономных», «идиосинкратических» псевдореальностях²⁴ затрагивают не только лично и идентификационно незрелых подростков, но и политических акторов всех уровней, включая руководителей государств.

В-четвёртых, метамодернизм отменяет постмодернистский мультикультурализм, заменяя его транскультурализмом. На волне метамодернистского правого популизма в различных странах также постепенно меняется политическое восприятие мультикультурализма. «Проблема мультикультурализма в том, что он не определяет, какие виды разнообразия, в каких количествах и при каких обстоятельствах хороши, разнообразие хорошо само по себе и воспринимается как догма... Что оставляет поле открытым для всех видов дисфункциональных социальных и культурных практик, которые должны быть защищены во имя этнического или культурного разнообразия... метамодернизм изначально не является парадигмой правых или левых, но может и неизбежно будет формировать повестки дня и тех и других»^{*}.

Возвращение к отдельным метанарративам, национальным идентичностям, национализму, романтизму, идеям и мифам о силе, величии, достоинстве и власти, оглядка назад, в модерн и даже премодерн, чтобы «заново увидеть будущее, которое уже скрылось из виду»²⁵, обещает человечеству совершенно иную перспективу развития, чем постмодернизм. Национализм нации-государства как «воображаемого сообщества», «самого интенсив-

²³ Abramson S. Ten Basic Principles of Metamodernism // URL: https://www.huffpost.com/entry/ten-key-principles-in-met_b_7143202

²⁴ Феофанов К.А. Постправда – фактор деградации социально-политического дискурса // Обозреватель–Observer. 2023. № 2(397). С. 46–47.

²⁵ Вермолен Т., Аккер Р. ван ден. Заметки о Метамодернизме.

^{*} Убедительный анализ «изъянов» мультикультурализма приводится в статье Х. Фрейнахта (Freinacht H. Exit Multiculturalism, Enter Trans-Culturalism // Metamoderna // URL: <https://metamoderna.org/exit-multiculturalism-enter-trans-culturalism>).

ного ценностного представления, граничащего с квазирелигиозной верой»²⁶, обретает новое развитие в условиях всё более упрочивающейся политической парадигмы метамодернизма.

В-пятых, возникает постепенное переосмысление бинарных и билатеральных оппозиций, отказ от схематизма прежнего понимания противоречий и противостояний. При рассмотрении данной метамодернистской идеи речь может идти о мировоззренческом и политическом пересмотре ранее господствовавших бинарных оппозиционных отношений, наиболее типичными из которых являются политические примеры из прошлого и настоящего: СССР и США, Израиль и арабские государства, сунниты и шииты, Запад и Восток²⁷, внутренняя и внешняя политика, власть и оппозиция, свои и чужие, хорошие и плохие, герои и злодеи, левые и правые, либералы и этатисты, центр и периферия, а также добро и зло, правильное и неправильное,

нравственное и безнравственное, эффективное и неэффективное, стабильное и нестабильное, полезное и бесполезное, справедливое и несправедливое, мир и война и т. д.

Поскольку бинарное восприятие изначально психически и гносеологически свойственно человеку, то данные оппозиции, даже в условиях «духа метамодернизма», не могут быть устранены окончательно, хотя и претерпевают всё более ощутимую трансформацию в направлении одновременного существования и политического сосуществования. Факторами метамодернистской осцилляции по-прежнему выступают модернистские метанарративы, детерминирующие конфликтующие самоидентификации.

Метамодернистским решением может служить «постепенный отказ от метанарратива или сужение его как такового... Тогда появляется полиморфный контекст, задающий пространство идентификации»²⁸, позволяющий выходить за рамки имеющихся противоречий.

Политический псевдооптимизм метамодерна

Трагедия модерна, скептицизм, цинизм и моральный релятивизм постмодерна привели к парадоксальной метамодернистской ситуации. Политическая сфера воспринимается, «как если бы» позитивные изменения были возможны, «даже когда

нам ежедневно напоминают, что человеческая культура на самом деле находится в состоянии беспорядка и, вероятно, даже упадка. Метамодернист не предполагает, что оптимистичное гражданское участие спасёт мир или разрешит индивидуальный

²⁶ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. С. 20.

²⁷ Волощук О.С. Культурно-символические основания поляризации «Свои-Чужие» в информационном пространстве // Вестник государственного университета «Дубна». Серия «Науки о человеке и обществе». 2021. № 1. С. 3-13.

²⁸ Там же. С. 10.

кризис. Он лишь считает, что это... не повредит... даёт повод для надежды и возможность избежать отчаяния, и... в редких случаях наше ощущение того, что вред неоспорим или неизбежен, ошибочно... К нарративам можно возвращаться избирательно и непредвзято, когда они помогают спастись от скуки, аномии, отчаяния или моральной и этической лени»²⁹.

С одной стороны, метамодернистское отношение к власти, политическим акторам, процессам и институтам вполне по-постмодернистски является довольно скептическим, а значит, их необходимо разрушать и реформировать. Но это уже не постмодернистское, а метамодернистское, постполитическое и постанархистское, характеризующееся «десакрализацией политической власти... диджитализмом, разрушающим "общество спектакля"... бесцельностью... отсутствием иерархии и плюрализмом... автономиз-

мом... этикой и пацифизмом»³⁰, противостояние [политическим] структурам, а скорее вдумчивый и гражданский интерес к их радикальной переоценке с целью прогрессивных изменений³¹.

Всё, что происходит, является для политических акторов, процессов и институтов не трагедией и наказанием, а новыми вызовами и возможностями. Нет предназначения, отрицания и переписывания истории, нет ничего правильного и неправильного и нет никаких правил, есть искреннее действие и взаимодействие здесь и сейчас. Без каких-либо ожиданий и обещаний, с какими угодно политическими акторами, процессами и институтами – близкими и далёкими, похожими и непохожими, нравственными и безнравственными, прекрасными и безобразными, законопослушными и криминальными, без неоправданной надежды на какие-либо результаты.

В 90-е годы сначала в западном, а затем и в глобальном философско-социокультурном пространстве возникает новое понимание действительности, «духа времени», «культурной логики» и «структуры чувства».

Основанный на критическом осмыслении предшествующего постмодернистского и модернистского опыта метамодернизм проявился как выстраивание новых представлений и подходов.

В данный момент находящаяся на стадии формирования новейшая философско-социокультурная и политическая парадигма в ближайшие десятилетия будет продолжать развиваться, детерминируя западные и незападные политические процессы, которые будут продолжать существенно различаться в зависимости от цивилизационных моделей модернизации, степени вовлечённости и соотношения исследуемых в данной статье парадигм.

Особенности метамодернистского политического дискурса, борьба прежних подходов с новой «культурной логикой» в деятельности политических акторов и институтов оказывают всё большее влияние на современные по-

²⁹ Abramson S. Ten Basic Principles of Metamodernism.

³⁰ Хохлова Д.Д. Переосмысление политики в контексте метамодерна. С. 51.

³¹ Abramson S. Ten Basic Principles of Metamodernism.

литические процессы внутри различных стран и во взаимоотношениях на международной арене. Политическая парадигма метамодернизма постепенно становится одним из наиболее значимых инструментов для понимания данных процессов.

Библиография • References

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. – 416 с.
- Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: АСТ, 2025. – 352 с.
- Вермюлен Т., Аккер Р. ван ден. Заметки о метамодернизме // URL: <https://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism>
- Волков В.Н. Постмодерн: недоверие к метанарративам // Культурное наследие России. 2015. № 2. С. 3-11.
- Волощук О.С. Культурно-символические основания поляризации «Свои-Чужие» в информационном пространстве // Вестник государственного университета «Дубна». Серия «Науки о человеке и обществе». 2021. № 1. С. 3-13.
- Кун Т. Структура научных революций. Москва: Издательство АСТ, 2020. – 320 с.
- Поляков Д.Б. Политическое измерение метамодернизма // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 2. С. 58-66.
- Феофанов К.А. Гиперреалистические смещения – детерминанты искажённой цивилизации // Обозреватель–Observer. 2024. № 1(402). С. 15-28.
- Феофанов К.А. Постправда – фактор деградации социально-политического дискурса // Обозреватель–Observer. 2023. № 2(397). С. 36-51.
- Феофанов К.А. Цивилизационная теория модернизации. 3-е изд., испр. и перераб. М.: Дашков и Кс, 2021. – 218 с.
- Фукуяма Ф. Конец истории? // Проблемы Восточной Европы. Нью-Йорк, 1989. № 27-28. С. 84-118.
- Хохлова Д.Д. Переосмысление политики в контексте метамодерна // Политика и общество. 2017. № 10. С. 48-58.
- Abramson S. Ten Basic Principles of Metamodernism // URL: https://www.huffpost.com/entry/ten-key-principles-in-met_b_7143202
- Bourriaud N. Altermodern. L.: Tate Publishing, 2009. – 224 p.
- Dempsey B.G. Metamodernism as a Worldview: Period? Episteme? Paradigm? Metameme? What is 'Metamodernism'? // URL: <https://brendangrahamdempsey.substack.com/p/chapter-6-worldview-from-metamodernism>
- Eshelman R. Performatism, or the End of Postmodernism. Pasadena, CA: The Davies Group Publishers, 2008. – 288 p.
- Freinacht H. Exit Multiculturalism, Enter Trans-Culturalism // Metamoderna // URL: <https://metamoderna.org/exit-multiculturalism-enter-trans-culturalism>
- Freinacht H. The Listening Society: A Metamodern Guide to Politics. Book One (Metamodern Guides 1) (English Edition). Marburg: Bьchner-Verlag, Metamoderna, 2017. – 416 p.
- Freinacht H. Nordic Ideology: A Metamodern Guide to Politics. Book Two (Metamodern Guides 2) (English Edition). Marburg: Bьchner-Verlag, Metamoderna, 2019. – 495 p.

- Kirby A.* Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure our Culture. N.Y.; L.: Continuum, 2009. – 282 p.
- Lipovetsky G., Charles S.* Hypermodern Times / Transl. by Andrew Brown. Cambridge: Polity Press, 2005. – 150 p.
- Samuels R.* Auto-Modernity after Postmodernism: Autonomy and Automation in Culture, Technology, and Education // Digital Youth, Innovation, and the Unexpected, ed. T. McPherson. Cambridge, MA: The MIT Press, 2008. P. 219-240.
- Turner L.* The Metamodernist Manifesto // URL: <https://luketurner.com/the-metamodernist-manifesto>

Статья поступила в редакцию 23 мая 2025 г.

Статья принята к публикации 30 мая 2025 г.

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

**Просим обратить внимание на изменения требований
к подготовке сопроводительной документации.**

**[https://www.observer-journal.ru/jour/about/
submissions#authorGuidelines](https://www.observer-journal.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines)**

Ток-шоу в системе политической коммуникации

Ольга САВИНА

Политическая коммуникация в современном обществе всё чаще принимает медиапосредованные формы, утрачивая черты рационального диалога и приобретая характер спектакля, рассчитанного на массовое восприятие.

Одним из наиболее ярких проявлений этой тенденции являются общественно-политические ток-шоу на федеральных телеканалах России. Эти форматы программ, обладая высокой степенью зрелищности, претендуют при этом на аналитичность и экспертность, создавая у зрителя иллюзию участия в открытой политической дискуссии.

Телевидение является для значительной части российского общества основным источником информации, особенно в условиях геополитической турбулентности и информационной перенасыщенности. Несмотря на бурное развитие новых медиа, телевидение продолжает удерживать доверие, особенно среди граждан старшего возраста¹, ². В условиях нарастания внешнеполитического давления и внутренних социально-экономических вызовов власть обращается к проверенным инструментам воздействия на массовое сознание – публичным форматам, позволяющим одновременно мобилизовать, разъяснить и контролировать общественное мнение.

Представляет интерес выявление политической функции общественно-политических ток-шоу на российском телевидении как канала управляемой

САВИНА Ольга Вячеславовна – научный сотрудник Института стран СНГ. SPIN-код: 8845-9448, E-mail: savina.moskva@mail.ru

Ключевые слова: политическая коммуникация, ток-шоу, массовая культура, политтехнологии, общественное мнение.

¹ Телевидение в цифровую эпоху. 27.01.2025 // ВЦИОМ // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/televidenie-v-cifrovuju-ehpokhu>

² Новостная информация и телевидение. Источники новостной информации: доверие и предпочтение россиян. 27.02.2024 // ФОМ // URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14984>

коммуникации между государством и обществом. Это феномен постановочной квазидискуссии с ролевым распределением участников и эмоциональной стратегией вовлечения аудитории.

Политические ток-шоу на российских телеканалах представляют собой гибридную форму политического дискурса, в которой политтехнологические цели маскируются под аналитическую деятельность. Этот формат, являющийся элементом «символической политики»³, выполняет задачу трансляции идеологии и формирует поведенческие установки граждан, не допуская настоящей дискуссии и альтернативных точек зрения.

Эволюция жанра общественно-политического ток-шоу в России

Формирование жанра общественно-политического ток-шоу на телевидении – результат сложного взаимодействия медиатехнологий, идеологических задач и социокультурных трансформаций.

Первые попытки организации разговорных политических форматов в России начались в 90-х годах, однако на начальном этапе жанр не имел чёткой концепции и воспринимался скорее как экспериментальное поле телевизионной публицистики.

С конца первого десятилетия XXI в., особенно после событий 2011–2012 гг., связанных с протестной активностью и электоральным недоверием, политическое ток-шоу становится системным инструментом медиаполитики. В этот период формируются основные жанровые каноны:

- обязательное участие антагонистов;
- драматургия конфликта;

– ведущий-модератор с выраженной позицией;

– обязательное «зеркало» зрительской реакции – в виде аплодисментов, голосования, прямых включений и телефонных звонков.

Одной из наиболее очевидных черт жанра общественно-политического ток-шоу становится его ситуативная мобилизация – рост объёма и частоты вещания в периоды внешнеполитических и внутриполитических кризисов.

Так, критической точкой в развитии жанра стал 2014 г. – год присоединения Крыма к России и начала конфликта на юго-востоке Украины. Осенью 2014 г. и весной 2015 г. произошёл резкий всплеск популярности ток-шоу, главным образом освещающих кризис на Украине: наблюдается как количественное увеличение таких программ, так и рост их рейтинговых показателей – особенно у передач, отражающих официальный взгляд на события⁴.

³ Силич Т.А. Политический телевизионный шоу-дискурс: понятие, место и значение в политической коммуникации // Образование. Наука. Научные кадры. 2017. № 3. С. 212–219.

⁴ Долгова Ю.И. Феномен популярности общественно-политических ток-шоу на российском ТВ осенью 2014 года – весной 2015 года // Вестник московского университета. Серия. 10. Журналистика. 2015. № 6. С. 162–177.

В условиях геополитической турбулентности общественно-политические ток-шоу становятся необходимым каналом трансляции идеологических установок, актуализируя дихотомии «свой – чужой», «глобальное – национальное», «истина – заблуждение»⁵. При этом рост числа таких программ наблюдается именно в периоды острых международных и внутривнутриполитических кризисов – будь то события в Сирии, санкционная политика Запада, пандемия COVID-19 или начало специальной военной операции в 2022 г.

По мнению ряда исследователей, именно потребность во внешнеполитической мобилизации общества в такие периоды определяет рост их востребованности, что придаёт жанру ситуативный характер и привлекает его к конкретным политическим повесткам⁶.

Важно подчеркнуть, что рост популярности обусловлен не только усилиями вещателей или повесткой, но и реальным общественным запросом на интерпретации происходящего.

В условиях геополитической турбулентности и внутренней фрустрации зритель сознательно стремится к канонизированному, разъясняющему дискурсу, где границы «допустимого» и «враждебного» чётко обозначены. И ток-шоу выполняют функцию своеобразной «информа-

ционной стабилизации», предлагая зрителю структурированную, эмоционально окрашенную, но предсказуемую картину мира.

Такие передачи, как «Время покажет», «60 минут», «Поединок», «Вечер с Владимиром Соловьёвым», в указанный период удвоили частоту выхода в эфир.

Также запустились и новые проекты – например, «Структура момента» с Валерием Фадеевым или «Список Норкина» на НТВ.

Начало специальной военной операции в 2022 г. дало новый всплеск популярности этому жанру.

Подобные ток-шоу и сегодня остаются ключевым форматом российского телевидения. Они занимают 36% эфирного времени на Первом канале, 34% на телеканале «Россия 1», 14% на телеканале НТВ, 13% на телеканале «Звезда», а также выходят на специализированных телеканалах, таких как «Матч» и «Культура»⁷.

Таким образом, эволюция жанра общественно-политического ток-шоу показывает переход от либерально-информативной модели 90-х к политтехнологической и мобилизационной модели 2010-х и 2020-х годов.

Современное ток-шоу – это не только средство информирования, но и инструмент эмоционального и идеологического воздействия, оформленного в зрелищную и «легитимную» форму публичной дискуссии.

⁵ Коданина А.Л., Рязанов А.В. Роль и место общественно-политических ток-шоу на российском телевидении // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. № 1(35). С. 151-157.

⁶ Марлин И.Д., Константинова М.В. Политические ток-шоу как информационный ресурс в политической системе современной России // Молодежь и наука XXI века. Общество, государство и право в историческом контексте. 2018. С. 15-16.

⁷ Долгова Ю.И. Интерактивные форматы общественно-политического вещания телеканалов первого и второго мультиплекса // Журналистика XXI века: социальный заказ. Материалы международной научно-практической конференции. СПб., 2024. С. 443-450.

Формат политического ток-шоу – квазидискуссия государства и общества

Современное политическое ток-шоу на российском телевидении существует на пересечении двух встречных интересов: со стороны государства – как инструмент формирования и направленного контроля над общественным мнением и со стороны общества – как канал, предоставляющий эмоционально насыщенную, пусть и не всегда объективную, но интерпретацию политической реальности.

Запрос со стороны власти обусловлен не только желанием влиять, но и необходимостью реагировать на тревожность, фрустрацию и когнитивную перегрузку общества. В условиях резкого роста числа информационных потоков и событий (спецоперация, санкции, обострение международной повестки) политическая элита сталкивается с задачей не столько диалога, сколько упорядочивания общественного сознания. В этом контексте ток-шоу выступает как инструмент «символического управления»⁸ – репрезентации власти в формате управляемой дискуссии.

Одной из центральных особенностей политического ток-шоу является его инсценированная природа, где дискуссия не предполагает поиска истины, компромисса или рационального согласования позиций.

Как подчёркивает профессор Е.Г. Пономарева, российская власть

использует телевидение не как платформу для обсуждения альтернатив, а как механизм трансляции и легитимации уже принятых решений, нуждающихся лишь в «разъяснении» для граждан⁹. Это квазидискуссия – псевдиалог, в котором почти каждая реплика заранее вписана в сценарный каркас. В этом смысле политическое ток-шоу становится аренной институциональной идеологической работы – контролируемого спектакля, где участники играют заданные роли.

Таким образом, политическое ток-шоу – это «репрезентация столкновения мнений при фактическом отсутствии свободы выражения, подчинённая законам драматургии, а не аргументации»¹⁰.

Главным структурным элементом такого шоу является ролевая модель: участники подбираются не по принципу экспертизы, а с учётом их способности эмоционально отыгрывать заранее заданные позиции:

- «Оппозиционер», как правило, должен выглядеть радикально, тем самым усиливая контраст со «здоровомыслящим» государственнымником;
- «Эксперт» не столько анализирует, сколько легитимизирует;
- «Модератор» (ведущий) выполняет роль дирижера – направляет ритм, управляет конфликтом, устанавливает «рамки допустимого».

⁸ Силич Т.А. Политический телевизионный шоу-дискурс: понятие, место и значение в политической коммуникации.

⁹ Пономарева Е.Г., Гузев М.С. Государственное телевидение в условиях глобальных трансформаций // Обозреватель–Observer. 2022. № 7-8. С. 5-21.

¹⁰ Кузнецова Н.Е. Специфические черты современных российских политических ток-шоу // Проблемы массовой коммуникации. Материалы международной научно-практической конференции исследователей и преподавателей журналистики, рекламы и связей с общественностью. Воронеж, 2019. С. 88-90.

Особенно это видно на примере таких ведущих, как В. Соловьёв или П. Толстой, которые активно включаются в полемику и формируют эмоциональную тональность.

Именно поэтому политические ток-шоу не предлагают новых знаний, а дают определённую интерпретационную рамку, эмоционально насыщенную и визуально оформленную¹¹. За счёт спектаклизации ток-шоу замещает политику драматургией. Это и есть основа механизма манипуляции: зрителю предоставляется иллюзия выбора при фактической недоступности альтернативных взглядов.

Интерактивные элементы (вопросы из зала, голосование, звонки) также носят симулятивный характер. Зрительский отклик заранее срежиссирован, а вопросы либо заготовлены редакцией, либо отобраны по принципу соответствия основной позиции шоу¹². Таким образом, взаимодействие с аудиторией сводится к подтверждению правильности транслируемой картины мира.

Подлинно интерактивные форматы существуют лишь в двух ток-шоу из всех главных телеканалов: в передачах «Отражение» на ОТР и «Здравствуйте, товарищи!» на «Звезде» есть возможность задать вопрос гостю в студии¹³.

Общепринятые постановки ток-шоу превращают их в особую форму ритуальной коммуникации, в которой

цели убеждения или обмена аргументами отходят на второй план, уступая место репетиции идеологических установок. Это уже не информирование, а медиаперформанс, в котором гражданин становится зрителем политического спектакля, а не участником политического процесса¹⁴.

Таким образом, современное политическое ток-шоу – это не средство коммуникации, а инструмент легитимации, оформленный в жанре зрелища. Оно не задаёт вопросы – оно даёт ответы. Не ищет истину – подтверждает веру. И именно поэтому его эффективность в условиях идеологической мобилизации столь высока.

Ещё одной особенностью жанра являются манипулятивные технологии и нарушение журналистских стандартов. Современные политические ток-шоу на телевидении функционируют в логике не информационной журналистики, а постжурналистики, в которой профессиональные стандарты: проверка фактов, баланс мнений, отделение комментария от факта – уступают место эффекту, эмоции и идеологической пользе. Это делает ток-шоу идеальным инструментом медийной манипуляции, особенно в условиях информационного напряжения и социального запроса на «простые ответы».

Формат ток-шоу склонен к нарушению базовых стандартов журналистики: преимущество даётся эмо-

¹¹ Долгова Ю.И. Феномен популярности общественно-политических ток-шоу на российском ТВ осенью 2014 года – весной 2015 года.

¹² Подобедова Д. А. Специфика общественно-политических ток-шоу в России // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2021. Том 6. №3. С. 65-79.

¹³ Долгова Ю.И. Интерактивные форматы общественно-политического вещания телеканалов первого и второго мультиплекса.

¹⁴ Лядова Е.В., Омельченко Н.А. Политический смысл массовой культуры как инструмента воздействия на гражданское общество // PolitBook. 2022. № 1. С. 55-75.

циям, а не рациональности; аргументы подменяются интонацией; противоположная точка зрения не представлена или дискредитирована заведомо¹⁵. Такая структура способствует формированию у зрителя не критического, а лоялистского сознания, что и требуется в рамках государственной медиаполитики.

Один из ключевых манипулятивных приёмов – эмоциональное давление, особенно через риторику страха, угроз и моральной мобилизации. Используются визуальные и звуковые маркеры тревоги (тревожная музыка, экстренные титры), а выступления гостей сопровождаются гиперболизированными оценками, обвинениями, аналогиями с войнами и национальной угрозой. Этот приём активно эксплуатируется в программах «60 минут» и «Вечер с Владимиром Соловьевым», где риторика часто подменяет анализ, а «враг» представлен как нечто безусловное и однозначное.

Другой приём – односторонность освещения, особенно в международной повестке. Альтернативные ин-

терпретации либо отсутствуют, либо дискредитируются через подачу от «сомнительных» или гиперболизированных персонажей¹⁶.

Важно и то, что редакционная политика ток-шоу предполагает отказ от беспристрастности в пользу сценарной драмы.

По данным Н.Е. Кузнецовой, подавляющее большинство ток-шоу создаются с использованием «жёсткого редакционного контроля», где даже поведение аудитории в студии – аплодисменты, вопросы, эмоции – строго регламентированы, вплоть до установки, кому и когда аплодировать¹⁷.

Таким образом, нарушая нормы профессиональной журналистики, политические ток-шоу создают высокоэффективную систему эмоционального и символического воздействия, которая позволяет мобилизовать лояльность, снизить критичность восприятия и встроить зрителя в заданную систему координат. Это и делает жанр столь привлекательным для власти в условиях острого политического давления.

Социологический аспект: аудитория, доверие и поведенческие реакции

Несмотря на развитие цифровых платформ и рост новых медиа, телевидение в Российской Федерации по-прежнему остаётся главным источником информации для значительной части населения стра-

ны, особенно для возрастной аудитории 55+.

Согласно исследованию *Mediascope*, после 24 февраля 2022 г. доля просмотров федеральных каналов заметно возросла, в частности, среди зри-

¹⁵ Гришин О.Е., Митрофанова А.Д. Политическое шоу как технология коммуникации // PolitBook. 2015. № 3. С. 117-133.

¹⁶ Долгова Ю.И. Феномен популярности общественно-политических ток-шоу на российском ТВ осенью 2014 года – весной 2015 года.

¹⁷ Кузнецова Н. Е. Проблема постановочности в российских политических ток-шоу (на примере телепередачи «Время покажет» на Первом канале) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2020. № 3. С. 98-100.

телей старше 60 лет, где уровень доверия к телевидению превышает 70%¹⁸.

По оценке экспертов, 43% россиян смотрят политические передачи ежедневно, а 63% считают телевидение главным источником информации, особенно в условиях геополитических вызовов и кризисов¹⁹.

Этот феномен объясняется тем, что телевидение в массовом сознании сохраняет статус «официального» источника, а ток-шоу – как наиболее яркий и экспрессивный формат, где можно «услышать правду» в форме доступной и эмоционально убедительной.

Значительное влияние оказывает также спектаклизация участия: реакция аудитории в студии, «народные вопросы», голосование и прямая линия со зрителями. Эти элементы создают у телезрителя иллюзию сопричастности, эмоционального включения в процесс. Именно этот эффект сопричастности и коллективного присутствия усиливает доверие к передаваемому нарративу и снижает уровень критического восприятия²⁰.

Особо важной является зависимость между доверием к телевидению и политической лояльностью.

Данные ВЦИОМ показывают, что граждане, получающие информацию преимущественно из ТВ-источников, демонстрируют высокий уровень

доверия к власти и государственным институтам, а также чаще поддерживают официальную внешнеполитическую повестку²¹.

Это превращает политические ток-шоу в канал не только коммуникации, но и легитимации режима.

Данный эффект усиливается в условиях информационного перенасыщения и когнитивной перегрузки, когда зритель интуитивно ищет «простые», эмоционально обоснованные объяснения сложных мировых процессов. В этом случае ток-шоу выступает как средство «психоэмоционального укрытия», предоставляющее чувство порядка и идентичности в хаотичном медиапространстве²².

Именно по этой причине можно прогнозировать не угасание, а расширение жанра политических ток-шоу через внедрение гибридных моделей, роста интерактива, кросс-медийных форматов, вовлечения зрителя через социальные сети, лайв-стриминг и цифровое голосование.

Современное ток-шоу уже не существует в рамках чистого жанра. Наблюдается его гибридизация – смешение с элементами документального кино, реалити-шоу, шоу-игр, журналистских расследований и даже стендапа. Цель этой трансформации – не только удержание

¹⁸ Медиаизмерения и тренды медиапотребления // Mediascope // URL: <https://img-cdn.tinkoffjournal.ru/-/television-stat-pdf.ucxfmo..pdf>

¹⁹ Подобедова Д.А. Специфика общественно-политических ток-шоу в России // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2021. Т. 6. №3. С. 65-79.

²⁰ Гуленко П.В. Общественно-политическое ток-шоу на телеканале НТВ: проектирование формата // Медиаальманах. 2016. № 4(75). С. 56-65

²¹ Телевидение в цифровую эпоху. 27.01.2025 // ВЦИОМ // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/televidenie-v-cifrovuju-ehpokhu>

²² Лядова Е.В., Омельченко Н.А. Политический смысл массовой культуры как инструмента воздействия на гражданское общество // PolitBook. 2022. № 1. С. 55-75.

внимания зрителя в условиях тотальной медиаконкуренции, но и повышение зрелищности при сохранении политтехнологической функции.

Российские телепродюсеры активно внедряют квазиигровые форматы, «геймификацию» дискуссий, элементы инсценировки, неожиданных включений, визуальной анимации²³. Всё это создаёт ощущение живого процесса, хотя фактически происходит управляемое воспроизведение заранее заданных смыслов. Эмоциональность – ключевой фактор: дискуссия не должна быть рациональной, она должна «качать».

Этот тренд также отражает реакцию телевидения на углубляющийся информационный шум и фрагментацию внимания. В эпоху *TikTok*, *Reels* и коротких видео ток-шоу вынуждены либо стать шоу в полном смысле слова, либо потерять аудиторию. Поэтому ведущие, такие как В. Соловьев или Б. Норкин, играют роль не просто модераторов, а медиаперсонажей, во круг которых строится идентификация зрителя.

Итак, политическое ток-шоу в России, как и во всём мире, трансформируется в гибкий инструмент управляемой медиакommunikации, встраивающейся в стратегию властного нарратива и удержания массовой лояльности в условиях нестабильности.

Таким образом, анализ политических ток-шоу позволяет утверждать, что это гибридная форма современной политической коммуникации, где аналитика, зрелище и идеология переплетены в управляемую медиамодель. Формально позиционируясь как площадка для публичной дискуссии, ток-шоу на практике воспроизводят сценарную структуру квазидialogа, служащего целям легитимации, мобилизации и внушения заданных смыслов.

Рост популярности таких форматов в периоды политической турбулентности (2014–2015, 2022 гг. и далее) подтверждает их востребованность как

С другой стороны, происходит встраивание ток-шоу в цифровую экосистему власти: цитаты из передач активно тиражируются в *Telegram*-каналах, используются в новостных выпусках, становятся «реперными точками» для политического повествования. Тем самым ток-шоу выходит за рамки телевизора и становится частью инфопотока, формирующего политическое сознание в онлайн-среде.

Прогноз дальнейшего развития жанра можно сформулировать следующим образом:

- сохранится ориентация на старшую аудиторию как основного носителя телевизионного доверия;
- возрастёт визуальная и эмоциональная насыщенность передач;
- увеличится количество кросс-медийных форматов с участием блогеров, военкоров, псевдоэкспертов;
- усилится идеологическая поляризация нарративов – ток-шоу будет играть роль символической границы между «своими» и «чужими»;
- разовьются интерактивные механизмы, в том числе псевдоучастие зрителей через цифровые платформы.

²³ Подобедова Д.А. Специфика общественно-политических ток-шоу в России.

со стороны государства – для управления общественным мнением, так и со стороны части общества – в стремлении к эмоциональному упрощению сложной реальности. При этом профессиональные стандарты журналистики в этих передачах системно нарушаются, уступая место эмоциональному давлению, односторонности подачи и упрощённым идеологическим схемам.

Телевизионное политическое ток-шоу – это не площадка для дискуссии, а форма символического управления, способная не только интерпретировать текущую повестку, но и программировать массовое поведение. Именно в этом его истинная политическая функция.

В условиях продолжающейся медиатизации и политизации всех сфер жизни можно прогнозировать дальнейшее развитие жанра: рост зрелищности, гибридные форматы, расширение интерактива и усиление кросс-платформенной представленности.

Таким образом, жанр общественно-политического ток-шоу не просто сохраняет свою актуальность, он становится ключевым механизмом управления смыслами в современной российской медиасреде, подменяя политику спектаклем, а аргумент – эмоцией.

Библиография • References

- Гришин О.Е., Митрофанова А.Д. Политическое шоу как технология коммуникации // PolitBook. 2015. № 3. С. 117-133.
- Гуленко П.В. Общественно-политическое ток-шоу на телеканале НТВ: проектирование формата // Медиаальманах. 2016. № 4(75). С. 56-65.
- Долгова Ю.И. Интерактивные форматы общественно-политического вещания телеканалов первого и второго мультиплекса // Журналистика XXI века: социальный заказ. Материалы международной научно-практической конференции. СПб., 2024. С. 443-450.
- Долгова Ю.И. Феномен популярности общественно-политических ток-шоу на российском ТВ осенью 2014 года – весной 2015 года // Вестник московского университета. Серия 10. Журналистика. 2015. № 6. С. 162-177.
- Коданина А.Л., Рязанов А.В. Роль и место общественно-политических ток-шоу на российском телевидении // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. № 1(35). С. 151-157.
- Кузнецова Н. Е. Проблема постановочности в российских политических ток-шоу (на примере телепередачи «Время покажет» на Первом канале) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2020. № 3. С. 98-100.
- Кузнецова Н.Е. Специфические черты современных российских политических ток-шоу // Проблемы массовой коммуникации: Материалы международной научно-практической конференции исследователей и преподавателей журналистики, рекламы и связей с общественностью. Воронеж, 2019. С. 88-90.
- Лядова Е.В., Омельченко Н.А. Политический смысл массовой культуры как инструмента воздействия на гражданское общество // PolitBook. 2022. № 1. С. 55-75.
- Марлин И.Д., Константинова М.В. Политические ток-шоу как информационный ресурс в политической системе современной России // Молодежь и наука XXI века. Общество, государство и право в историческом контексте. 2018. С. 15-16.

Пономарева Е.Г., Гужев М.С. Государственное телевидение в условиях глобальных трансформаций // *Обозреватель–Observer*. 2022. № 7-8. С. 5-21.

Силич Т.А. Политический телевизионный шоу-дискурс: понятие, место и значение в политической коммуникации // *Образование. Наука. Научные кадры*. 2017. № 3. С. 212-219.

Статья поступила в редакцию 11 августа 2025 г.

Статья принята к печати 14 августа 2025 г.

Уважаемые читатели!
Открыта подписка на 2026 год
на ежемесячный научно-аналитический журнал
«Обозреватель–Observer»

Подписка проводится:

- для корпоративных подписчиков «УП Урал-Пресс» по электронному каталогу на сайте **www.ural-press.ru**
- для индивидуальных подписчиков Агентством подписки «Деловая пресса» по электронному каталогу на сайте **<https://delpress.ru/catalog/>**
тел.: +7-495-951-22-25

Американский фактор в современной оборонной политике ФРГ

Ольга АГАФОНОВА

Влияние США на оборонную политику ФРГ: на пути к немецкой субъектности?

Отправной точкой изменений в политике безопасности и обороны ФРГ можно считать объединение страны и окончание холодной войны. Подходы к вопросам безопасности, полностью сконцентрированные на территориальной обороне, претерпевали трансформацию: в 90-е годы понимание приоритетов стало более широким и подразумевало возможность военной интервенции на территорию другого государства для обеспечения собственной безопасности, а также кризисное урегулирование конфликтов. Германия в конце 80-х – начале 90-х годов приобрела возможность использо-

вать бундесвер в составе вооружённых сил международных организаций, полагаясь при этом в первую очередь на США¹.

Дискуссия о концептуальных основах политики безопасности Германии представляла собой новый дискурс о содержании немецкой военной политики, что вызывало настороженную реакцию у европейских партнёров, не утративших воспоминания об историческом прошлом ФРГ и опасавшихся её потенциального реваншизма. Вместе с тем оборонная политика полностью согласовывалась с принципами атлантизма, где ФРГ выступала верным союзни-

АГАФОНОВА Ольга Владимировна – соискатель кафедры политологии ИМОиСПН, младший научный сотрудник Центра социокогнитивных исследований дискурса (СКоДис) Московского государственного лингвистического университета. *SPIN-код*: 3516-1947, *E-mail*: olga.agafonova92@gmail.com

Ключевые слова: ФРГ, США, политика безопасности и обороны Германии, НАТО, ОПБО ЕС.

¹ Соколов А. П. Безопасность Германии и военное присутствие США в ФРГ: «комфортная» оккупация или союзническая солидарность? // Международная аналитика. 2019. № 1-2. С. 41-51.

ком США и стран – членов ЕС в вопросах безопасности, что нашло своё отражение в операциях в Югославии, Сомали, Руанде.

Можно расценивать смену приоритетов в оборонной политике Германии не столько как попытку переосмысления подходов к применению военной силы или своего статуса в мире или Европе, сколько как адаптацию к изменяющимся реалиям как на национальном, так и на международном уровнях. Одновременно происходила фасилитация международного сотрудничества и политики мультилатерализма, которые нашли своё выражение в активизации участия ФРГ в таких организациях, как ООН, ОБСЕ, а также в рамках двусторонних отношений². Если во время холодной войны взаимоотношения Западной Германии со странами Восточной Европы протекали в условиях полной согласованности и модерации со стороны западных союзников во главе с США, то после объединения ФРГ присту-

пила к самостоятельному инициированию этих взаимоотношений.

З. Бжезинский отмечал, что объединение явилось наиболее значимой трансформацией геополитического ландшафта, которое привело к усилению роли Германии как актора, инициировавшего углубление экономического, политического и военного сотрудничества со странами Западной Европы³. Стоит отметить, что вхождение объединённой Германии в состав НАТО имело принципиальное значение для США, так как с позиции Штатов Германия после объединения должна была стать ключевым американским партнёром в экономической, политической, и оборонной сфере. Помимо этого, Германия вместе с США должна была играть ведущую роль в формировании будущего Европы и решении глобальных проблем. Дж. Буш-ст. охарактеризовал перспективу германо-американских отношений как «партнёрство через лидерство» (*Partnership through Leadership*)⁴.

Современная политика безопасности и обороны Германии в контексте взаимоотношений с США

Не будет преувеличением утверждать, что, пройдя долгий исторический путь формирования, сегодня политика безопасности и обороны ФРГ является в целом евро-атлантической. Атлантический вектор оборонной политики ФРГ реализуется

через её участие в НАТО, а европейский вектор обеспечивается в рамках общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) Европейского союза. Данные векторы сбалансированы, но с преимущественным акцентом на Североатлантический альянс.

² Muller S., Schweigler G. From occupation to cooperation: The United States and United Germany in a changing world order (American Assembly Series. N.Y.: Norton, 1992. – 288 p.

³ Brzezinski Z. The consequences of the end of the cold war for international security // The Adelphi Papers. 1991. Vol. 32. № 265. P. 3-17.

⁴ Kleinfeld G. R. Partners in Leadership? The Future of German – American Relations // The Federal Republic of Germany at Forty-Five / Ed. P.H. Merkl. L.: Palgrave Macmillan UK, 1995. P. 60-79.

Влияние США на внешнюю и оборонную политику Германии варьировалось как в зависимости от международной обстановки, так и от внешнеполитических приоритетов руководства США.

Как пример примата собственных внешнеполитических интересов США над обязательствами перед западноевропейскими союзниками можно рассмотреть события в Афганистане, последовавшие за терактами в США 11 сентября 2001 г. США продемонстрировали готовность использовать военный потенциал НАТО для реализации собственных интересов и без согласования с европейскими союзниками⁵. Действия США в Афганистане были поддержаны ФРГ при проведении военной операции⁶. Иллюстрируя свою приверженность трансатлантическим принципам и блоку НАТО, ФРГ принимала активное участие как непосредственно в боевых действиях, так и широко использовала невоенные методы, включая миротворческие операции и дипломатическую деятельность⁷.

В то же время было бы неверным утверждать, что все внешнеполитические инициативы США были безоговорочно поддержаны ФРГ. Немецкая оппозиция американскому курсу нашла своё выражение во время вторжения в Ирак коалиции, возглавляемой США, в 2003 г.

Канцлер Г. Шрёдер выступил против вторжения, акцентируя внимание на важности превалирования ООН международного права и дипломатии в урегулировании конфликта. Отказ Германии от участия в войне в Ираке можно расценивать как её смещение в сторону более решительной внешней политики, при которой допускалось расхождение с интересами США. Эта позиция подкрепила имидж ФРГ как «неохотного гегемона», т. е. государства, сохраняющего историческую память и избегающего односторонних военных действий, делая акцент на многосторонний подход в решении проблем⁸.

Можно расценивать этот отказ и как попытку повышения самостоятельности в принятии решений во внешней политике, которая оказала влияние на последующие внешнеполитические решения Берлина в вопросах обеспечения обороны, в том числе на его более осторожный подход к военному участию в других международных конфликтах.

Приоритеты внешней политики США со временем сместились с Европейского региона (актуальные до начала XXI в.) на Ближний Восток и Азиатско-Тихоокеанский регион, что оказало влияние как на взаимоотношения с Германией, так и с союзниками по блоку НАТО. Соединённые Штаты проявляли всё меньше интереса к НАТО, и в 2010-е годы Аме-

⁵ Кокеев А. М. Евроатлантическая политика ФРГ: преемственность и обновление // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 1. С. 45-58.

⁶ Noetzel T. Germany's Small War in Afghanistan: Military Learning amid Politico-strategic Inertia // Contemporary Security Policy. 2010. Vol. 31. № 3. P. 486-508.

⁷ Трунов Ф. О. Военно-политические особенности участия ФРГ в операции «Решительная поддержка» в 2015–2021 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21, № 3. С. 55-570.

⁸ Brummer K. German Foreign Policy and Statecraft since 2000. Regional Hegemon, Global Dwarf? // The Routledge Handbook of Diplomacy and Statecraft / Ed. B.J.C. McKercher. L.: Routledge, 2022. P. 95-104.

рика постепенно отходила от своей ведущей роли в альянсе. Так, во время войны в Ливии США занимали второстепенную роль, передавая ведущие позиции европейским союзникам по альянсу при принятии решений. Эти действия со стороны США являлись сигналом для европейских стран – членов НАТО для того, чтобы европейцы взяли на себя большую ответственность за обеспечение собственной безопасности⁹.

Необходимо обратить внимание на то, что камнем преткновения выступил и вопрос бюджета НАТО, в частности, диспропорции его финансирования членами альянса, при котором Европа, с точки зрения США, делала недостаточный вклад в обеспечение коллективной обороны. Требования США не находили поддерж-

ки среди некоторых союзников, включая Германию, которые рассматривали это как влияние США и навязывание ими своих оборонных приоритетов. В 2006 г., а затем и в 2014 г. государства – члены НАТО говорили о намерении достичь целевых расходов на оборону в 2% от ВВП страны. Данный показатель на протяжении долгого времени выполняло меньше половины стран, среди них страны Балтии, Польша, США, Великобритания. Германия декларировала намерение достигнуть показатель в 2% ВВП в своих доктринальных документах (Белая книга политики безопасности и будущего бундсвера 2016 г.¹⁰, Директива по оборонной политике 2023 г.¹¹), однако смогла достичь его только в 2024 г. (рис. 1).

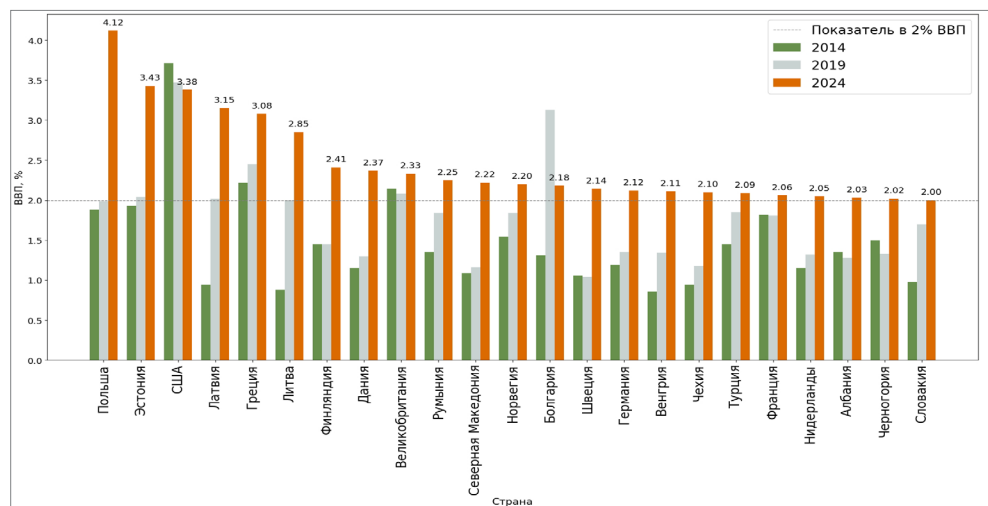

Рис. 1. Оборонные расходы государств – членов НАТО (доля от ВВП)¹²

⁹ Petersson M. The United States as the Reluctant Ally // The US Army War College Quarterly: Parameters. 2016. Vol. 46, № 1. P. 43–50.

¹⁰ Weißbuch zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr. Bundesministerium der Verteidigung, 2016. – 143 S.

¹¹ Verteidigungspolitische Richtlinien. Bundesministerium der Verteidigung, 2023. S. 31. – 34 S.

¹² Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2024). Press Release. North Atlantic Treaty Organization, 2024 // URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2024/6/pdf/240617-def-exp-2024-en.pdf

Рисунок 1 показывает, что свои финансовые обязательства страны – члены НАТО выполняли по-разному и это не зависело от их экономического положения. Это подкрепляет американскую аргументацию о том, что США инвестируют в европейскую оборону больше, чем сами европейские страны, и даёт США основание утверждать, что обеспечение европейской безопасности не является задачей исключительно Вашингтона¹³. Это нашло чёткое выражение во время пребывания Д. Трампа в должности президента в 2017–2021 гг., который активно выступал за снижение участия и вклада США в Североатлантический альянс¹⁴. Трамп активно продвигал политику превалирования национальных интересов над традиционной системой взаимоотношений через альянсы. Этот подход оказал влияние на германо-американские отношения, в которых США выражали критику по отношению к Германии на тему её нерешительных действий в вопросах финансирования собственной безопасности¹⁵.

При существовавших долгое время разногласиях вокруг немецкого вклада в НАТО ФРГ позиционирует альянс в качестве главного гаранта своей защиты от военных угроз. Этот тезис, а также намерение дей-

ствовать на укрепление альянса закреплены в немецких официальных документах, таких как, например, Стратегия национальной безопасности 2023 г.¹⁶ Примечательно, что именно трансформации в политическом поле и напряжённые отношения с Россией побудили Германию к переоценке угроз безопасности и дополнительному инвестированию в собственную безопасность, а также в коллективную безопасность в рамках НАТО.

Обращает на себя внимание и то, что Германии не удаётся в полной мере взять на себя геополитическую роль лидера в Европе¹⁷. Давление со стороны союзников по НАТО, наряду с изменениями в обстановке на международной арене, выступает в качестве катализатора внесения изменений оборонную политику Германии, которые будут соответствовать ожиданиям её союзников и учитывать меняющийся ландшафт безопасности в Европе. В то же время ФРГ не упускает возможности использовать турбулентность в международных отношениях для наращивания военного потенциала и реализации усилий по достижению стратегической самостоятельности¹⁸.

Стоит отметить, что ФРГ с партнёрами работали над формированием общеевропейской структуры

¹³ Krause J. Europäische Sicherheit angesichts eines abrupten oder graduellen Rückgangs amerikanischer Sicherheitsgarantien // SIRIUS – Zeitschrift für Strategische Analysen. 2024. Vol. 8. № 3. S. 251-266.

¹⁴ Brands H., Feaver P. D. What Are America's Alliances Good For? // The US Army War College Quarterly: Parameters. 2017. Vol. 47. № 2. P. 15-30.

¹⁵ Bustinduy P. A. Populist Foreign Policy? The Impact of the Trump Presidency on the Transatlantic Relation // International Studies. 2022. Vol. 59. № 1. P. 28-42.

¹⁶ Wehrhaft. Resilient. Nachhaltig. Integrierte Sicherheit für Deutschland. Nationale Sicherheitsstrategie. Auswärtiges Amt. 2023. S. 31.

¹⁷ Giegerich B., Schreier B. Zeitenwende one Year on // Survival. 2023. Vol. 65. № 2. P. 37-42.

¹⁸ Белозёров В. К. Германия конструирует стратегическую культуру // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 5. С. 166-177.

обеспечения коллективной обороны, которая нашла своё воплощение в Общей политике безопасности и обороны (ОПБО) Европейского союза. На протяжении многих лет подход Германии представлял собой баланс между продвижением европейской интеграции и поддержанием прочных связей с НАТО. В то время как Франция рассматривает ОПБО как путь к европейской автономии, Берлин проявляет осторожность из-за опасений, что независимость от США может нанести ущерб отношениям союзников внутри НАТО¹⁹. С точки зрения ФРГ, ОПБО скорее представляет собой инструмент для развития и углубления европейской интеграции.

Уместно упомянуть о ядерном оружии США, размещённом в Европе, в том числе и на территории ФРГ. Наличие его на Европейском континенте со времён холодной войны рассматривается как элемент сдерживания, направленный на предотвращение возможной агрессии. Сегодня ядерное оружие США на территории Европы не только военный актив, но и политический инструмент трансатлантического влияния. При декларируемых Германией в Стратегии национальной безопасности тезисах о необходимости транспарентного контроля над распространением ядерного оружия

ФРГ в то же время подчёркивает намерение вкладываться в совместное использование ядерного оружия в рамках Североатлантического альянса, например, за счёт предоставления своих самолётов двойного назначения²⁰.

Поэтому есть основания предполагать, что в условиях отсутствия собственного ядерного оружия ФРГ рассчитывает на ядерный потенциал НАТО²¹.

Ещё одним существенным компонентом, влияющим на архитектуру немецкой безопасности, является воинский контингент США на территории Германии. Это военное присутствие берёт своё начало со времён холодной войны. В настоящее время на территории ФРГ дислоцировано 35 068 военнослужащих²², это самый многочисленный контингент вооружённых сил США на территории Европы. В отличие от периода холодной войны сегодня ФРГ не воспринимается как форпост потенциальных военных действий, а имеющаяся инфраструктура с прагматической точки зрения представляет собой оптимальный вариант размещения контингента. К тому же США отводят ФРГ роль «рамочной нации» (*framework nation*) в структуре объединённых сил НАТО, что повышает её роль и статус в структуре альянса²³.

¹⁹ Sweeney S. EU common security and defence policy // The Routledge Handbook of European Integrations / Ed. T. Hoerber, G. Weber, I. Cabras. L.: Routledge, 2022. P. 427-448.

²⁰ Wehrhaft. Resilient. Nachhaltig. Integrierte Sicherheit für Deutschland. Nationale Sicherheitsstrategie. S. 32.

²¹ Onderco M., Smetana M. German views on US nuclear weapons in Europe: public and elite perspectives // European Security. 2021. Vol. 30. № 4. P. 630-648.

²² Number of active-duty United States military personnel in Europe in 2024, by country // URL: <https://www.statista.com/statistics/1294271/us-troops-europe-country/>

²³ Трунов Ф. О. Интересы США и политика ФРГ в сфере безопасности и обороны (начало 2020-х годов) // США & Канада: экономика, политика, культура. 2024. № 2. С. 48-64.

Перспективы немецкой оборонной политики в период второго президентства Д. Трампа

Динамика германо-американских отношений видоизменялась в последние 10 лет. В первый президентский срок Д. Трампа при официально декларируемом сохраняющемся партнёрстве они имели негативную тенденцию ввиду возрастания количества проблемных точек как в оборонной, так и в экономической сфере, что было продиктовано снижением веса Европейского союза во внешнеполитическом курсе США. Отношения стран имели более положительную динамику в период пребывания на посту президента Дж. Байдена, который выстраивал кооперацию с европейскими партнёрами. Укреплению этого сотрудничества способствовал конфликт на Украине, из-за чего европейские страны стали по-иному оценивать ситуацию в Европе. ФРГ также сменила отношение к России и воспринимает её в обозримой перспективе в качестве наиболее весомой угрозы своей безопасности²⁴.

Во второй президентский срок Д. Трампа существует вероятность изменений в рамках трансатлантических отношений. Уже во время первого президентского срока Д. Трампа произошло снижение доверия европейских стран к США как к надёжному партнёру. Данная тенденция может найти своё продолжение и в период нынешнего президентства. Эрозия доверия обусловлена непредсказуемой внешней

политикой Трампа и приверженностью принципу, когда интересы США ставятся во главу угла (*America first*), а европейские интересы уходят на второй план²⁵. Приоритеты США могут быть больше сконцентрированы на противодействии росту Китая, а не на обеспечении безопасности в Европе, что приведёт к стратегическому повороту в азиатском направлении.

Сложившаяся ситуация заставит ФРГ пересмотреть свою оборонную политику. Это может побудить Германию к увеличению расходов на оборону и усилению автономии в принятии решений по вопросам безопасности²⁶. При этом остаётся открытым вопрос о необходимых для этого ресурсах и возможностях их обеспечения с учётом уже имеющихся трудностей во внутриполитической обстановке, экономике и энергетическом секторе. В то же время ФРГ может вновь выдвинуть инициативы по укреплению европейского оборонного потенциала в рамках ОПБО ЕС. При этом крайне маловероятно, что эти инициативы приведут к существенному усилению ОПБО как оборонной структуры, которая по сути является европейским прототипом НАТО. При потенциальном снижении влияния США речь скорее может идти об усилении консолидации в принятии решений на общеевропейском уровне.

²⁴ Wehrhaft. Resilient. Nachhaltig. Integrierte Sicherheit für Deutschland. Nationale Sicherheitsstrategie. S. 12.

²⁵ Scott-Smith G. Transatlanticism: A fading paradigm? // Diogenes. 2024. Vol. 65, № 1. P. 97-109.

²⁶ Krause J. Europäische Sicherheit angesichts eines abrupten oder graduellen Rückgangs amerikanischer Sicherheitsgarantien // SIRIUS – Zeitschrift für Strategische Analysen. 2024. Vol. 8. № 3. S. 251-266.

Стратегическое партнёрство между США и ФРГ оказывает значительное влияние на политику безопасности и обороны Германии, особенно в контексте меняющихся глобальных угроз и геополитической динамики. Это партнёрство исторически представляло собой краеугольный камень системы безопасности Германии, формировало её приоритеты в оборонной политике и позиционирование на европейской и мировой арене. Они не всегда и не обязательно соответствуют американским ожиданиям, однако не имеют принципиальных расхождений с американским дискурсом.

Попытки укрепления Общей политики безопасности и обороны ЕС, равно как и некоторое более самостоятельное принятие решений не подразумевает, что они идут вразрез с американской перспективой, особенно учитывая, что ОПБО ЕС реализуется странами, которые одновременно являются государствами – членами НАТО.

Недопустимость расхождений с американской позицией продиктована также нежеланием самой Германии провоцировать разногласия внутри альянса. Характерно, что германо-американские отношения вполне вероятно будут оставаться в статусе партнёрства, в основе которого лежат единые ценности, но при этом отсутствует готовность нести за это дополнительные издержки²⁷.

Заявления администрации Д. Трампа показывают, что вопросы европейской безопасности в обозримой перспективе будут находиться на периферии американских интересов. Исходя из внешнеполитических принципов США, во главу угла всегда будут поставлены их собственные интересы и ценности, которые по своей значимости будут перевешивать любые союзнические соглашения²⁸.

Именно поэтому немецким политикам придётся считаться с американскими приоритетами и соответствующим образом адаптировать под них свой политический курс, что повлияет на предсказуемость немецкой политики. Вопрос увеличения расходов на безопасность Германии неизменно обозначит проблему её финансового и ресурсного обеспечения, которая осложняется нестабильным внутриполитическим климатом с существенным количеством проблем, требующих решения внутри страны.

Библиография • References

Белозёров В. К. Германия конструирует стратегическую культуру // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 5. С. 166-177.

Белозёров В. К. Стратегия национальной безопасности США как новый манифест глобальной гегемонии // Власть. 2015. № 4. С. 19-24.

Кокеев А. М. Евroatлантическая политика ФРГ: преемственность и обновление // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 1. С. 45-58.

²⁷ Рукавицын П. М. Геополитический статус ФРГ и его особенности на современном этапе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. № 4. С. 86-102.

²⁸ Белозёров В. К. Стратегия национальной безопасности США как новый манифест глобальной гегемонии // Власть. 2015. № 4. С. 19-24.

- Рукавицын П. М.* Геополитический статус ФРГ и его особенности на современном этапе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. № 4. С. 86-102.
- Синдеев А. А.* Американо-германские отношения: конкретизация будущего // США & Канада: экономика, политика, культура. 2024. № 1. С. 67-78.
- Соколов А. П.* Безопасность Германии и военное присутствие США в ФРГ: «комфортная» оккупация или союзническая солидарность? // Международная аналитика. 2019. № 1-2. С. 41-51.
- Трунов Ф. О.* Военно-политические особенности участия ФРГ в операции «Решительная поддержка» в 2015–2021 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 555-570.
- Трунов Ф. О.* Интересы США и политика ФРГ в сфере безопасности и обороны (начало 2020-х годов) // США & Канада: экономика, политика, культура. 2024. № 2. С. 48-64.
- Brands H., Feaver P. D.* What Are America's Alliances Good For? // The US Army War College Quarterly: Parameters. 2017. Vol. 47. № 2. P. 15-30.
- Brummer K.* German Foreign Policy and Statecraft since 2000. Regional Hegemon, Global Dwarf? // The Routledge Handbook of Diplomacy and Statecraft / Ed. B.J.C. McKercher. L.: Routledge, 2022. – 490 p.
- Brzezinski Z.* The consequences of the end of the cold war for international security // The Adelphi Papers. 1991. Vol. 32. № 265. P. 3-17.
- Bustinduy P. A.* Populist Foreign Policy? The Impact of the Trump Presidency on the Transatlantic Relation // International Studies. 2022. Vol. 59. № 1. P. 28-42.
- Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2024). Press Release. North Atlantic Treaty Organization, 2024 // URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/as-sets/pdf/2024/6/pdf/240617-def-exp-2024-en.pdf
- Giegerich B., Schreier B.* Zeitenwende One Year On // Survival. 2023. Vol. 65. № 2. P. 37-42.
- Kleinfeld G. R.* Partners in Leadership? The Future of German – American Relations // The Federal Republic of Germany at Forty-Five / Ed. P.H. Merkl. L.: Palgrave Macmillan UK, 1995. P. 60-79.
- Krause J.* Europäische Sicherheit angesichts eines abrupten oder graduellen Rückgangs amerikanischer Sicherheitsgarantien // SIRIUS – Zeitschrift für Strategische Analysen. 2024. Vol. 8. № 3. S. 251-266.
- Muller S., Schweigler G.* From occupation to cooperation: The United States and United Germany in a changing world order (American Assembly Series. N.Y.: Norton, 1992. – 288 p.
- Noetzel T.* Germany's Small War in Afghanistan: Military Learning amid Politico-strategic Inertia // Contemporary Security Policy. 2010. Vol. 31. № 3. P. 486-508.
- Number of active-duty United States military personnel in Europe in 2024, by country // URL: <https://www.statista.com/statistics/1294271/us-troops-europe-country/>
- Onderco M., Smetana M.* German views on US nuclear weapons in Europe: public and elite perspectives // European Security. 2021. Vol. 30. № 4. P. 630-648.
- Petersson M.* The United States as the Reluctant Ally // The US Army War College Quarterly: Parameters. 2016. Vol. 46. № 1. P. 43-50.
- Scott-Smith G.* Transatlanticism: A fading paradigm? // Diogenes. 2024. Vol. 65. № 1. P. 97-109.
- Sweeney S.* EU common security and defence policy // The Routledge Handbook of European Integrations / Ed. T. Hoerber, G. Weber, I. Cabras. L.: Routledge, 2022. – 508 p.

Verteidigungspolitische Richtlinien. Bundesministerium der Verteidigung, 2023. – 34 S.
Wehrhaft. Resilient. Nachhaltig. Integrierte Sicherheit für Deutschland. Nationale
Sicherheitsstrategie. Auswärtiges Amt, 2023. – 74 S.

Weißbuch zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr. Bundesministerium
der Verteidigung, 2016. – 143 S.

Статья поступила в редакцию 25 февраля 2025 г.

Статья принята к печати 26 мая 2025 г.

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

**Просим обратить внимание на изменения требований
к подготовке сопроводительной документации.**

**[https://www.observer-journal.ru/jour/about/
submissions#authorGuidelines](https://www.observer-journal.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines)**

Особенности внешнеполитических связей Российской Федерации и стран Центральной Азии

Олег КОНЫШЕВ

Анализ внешнеполитической стратегии России в Центральной Азии свидетельствует о наличии устойчивых системных элементов взаимодействия, дальнейшему развитию которых препятствует ограниченность устаревающих инструментов внешней политики. Данные тенденции прежде всего проявляют себя в приоритете традиционной центральноазиатской стратегии в условиях усиления международной политической конкуренции, что обуславливает необходимость модернизации сложившейся в последние десятилетия модели внешнеполитического взаимодействия^{1, 2}.

Центральная Азия – важнейшее направление внешнеполитической стратегии России

Политика Российской Федерации в Центральной Азии (ЦА) является одним из приоритетных направлений её внешнеполитической стратегии³. Это обусловлено совокупностью факторов, включая геостратегиче-

КОНЫШЕВ Олег Михайлович – соискатель РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, адвокат, управляющий партнёр АБ «Адвокат Бизнес Консалтинг». *E-mail*: ojureva@inbox.ru

Ключевые слова: Россия, Центральная Азия, ОДКБ, ЕАЭС, трудовая миграция, мягкая сила, региональная безопасность.

¹ Назаров В.П. Национальные интересы во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2024. № 17(1). С. 7-21.

² Штоль В.В. Внешняя политика и дипломатия современной России // Современные международные отношения: эпоха перемен. Глава 2. Евразийская современность. М.: Городец, 2024. С. 138-173.

³ Мальшева Д.Б. Проблемы регионализации постсоветской Центральной Азии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020 Т. 13. № 3. С.140-155.

ское положение региона, историко-культурные связи, а также необходимость обеспечения национальной безопасности и стабилизации обстановки на южных рубежах⁴.

Для России регион Центральной Азии представляет особую значимость в контексте:

- становления многополярного мира;
- поддержания стабильности и динамичности развития на пространстве СНГ;
- укрепления экономических связей;
- управления миграционными потоками;
- противодействия транснациональным угрозам (религиозный экстремизм, наркотрафик и др.).

В региональной повестке устойчиво сохраняется акцент на нейтрализацию трансграничных рисков, включая религиозный экстремизм, международный терроризм, нелегальный оборот оружия и наркотрафик.

Россия позиционирует себя в качестве источника стабильности, предлагая странам региона не только инструменты военного сдерживания, но и институциональные решения для управления комплексными угрозами безопасности.

Одним из направлений такой деятельности является развитие межведомственного взаимодействия в рамках антитеррористических программ и создание координационных центров по борьбе с организованной преступностью. Это

сопряжено с необходимостью балансировать между укреплением национального суверенитета государств региона и поддержанием координации в сфере безопасности, что требует гибкой дипломатии и регулярного политического диалога.

В основе приоритета внешнеполитической стратегии взаимодействия России и стран ЦА лежат долгосрочные риски, требующие скоординированных усилий в рамках как двусторонних, так и многосторонних механизмов. Прежде всего они связаны с ростом социально-экономического неравенства и уязвимостью от экстремистских идеологий, особенно среди молодёжи в приграничных и периферийных районах, а также с усилением религиозной радикализации, особенно в контексте нестабильности в Афганистане.

В целом в основу многолетнего, многостороннего взаимодействия Российской Федерации со странами Центральной Азии, как приоритетного направления внешнеполитической стратегии, положены макрорегиональные интересы, а также интересы, отражающие специфику взаимоотношения России с каждой из стран Центральной Азии.

Общей платформой приоритетной внешней политики являются военно-стратегические, экономические, культурно-гуманитарные отношения и отношения в сфере экологической безопасности⁵.

⁴ *Погодин С.Н.* Внешнеполитические интересы РФ в Центральной Азии // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика.* 2021. № 2. С. 77-85.

⁵ *Абрамова О.Д., Авдеева Т.В., Семедов С.А., Сухарев А.И.* [и др.]. *Международное сотрудничество в условиях глобализации* / под ред. С.А. Семедова. РАНХиГС. М.: Дело, 2018. – 388 с.

Особенности международных отношений России со странами Центральной Азии

Международное взаимодействие России с государствами Центральной Азии, как одно из системообразующих направлений комплексных отношений, характеризуется рядом особенностей⁶. Его структура отличается высокой асимметрией и сохраняющейся зависимостью от сырьевых, трудовых и инфраструктурных компонентов.

Страны Центральной Азии, в частности, Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан и Туркменистан⁷, характеризуются высоким уровнем политической, социально-экономической и этноконфессиональной неоднородности, что требует от России дифференцированного подхода к формированию политики двустороннего и многостороннего взаимодействия⁸.

В эволюции стратегии внешнеполитического взаимодействия России со странами ЦА отчётливо просматриваются четыре этапа, отличающиеся своими особенностями.

Первый этап: формирование внешнеполитической линии Российской Федерации в отношении государств Центральной Азии после

1991 г. осуществлялось в условиях институционального вакуума, вызванного демонтажем советской системы межреспубликанских связей и отсутствием разработанной концепции региональной политики в новых геополитических реалиях. В течение 90-х годов российская внешнеполитическая деятельность была преимущественно фрагментарной и реактивной. Акценты делались на поддержание минимального уровня политических контактов, обеспечение функционирования двусторонних форматов сотрудничества и формальное участие в механизмах Содружества Независимых Государств, не обладавших реальными регуляторными возможностями. Региональные инициативы в значительной степени уступали место политике самоограничения, продиктованной экономической нестабильностью и приоритетом внутренних социально-политических преобразований⁹.

Второй этап: с началом 2000-х годов произошёл сдвиг в сторону институционализации внешней политики России в Центральной

⁶ Ушаков: Саммиты «Россия – Центральная Азия» могут стать регулярными // Российская газета. 2022 12 октября.

⁷ Мальшева Д.Б. Проблемы регионализации постсоветской Центральной Азии.

⁸ Притчин С. «Большая игра 2.0» в Центральной Азии на современном этапе // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 6. С. 112–123.

⁹ Концепция внешней политики Киргизии. Указ Президента Кыргызской Республики от 11 марта 2019 г. № 37 // URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/430045/edition/949067/ru?ysclid=mc3daigt70700397014>; Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 годы // URL: <https://zakon.uchet.kz/rus/history/U2000000280/06.03.2020>; Концепция внешней политики Республики Узбекистан // URL: <https://gov.uz/ru/mfa/sections/view/14455>; Концепция внешней политики Российской Федерации. Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 // URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>; Концепция внешней политики Таджикистана // URL: <https://www.mfa.tj/ru/main/view/988/kontseptsiya-vneshnei-politiki-respubliki-tadzhikistana?ysclid=mc3df3rhx505267485>; Концепция внешнеполитического курса нейтрального Туркменистана на 2022–2028 годы // URL: <https://www.mfa.gov.tm/ru/articles/3>

Азии, что выразилось в переходе к политике функционального возвращения в регион^{10, 11}.

Основное внимание стало уделяться созданию механизмов коллективной безопасности, развитию интеграционных экономических объединений и наращиванию военно-технического сотрудничества. В рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), созданной в 2002 г. была зафиксирована политико-правовая основа военного присутствия России на территории Киргизии и Таджикистана, а также регулярного проведения многосторонних учений¹². Параллельно шло формирование Таможенного союза, который в 2015 г. трансформировался в Евразийский экономический союз (ЕАЭС), ориентированный на унификацию торговых режимов, таможенных процедур и частичную координацию макроэкономической политики.

Третий этап: существенное усиление внимания к региону на уровне внешнеполитических установок началось после 2014 г. с качественным изменением международной обстановки, включая политическую изоляцию России со стороны западных стран, обострение санкционного давления и рост значимости незападных внешнеэкономических связей. Цен-

тральноазиатское направление стало рассматриваться как резерв усиления экономического взаимодействия, канал диверсификации транспортно-логистических маршрутов и сохранение союзнических отношений. Возросший уровень взаимодействия сопровождался расширением финансово-кредитных инструментов и численности российских гражданских миссий в регионе^{13, 14}.

Четвёртый этап: в развитии внешнеполитического взаимодействия России и стран Центральной Азии (весна 2022 г.) обусловлен переосмыслением стратегии международных процессов в контексте сложных вопросов национальной и коллективной безопасности, суверенитета. На Минском саммите (2025 г.) деятельность ЕАЭС была оценена президентом России как состоявшегося успешного интеграционного объединения.

На всех этапах развития международного взаимодействия России со странами ЦА важным инструментом институционализации внешнеполитических интересов является функционирование интеграционных структур. Это прежде всего Организация Договора о коллективной безопасности, Евразийский экономический союз (учреждён 2014 г.), а также межпарламентское взаимодействие¹⁵.

¹⁰ Звягельская И.Д. Становление государств Центральной Азии. Политические процессы. М.: Аспект Пресс, 2009. – 208 с.

¹¹ Концепция внешней политики Российской Федерации от 28 июня 2000 г. // РГ. 2000. 11 июля.

¹² Концепция внешней политики Российской Федерации. Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229.

¹³ Коньков А. Правила для игры без правил. В поисках прорыва по-внешнеполитически // Россия в глобальной политике. 2023. № 3. С. 54-67.

¹⁴ Погodin С.Н. Внешнеполитические интересы РФ в Центральной Азии.

¹⁵ Егоров В., Штоль В. Кризис цивилизации и новый мировой порядок // Международная жизнь. 2022. № 10. С. 58-69.

В рамках ОДКБ формируется совместная нормативно-правовая база в сфере обороны и реагирования на кризисные ситуации, осуществляется согласование военной доктрины и планирование совместных операций. При этом её потенциал состоит в различной степени участия государств-членов в операционной деятельности и отсутствии обязательного механизма коллективного вмешательства в случае внутренних кризисов.

Военно-стратегическое присутствие России в регионе институционализировано через размещение контингентов и объектов военной инфраструктуры в Таджикистане (201-я военная база) и Киргизии (авиабаза «Кант»), а также через двусторонние соглашения о военно-техническом сотрудничестве. Эти элементы обеспечивают устойчивость оперативного реагирования на нестабильность в приграничных районах, в том числе в связи с угрозами, исходящими с территории Афганистана¹⁶.

Активность международного взаимодействия сопряжена с необходимостью балансировать между укреплением национального суверенитета государств региона и поддержанием координации в сфере безопасности, что требует гибкой дипломатии и регулярного политического диалога.

В рамках ЕАЭС системообразующим направлением многосторонних, а также двусторонних отношений является экономическое взаимодействие. Его структура от-

личается высоким уровнем асимметрии, зависимостью от сырьевых, трудовых и инфраструктурных компонентов. Центральнoазиатские республики в значительной степени ориентированы на российский рынок в части экспорта продовольственных и сельскохозяйственных товаров, металлов, текстильной продукции, а также водно-энергетических ресурсов (Таджикистан и Киргизия). Для России партнёрство с регионом важно прежде всего с точки зрения обеспечения бесперебойных поставок урана, алюминия, строительных материалов и сезонной рабочей силы. Миграционные процессы, поддерживаемые на межгосударственном уровне, представляют собой не только экономический ресурс, но и механизм демографической компенсации, особенно в трудоёмких секторах экономики¹⁷.

С точки зрения двусторонних экономических отношений лидером торгового оборота является Казахстан. Он занимает лидирующую позицию среди партнёров России в регионе, обеспечивая наибольший объём двусторонней торговли и являясь участником ключевых координационных форматов в рамках ЕАЭС. Менее диверсифицированные экономики Грузии и Таджикистану. Они в большей степени зависят от поставок российской продукции первой необходимости, энергоносителей, а также от субсидируемых цен на топливо и продовольствие.

Такие схемы создают устойчивую, но неравновесную модель взаи-

¹⁶ Грозин А.В. Мировая турбулентность и Центральная Азия в системе российских интересов // Постсоветский материк. 2024. № 2. С. 4-24.

¹⁷ Кандиёрова Д.О. Влияние внешних шоков на миграционную ситуацию в центрально-азиатском регионе // Финансово-экономический вестник. 2022. № 3. С. 45-52.

модействия, в которой Россия выступает как донор экономической стабильности, особенно в периоды внешнеполитических или финансовых кризисов¹⁸.

Для региона характерно сохранение, а в ряде случаев усугубление системы трансграничных проблем, оказывающих влияние на стабильность региона и эффективность внешнеполитических усилий, среди них: дефицит водных ресурсов и конфликтность в распределении воды трансграничных рек, ускоренная деградация окружающей среды.

Культурно-гуманитарное измерение внешней политики России в Центральной Азии является важным элементом поддержания длительного системного присутствия, обеспечивающего не только политическую и экономическую стабильность взаимодействия, но и воспроизводство идентификационных ориентиров, способствующих сохранению цивилизационной близости.

В основе российской гуманитарной стратегии лежит поддержка институтов, обеспечивающих использование русского языка в образовательной, информационной и правовой сферах, а также развитие академиче-

ского и межкультурного обмена. Особое значение в этом контексте имеют университетские центры, работающие на территории региона, а также филиалы российских вузов, реализующих совместные образовательные программы и предоставляющие дипломы с признанием их в правовом поле Российской Федерации¹⁹.

Реализация политики «мягкой силы» осуществляется через Россотрудничество и «Русский дом», а также специализированные культурные представительства при посольствах России^{20, 21, 22}. Поддерживаются программы повышения квалификации преподавателей, поставка учебной и методической литературы, организация тематических форумов и олимпиад, участие в которых формирует устойчивый интерес к российской системе образования.

Значительное внимание уделяется русскоязычным школам, в том числе при поддержке местных министерств образования, что сохраняет статус русского языка как языка межэтнического общения в ряде стран региона, частности, в Казахстане, Киргизии и Таджикистане^{23, 24}.

Сравнительный анализ внешнеполитического взаимодействия Рос-

¹⁸ Чичканов В.П., Сухарев О.С. Экономическая война против России: методы проведения и противодействие // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России (электронная версия). 2022. № 1. С. 71-89.

¹⁹ Королев А.С. Особенности гуманитарного сотрудничества РФ со странами Центральной Азии на современном этапе // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 12-23.

²⁰ Махмамов М.М. Идея приоритета использования «мягкой силы» в центральноазиатском пространстве // Oriental renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences. 2021. № 3. С. 144-157.

²¹ Nye J. American Soft Power will Survive Donald Trump // The National Interest. 2021. Jan 9 // URL: <https://nationalinterest.org/feature/american-soft-power-will-survive-donald-trump-176013>

²² Soft power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ: колл. монография / сост. и ред. Е.Г. Борисова. М.: Флинта; Наука, 2015. – 184 с.

²³ Адещенко П.С. «Мягкая сила» России в Казахстане: культурные и экономические аспекты // Социально-политические науки. 2024. № 1. С. 35-40.

²⁴ Nye J. Smart Power and the War on Terror // Asia-Pacific Review. 2008. Vol. 15. № 1. P. 1-8.

сии с государствами Центральной Азии показывает значительную степень неоднородности, обусловленную различиями в региональных политических режимах, уровне экономического развития, степени институциональной зрелости и внешнеполитической ориентации. Следует отметить стремление зарубежных стран вовлечь республики ЦА в свои национально-интеграционные процессы.

Так, например, официальный курс на многовекторность, зафиксированный в стратегии внешней политики Республики Казахстан, предусматривает развитие сбалансированных отношений с Китаем, США, ЕС и Турцией, формирование более автономной внешнеполитической линии при сохранении прагматических связей с Россией в сферах энергетики, обороны и транзитной логистики²⁵.

Принципиальным элементом внешней политики Узбекистана остаётся нейтралитет в вопросах военного сотрудничества и фокус на внутренней социально-экономической модернизации²⁶.

Киргизия и Таджикистан проявляют высокий уровень заинтересованности в укреплении взаимодействия с Россией, что обусловлено рядом факторов²⁷, в том числе из-за вероятности эскалации напряжённости между Таджикистаном и Киргизией, связанной с рисками уча-

стия российских миротворческих механизмов в региональных спорах. При этом в обоих государствах наблюдаются признаки диверсификации экономических связей и интереса к внешним источникам инвестиций, в том числе китайским и турецким.

Туркменистан сохраняет внешнеполитическую модель позитивного нейтралитета, официально закреплённую в конституции, что ограничивает степень его вовлечённости в российские интеграционные и военно-политические инициативы²⁸. В то же время политика расширения транзитных маршрутов, в том числе через Иран и Каспийское море, а также развитие связей с Китаем снижает глубину стратегического взаимодействия с Россией и ограничивает её влияние.

Рост масштабов внешнеполитической деятельности сопровождается корректировкой стратегических установок, что выразилось в переходе от эксплицитного патернализма к прагматичной модели партнёрства. Возникла необходимость учитывать как возросшую субъектность государств региона, так и рост их внешнеполитической многовекторности. В новых условиях российская внешнеполитическая политика в регионе начала ориентироваться на сохранение формальных и неформальных каналов влияния при одновременном снижении рисков чрезмерного давления,

²⁵ Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 годы. Указ Президента Республики Казахстан от 6 марта 2020 года № 280.

²⁶ Концепция внешней политики Республики Узбекистан.

²⁷ Аршин К.В. Риски кризисной миграции из стран Центральной Азии в Россию // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. № 11. С. 58–65.

²⁸ Концепция внешней политики Таджикистана. Указ Президента Республики Таджикистан от 27 января 2014 г. № 332.

способного провоцировать негативные внутренние или внешнеполитические реакции.

В результате эволюции современная российская стратегия в Центральной Азии приобрела многоуровневую архитектуру, охватывающую политико-дипломатическое, военно-стратегическое, экономическое, социально-экологическое и гуманитарное измерения^{29, 30}. На политико-дипломатическом уровне взаимодействие носит преимущественно двусторонний характер, при этом основное внимание уделяется поддержанию устойчивых связей с правящими элитами, координации позиций в международных организациях и согласованию повестки в рамках региональных интеграционных объединений.

Характерной чертой российско-го подхода является стремление к поддержанию политической стабильности в странах региона, в том числе за счёт невмешательства во

внутренние дела при наличии признаков управляемости и лояльности со стороны национальных властей. Во взаимодействии с государствами ЦА Россия придерживается универсальных принципов международного взаимодействия, в том числе озвученных министром иностранных дел России С.В. Лавровым и президентом Ирака М. Пезешкиан, а именно: «правовым фундаментом многополярного мира должен стать Устав ООН»³¹, «дипломатия работает, когда стороны придерживаются своих обязательств, а не когда одна из сторон нападает на другую и разрушает доверие»³².

Подобная модель обеспечивает возможность сохранения влияния без необходимости использования инструментов прямого давления, однако сопряжена с высокой степенью зависимости от персоналистских режимов, подверженных внутренней фрагментации и смене внешнеполитических ориентаций.

Центральная Азия – зона возрастающей внешнеполитической конкуренции

В условиях трансформации глобальной системы международных отношений, «игр без правил» дополнительную важность Цент-

ральной Азии придаёт включение её в зону турбулентности и повышенной внешнеполитической конкуренции^{33, 34, 35}.

²⁹ Бабаев К.В. Россия и Центральная Азия: тренды и перспективы // Евразийские исследования. 2024. № 1. С. 17-23.

³⁰ Грозин А.В. Мировая турбулентность и Центральная Азия в системе российских интересов.

³¹ Лавров С.В. Правовым фундаментом многополярного мира должен стать Устав ООН // Россия в глобальной политике. 2025. № 23(2). С. 51-58.

³² «Что бы вы сделали?»: Пезешкиан объяснил Макрону, что ждёт США после ударов по ядерным объектам Ирана // Комсомольская правда. 2025. 22 июня.

³³ Валлерстайн И. Анализ мировых систем. 2-е изд.; пер. с англ. М.: Ленанд, 2022. – 400 с.

³⁴ Коньков А. Правила для игры без правил.

³⁵ Штоль В.В. Геополитическое противостояние России и Запада // Актуальные проблемы международных отношений и внешней политики в XXI веке. М.: Дашков и К. 2021. С. 18-46.

Интерес к региону проявляют многие государства мира (Китай, США, Турция, Иран). Они реализуют в регионе самостоятельные стратегические линии, охватывающие экономическое, военное, энергетическое и гуманитарное измерения^{36, 37}. Конкуренция внешних акторов происходит за счёт:

- институционализации их присутствия через реализацию инфраструктурных инициатив;
- предоставления кредитных и инвестиционных ресурсов;
- развития военно-технического сотрудничества;
- распространения культурного и образовательного влияния^{38, 39}.

Новые вызовы России усиливаются на фоне устойчивой фрагментации региона по политической ориентации, экономической зависимости и институционального участия глобальных акторов. Конкуренция с внешней политикой ряда государств (США, Англия, Китай, Турция, Иран, Индия, Япония Южная Корея), а также ЕС принимает комплексный характер:

- Китай использует преимущественно экономические механизмы;
- Турция опирается на культурно-лингвистические связи;

– США и ЕС предлагают проекты в области устойчивого развития, образования и прав человека.

Указанное многообразие инструментов требует постоянной адаптации российской стратегии^{40, 41}.

Россия стремится сохранить и адаптировать собственную модель взаимодействия с государствами Центральной Азии, которая опирается на совокупность исторических связей, институциональных механизмов (в том числе в рамках ЕАЭС, ОДКБ и ШНГ), а также на устойчивую инфраструктуру двусторонних отношений, формирующих системный характер её присутствия в регионе^{42, 43}.

Фактором, усложняющим гуманитарную политику России в ЦА, является экспансия конкурирующих культурных моделей, в первую очередь со стороны Турции, реализующей целенаправленную тюркоязычную интеграцию, и ряда государств Персидского залива, поддерживающих исламское образование, строительство медресе и финансирование религиозных проектов. Это сопровождается:

- созданием новых культурных центров;
- учреждением грантовых программ;

³⁶ Мальшева Д.Б. Постсоветская Центральная Азия в фокусе интересов крупных азиатских государств // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2021. № 2. С. 82-99.

³⁷ Притчин С. «Большая игра 2.0» в Центральной Азии на современном этапе.

³⁸ Наумов А.О. Цветные революции. М.: Кучково поле, 2023. – 496 с.

³⁹ Кривенко Г.И. Январские протесты 2022 г. в Казахстане // *История и современность*. 2023. № 1. С. 107-123.

⁴⁰ Мальшева Д.Б. Центральноазиатское направление политики Турции // *Россия и новые государства Евразии*. 2024. № 11(LXIII). С. 60-72.

⁴¹ Маххамов М.М. Идея приоритета использования «мягкой силы» в центральноазиатском пространстве.

⁴² Бордачев Т.В., Тебин П.Ю. Без «тени войны», но в тени ответственности // *Россия в глобальной политике*. 2025. Т. 23. № 3. С. 164-180.

⁴³ Гребнев Р.Д. Стратегические направления внешней политики России в многополярном мире: геополитический подход // *Социально-гуманитарные знания*. 2023. № 3. С. 124-128.

– ростом числа стипендиатов, обучающихся за рубежом;

– структурной перестройкой образовательной политики самих центральноазиатских государств в сторону диверсификации международных партнёрств⁴⁴.

В странах ЦА усиливается внутренний запрос на национально ориентированную идентичность, сопровождающуюся ростом локального исторического ревизионизма, переоценкой роли советского периода и критическим восприятием постсоветской зависимости. Такие процессы особенно заметны в образовательных и гуманитарных дискурсах, формирующихся под влиянием западных и региональных фондов. В условиях СВО возрастает актуальность продвижения образа России

как плюралистичного и неконфликтного сторонника многополярного мира в многоязычном и многоконфессиональном пространстве Центральной Азии^{45, 46}.

Центральная Азия становится ареной не только конкуренции, но и потенциальной лабораторией новых форм регионального взаимодействия. Это требует от России переосмысления роли не только как лидера и донора стабильности, но и как равноправного участника региональных процессов, способного вкладываться в коллективные модели регулирования, признавать субъектность партнёров и работать с разнородными акторами – от национальных правительств до неправительственных организаций, университетов и деловых объединений⁴⁷.

Необходимость модернизации внешнеполитического взаимодействия России со странами Центральной Азии

В условиях растущей многополярности и усиления экономического присутствия внешних акторов Россия сталкивается с необходимостью модернизации своей экономической политики в регионе^{48, 49}.

Китай, продвигающий инициативу «Один пояс – один путь», обеспечивает масштабное финанси-

рование объектов транспортной, энергетической и цифровой инфраструктуры, что сопровождается созданием новых логистических коридоров, минующих российскую территорию.

Примерами такой активности являются строительство железнодорожных линий Китай – Кирги-

⁴⁴ Мальшева Д.Б. Центральноазиатское направление политики Турции.

⁴⁵ Особенности национал-патриотизма в странах Центральной Азии: между архаизацией и модернизацией (на основании сетевых материалов) / под ред. В.Г. Егорова. М.: ИВ РАН, 2020. – 384 с.

⁴⁶ Притчин С. Многовекторность как основная модель внешней политики стран Центральной Азии // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. №. 12. С. 104-115.

⁴⁷ Мальшева Д.Б. Проблемы регионализации постсоветской Центральной Азии.

⁴⁸ Сафонова С.Г., Шейхова М.С. Современный мировой кризис и перспективы формирования новой системы мироустройства // Экономический журнал. 2023. № 8. С. 2-14.

⁴⁹ Штоль В.В. Новые вызовы XXI века // Обозреватель–Observer. 2019. № 9(356). С. 5-22.

зия – Узбекистан и модернизация автотранспортной сети, обеспечивающей прямой выход к портам Персидского залива.

Подобные инфраструктурные проекты перераспределяют региональные товаропотоки и оказывают давление на традиционные позиции России в транзитной логистике⁵⁰.

В дополнение к китайскому фактору усиливается экономическая активность Турции, стран Персидского залива и Индии, формирующих в регионе альтернативные центры капиталовложений и технологического обмена. Это сопровождается ростом интереса к свободным экономическим зонам, международным промышленным кластерам и цифровым платформам торговли, в разработке которых Россия принимает ограниченное участие. Финансово-кредитные механизмы, реализуемые российской стороной через Евразийский банк развития и фондовые инструменты ЕАЭС, частично компенсируют ограниченность инвестиционного охвата, однако остаются маломасштабными по сравне-

нию с возможностями китайских и ближневосточных партнёров.

Ключевые внешнеполитические вызовы России:

- усиливающаяся конкуренция со стороны Китая, Турции и западных стран;

- рост национализма и локальных идентичностей;

- нестабильность вблизи афганской границы.

Это обуславливает необходимость выработки соответствующей изменяющейся геополитике модели внешнеполитической деятельности⁵¹.

Эти факторы нашли отражение в Послании Президента России В.В. Путина Федеральному собранию (2024 г.), где обозначена необходимость «формирования нового контура равной и неделимой безопасности Евразии, построения Большого Евразийского партнёрства, увеличения финансирования международных программ по продвижению русского языка и многонациональной культуры, прежде всего в пространстве СНГ»⁵².

В российской политике в Центральной Азии по-прежнему сохраняются черты адаптивного реагирования, а не проактивного стратегического проектирования. Отсутствие единого концептуального документа, аналогичного стратегии в отношении ЕС или азиатской политике, в сочетании с фрагментарным институциональным сопровождением создаёт риск несогласованности целей и инструментов на разных уровнях взаимодействия. Ключевым вызовом остаётся необходимость комплексной трансформации российской модели международной деятельности, в частности, необходим переход от приоритета наследия политико-культурной инерции к реальному учёту трансформирующихся интересов и идентичностей государств региона.

⁵⁰ Чичканов В.П., Сухарев О.С. Экономическая война против России.

⁵¹ Назаров В.П., Подберезкин А.И., Подберезкина О.А. Необходимость корректировки стратегии национальной безопасности России // Обозреватель. 2020. № 1. С. 44-51.

⁵² Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г. // URL: <http://kremlin.ru>

Усиление национальных конструкций идентичности, сопровождаемое историческим ревизионизмом и переоценкой места и роли России в региональной памяти, требует отказа от имплицитных постимперских моделей коммуникации и выстраивания равноправного партнёрства на базе суверенного диалога. В этом контексте актуализируется проблема формирования новой гуманитарной политики, способной предложить не только символическую поддержку русского языка и образования, но и востребованные форматы сотрудничества в области науки, технологий, культуры и медиа, включая цифровую сферу.

Сохраняющаяся экономическая асимметрия, основанная на сырьевых потоках, трудовой миграции и субсидируемом энергоснабжении, не создаёт условий для долговременной устойчивости. Российская экономическая стратегия в регионе требует:

- перехода от патронажной логики к стимулированию кооперации в высокотехнологичных отраслях;
- локализацию производства;
- поддержку инфраструктурных проектов с распределённой выгодой;
- создание инвестиционных механизмов, привлекательных как для государств региона, так и для российского частного сектора.

Это особенно критично на фоне активной экспансии Китая, Турции, а также растущего интереса Индии и стран Залива к региону. В условиях изменения глобального порядка, сопровождаемого кризисами нормативной архитектуры международных отношений, гибкость, дифференцированность и прогнозируемость внешнеполитических действий становятся критически важными в условиях растущей международной конкуренции и сложности региональной среды. Всё это обуславливает необходимость переоценки инструментов взаимодействия, развития комплексного анализа внутриполитических процессов в странах региона и активизации горизонтальных связей с негосударственными структурами, включая бизнес-ассоциации, университеты и аналитические центры.

Меняющаяся специфика взаимодействия с отдельными государствами региона, новые структурные ограничения существующих форматов партнёрства требуют разработки новой стратегии внешнеполитического диалога России со странами Центральной Азии. Особое значение имеет укрепление институциональной роли России в рамках ОДКБ и ЕАЭС, а также совершенствование механизмов «мягкой силы».

Перспективной представляется разработка обновлённой стратегии российского участия в Центральной Азии, в которой приоритет должен быть отдан не контролю над процессами, а управляемой вовлечённости в них. Такая стратегия должна быть основана на балансе интересов, транспарентности экономической политики, гибкости дипломатических форматов и уважении к суверенным ограничениям и возможностям стран региона. Без выстраивания именно такой модели дальнейшее присутствие России рискует приобрести стагнирующий, оборонительный характер, не способный обеспечить ни долгосрочную устойчивость, ни содержательное влияние в условиях конкурирующих проектов регионального развития.

Требуется переосмысление роли России не только как лидера и донора стабильности, но и как равноправного участника региональных процессов. На этом фоне перспективной представляется разработка обновлённой стратегии российского присутствия в Центральной Азии, учитывающей влияние новых моделей конкурирующих проектов трансрегионального развития.

Библиография • References

- Абрамова О.Д., Авдеева Т.В., Семедов С.А., Сухарев А.И. [и др.]. Международное сотрудничество в условиях глобализации / под ред. С.А. Семедова. РАНХиГС. М.: Дело, 2018. – 388 с.
- Адеченко П.С. «Мягкая сила» России в Казахстане: культурные и экономические аспекты // Социально-политические науки. 2024. № 1. С. 35-40.
- Аршин К.В. Риски кризисной миграции из стран Центральной Азии в Россию // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. № 11. С. 58-65.
- Валлерстайн И. Анализ мировых систем. 2-е изд.; пер. с англ. М.: Ленанд, 2022. – 400 с.
- Гребнев Р.Д. Стратегические направления внешней политики России в многополярном мире: геополитический подход // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 3. С. 124-128.
- Егоров В., Штоль В. Кризис цивилизации и новый мировой порядок // Международная жизнь. 2022. № 10. С. 58-69.
- Звягельская И.Д. Становление государств Центральной Азии. Политические процессы. М.: Аспект Пресс, 2009. – 208 с.
- Кандиёрова Д.О. Влияние внешних шоков на миграционную ситуацию в центрально-азиатском регионе // Финансово-экономический вестник. 2022. № 3. С. 45-52.
- Концепция внешней политики Российской Федерации от 28 июня 2000 г. // Российская газета. 2000. 11 июля.
- Концепция внешней политики Российской Федерации. Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 // МИД РФ // URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>
- Королев А.С. Особенности гуманитарного сотрудничества РФ со странами Центральной Азии на современном этапе // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 12-23.
- Лавров С.В. Правовым фундаментом многополярного мира должен стать Устав ООН // Россия в глобальной политике. 2025. № 23(2). С. 51-58.
- Мальшева Д.Б. Постсоветская Центральная Азия в фокусе интересов крупных азиатских государств // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. № 2. С. 82-99.
- Мальшева Д.Б. Проблемы регионализации постсоветской Центральной Азии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020 Т. 13. № 3. С.140-155.
- Мальшева Д.Б. Центральноазиатское направление политики Турции // Россия и новые государства Евразии. 2024. № 11(LXIII). С. 60-72.
- Назаров В.П. Национальные интересы во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2024. № 17(1). С. 7-21.
- Назаров В.П., Подберезкин А.И., Подберезкина О.А. Необходимость корректировки стратегии национальной безопасности России // Обозреватель–Observer. 2020. № 1. С. 44-51.
- Науумов А.О. Цветные революции. М.: Кучково поле, 2023. – 496 с.

- Погодин С.Н.* Внешнеполитические интересы РФ в Центральной Азии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 2. С. 77-85.
- Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г. // URL: <http://kremlin.ru>
- Притчин С.* «Большая игра 2.0» в Центральной Азии на современном этапе // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 6. С. 112-123.
- Притчин С.* Многовекторность как основная модель внешней политики стран Центральной Азии // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 12. С. 104-115.
- Сафонова С.Г., Шейхова М.С.* Современный мировой кризис и перспективы формирования новой системы мироустройства // Экономический журнал. 2023. № 8. С. 2-14.
- Чичканов В.П., Сухарев О.С.* Экономическая война против России: методы проведения и противодействие // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России (электронная версия). 2022. № 1. С. 71-89.
- Штоль В.В.* Внешняя политика и дипломатия современной России // Современные международные отношения: эпоха перемен. Глава 2. Евразийская современность. М.: Городец, 2024. – 808 с.
- Штоль В.В.* Геополитическое противостояние России и Запада // Актуальные проблемы международных отношений и внешней политики в XXI веке. М.: Дашков и К. 2021. – 411 с.
- Штоль В.В.* Новые вызовы XXI века // Обозреватель–Observer. 2019. № 9(356). С. 5-22.
- Nye J.* American Soft Power will Survive Donald Trump // The National Interest. 2021. Jan 9 // URL: <https://nationalinterest.org/feature/american-soft-power-will-survive-donald-trump-176013>
- Nye J.* Smart Power and the War on Terror // Asia-Pacific Review. 2008. Vol. 15. № 1. P. 1-8.
- Soft power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ: колл. монография / сост. и ред. Е.Г. Борисова. М.: Флинта; Наука, 2015. – 184 с.

Статья поступила в редакцию 1 июля 2025 г.

Статья принята к публикации 7 августа 2025 г.

Отношения США и Мексики при Б. Обаме, Д. Трампе и Дж. Байдене

Основные вызовы и угрозы

Софья ТОЛОЧЕНКО

Американо-мексиканские отношения основываются на сложных и противоречивых процессах, которые уходят корнями в XIX в. Всю долгую историю межгосударственные отношения стран в первую очередь складывались по вопросам границ и экспансионистской политики США. Ещё до обретения США независимости латиноамериканское пространство представляло для них интерес с точки зрения экономики, а также природных и человеческих ресурсов.

Территориальная агрессия США в отношении Мексики привела к увеличению их территории, которые в настоящее время имеют штаты Техас, Флорида, Колорадо и Калифорния. В дальнейшем экспансия американского истеблишмента в Латинской Америке и Карибском бассейне нашла отражение в концептуальных документах США по внешней и внутренней политике¹.

Безопасность в Латиноамериканском регионе во многом определяется несколькими проблемами: миграцией, уровнем преступности и экономикой. Это же было ключевым и для американо-мексиканских отношений в целом².

ТОЛОЧЕНКО Софья Вадимовна – аспирант Московского государственного лингвистического университета, ассистент кафедры международных отношений и геополитики транспорта РУТ (МИИТ); SPIN-код: 4582-4009, E-mail: tolochenko.sofiya@yandex.ru

Ключевые слова: Мексика, Соединённые Штаты, безопасность, миграция, наркотрафик.

¹ Миньяр-Белоручев К.В. Экспансия США и формирование американо-мексиканской границы. 1821–1854 гг. // Научные ведомости БелГУ. Серия. История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. №15(158). Вып. 27. С. 68–70.

² Каширина Т.В. Американское направление во внешней политике Мексики // Обозреватель–Observer. 2021. №11(382). С. 72.

Миграционный фактор представляет собой один из самых противоречивых и сложных аспектов в американо-мексиканских отношениях ещё с 60-х годов XX в., что связано с увеличившимся потоком мексиканских мигрантов в США.

На сегодняшний день около 11 млн из них находятся на территории страны нелегально, в основном это представители Мексики и центральноамериканских стран³. Рост численности мигрантов объясняется противоречивой политикой самих Соединённых Штатов и неудачными попытками проведения миграционной реформы. Увеличение численности нелегальных мигрантов следует объяснять с точки зрения «неурегулирования проблемы с социальным обеспечением и налогообложением, неформальных и неурегулированных отношений с работодателями, отсутствия легального статуса»⁴.

Миграционный аспект неразрывно связан с экономической составляющей. США – одна из самых богатых стран мира, а Мексика – развивающаяся экономика с высоким уровнем бедности. Экономическая нестабильность приводит к увеличению миграционных потоков миллионов мексиканцев. А это, в свою очередь, ведёт к росту теневой экономики. Именно в таких условиях процветают нелегальные рынки труда, контрабанда и наркоторговля.

Торговые соглашения Мексики и США укрепили экономические связи, но Мексика остаётся поставщиком дешёвой рабочей силы и товаров.

Также безопасность государств во многом подвергается угрозам со стороны наркобизнеса: США – крупнейший рынок сбыта наркотиков (кокаин, героин, фентанил). Так, мексиканские картели по типу Синалоа, Халиско и др. зарабатывают десятки миллиардов долларов в год, коррумпируя власти и способствуя росту насилия.

Безопасность при Б. Обаме (2009–2017 гг.)

Администрация Б. Обамы в период его первого президентства столкнулась с непростой миграционной обстановкой в стране. Неудачные попытки проведения миграционной реформы и увеличение численности мигрантов привели к росту противоречий в обществе, а также к политизированности в во-

просе миграции. Стоит отметить, что в первые годы пребывания у власти Б. Обама проводил достаточно жёсткую репрессивную политику.

Например, к 2012 г. количество депортированных мигрантов составило более 400 тыс.⁵, но уже во время его второго срока количество депортаций сократилось и составило

³ Quiénes son los migrantes indocumentados en Estados Unidos: de qué trabajan y dónde viven // LA NACION. 03.02.2025 // URL: <https://www.lanacion.com.ar/estados-unidos/migraciones/quienes-son-los-migrantes-indocumentados-en-estados-unidos-de-que-trabajan-y-donde-viven-nido9032025/>

⁴ Кудеярова Н.Ю. Проблема нелегальной латиноамериканской миграции в США: пространство непримиримого противостояния // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. Серия 6. Политология, международные отношения. 2015. № 3. С. 128.

⁵ Immigration Policies Under Barack Obama // Boundless. 03.02.2025 // URL: <https://www.boundless.com/blog/obama/>

примерно 235 тыс.⁶ Такое сокращение было вызвано пересмотром миграционной политики и осознанием, что радикальные действия лишь усугубляли ситуацию в политизированном американском обществе. Репрессивные методы лишали действующие американские власти значительного числа голосов в электоральной борьбе.

Как итог, достичь кардинальных изменений в законодательстве в области миграционных реформ Б. Обама не удалось. В какой-то степени это объяснялось противоречиями между президентом и конгрессом.

Что касается борьбы с преступностью, то стоит отметить, что для США этот вопрос был одним из основополагающих во внешнеполитической повестке, а после событий 11 сентября 2001 г. и вовсе стал основным не только внутренней политики, но и внешней.

В 2006 г. мексиканским президентом стал Ф. Кальдерон, занимавший эту должность до 2012 г. Однако если во время президентства Дж. Буша-мл. были предприняты активные меры по борьбе с преступностью, в том числе «Инициатива Мериды»*, которая была направлена на «предоставление оборудования, запрашиваемого мексиканским правительством, включая воздушные средства для мексиканской армии и федеральной полиции»⁷, то при Б. Обаме Мексика уже не представляла особого

интереса во внешнеполитическом дискурсе, но ожидалось, что приход к власти демократа сможет изменить и подход к мексиканской стороне, особенно в рамках «мягкой силы»⁸, заявленной как основополагающий инструмент внешней политики американской администрации.

Американская сторона была обеспокоена большим количеством ввозимых наркотиков, большая часть которых была непосредственно мексиканской. В данном случае администрация США унаследовала прежнюю форму ведения дел по вопросу наркоторговли. Ещё будучи сенатором, Б. Обама поддержал принятие так называемого *The Secure Fence Act*⁹, согласно которому предполагалось строительство забора, а также принятие других мер для обеспечения безопасности на американо-мексиканской границе.

Угроза со стороны негосударственных акторов была подчеркнута Б. Обамой и в Стратегии национальной безопасности страны, где было сказано, что «борьба с транснациональными преступными и торговыми сетями требует многомерной стратегии, которая защищает граждан, разрушает финансовую мощь преступных и террористических сетей, разрушает сети незаконного оборота, побеждает транснациональные преступные организации, ведёт борьбу с коррупцией, укреп-

⁶ Immigration Policies Under Barack Obama.

⁷ Cinco puntos clave para entender la Iniciativa Mérida // Embajada y consulados de Estados Unidos en México. 15.03.2025 // URL: <https://mx.usembassy.gov/es/cinco-puntos-clave-para-entender-la-iniciativa-merida/>

⁸ Velázquez F.R. La política exterior de Estados Unidos hacia México bajo la administración de Barack Obama: cambios y continuidades // Norteamérica. 2011. Vol. 6. P. 86.

⁹ "Secure Fence Act of 2006": Public Law 109–367 // Authenticated U.S. Government Information. Vol. 42. 2006. P. 2 // URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-109publ367/pdf/PLAW-109publ367.pdf>

* «Инициатива Мериды» («План Мексика») – соглашение о сотрудничестве в области безопасности между США, Мексикой и странами Центральной Америки.

ляет верховенство закона, а также подразумевает укрепление судебной системы и повышение уровня прозрачности... Соединённые Штаты смогут разработать и реализовать коллективную стратегию вместе с другими странами, столкнувшимися с теми же угрозами»¹⁰.

В целом американская администрация активно сотрудничала с мексиканской стороной в борьбе с нарко-traфиком: увеличилась финансовая помощь в рамках контрнаркотических мер и материальная поддержка «Инициативы Мерида». Кроме того, активно происходил обмен разведданными, что позитивно расценивалось обеими сторонами. Однако сохранялись и определённые противоречия, которые препятствовали развитию отношений между государствами.

Соединёнными Штатами так и не был принят закон об ужесточении контроля над огнестрельным оружием, что не могло не повлечь за собой негативную реакцию со стороны Мексики, в целом в вопросе решения проблем преступности и оборота наркотиков контакты стали более тесными.

Экономическое сотрудничество также может быть рассмотрено с точки зрения обеспечения безопасности.

Став президентом, Б. Обама выступил с инициативой пересмотреть положения НАФТА*.

Соглашение НАФТА было подписано в 1992 г. США, Мексикой и Канадой для снижения торговых барьеров в регионе.

С 1994 по 2010 г. был увеличен экспорт из США в Мексику в три раза, а экспорт из Мексики в США вырос в четыре раза¹¹.

Сначала Б. Обама задался целью изменить действующее соглашение, хотя был противником свободной торговли, но позднее решение было изменено в пользу НАФТА, что не повлекло за собой значительных преобразований, а, наоборот, привело к заключению, что протекционистская политика нанесёт ущерб не только другим странам – членам соглашения, но и непосредственно США. Благодаря Соглашению НАФТА товарооборот между двумя государствами значительно увеличился, положительно повлияв на экономическое взаимодействие.

Безопасность в американо-мексиканских отношениях при президенте Д. Трампе (2017–2021 гг.)

Придя к власти, Д. Трамп выразил «пренебрежительное отношение к международному праву»¹², изъ-

явив намерение выйти из Транстихоокеанского партнёрства (что ему и удалось сделать), Парижского со-

¹⁰ “National Security Strategy”: Official Document № 235507 // National Archives. 2010. P. 1-60 // URL: <https://millercenter.org/president/trump/campaigns-and-elections>

¹¹ Velázquez F.R. La política exterior de Estados Unidos hacia México bajo la administración de Barack Obama: cambios y continuidades.

¹² Сударев В.П. Латиноамериканская политика США при Дж. Байдене. Произошла ли перезагрузка? // Свободная мысль. 2022. № 3(1693). С. 103.

* Североамериканское соглашение о свободной торговле.

глашения и ряда других организаций. Очевидно, что это стало предвестником радикального настроя к Мексике.

Важно отметить, что самым ярким информационным поводом в политической повестке Д. Трампа стал миграционный кризис. Одной из первостепенных задач стала реализация миграционной политики против мексиканских мигрантов: был подписан ряд соглашений, в том числе указы об охране границ и иммиграции, которые подразумевали возведение стены на границе с Мексикой и «усиление борьбы с нелегальной миграцией»¹³. Такая яркая риторика против мексиканских мигрантов прослеживалась не только в словах, но и в делах. За четыре года своего первого президентства Д. Трамп посетил приграничье с Мексикой семь раз. Политические действия администрации Д. Трампа в отношении американо-мексиканской границы можно расценивать как негативные.

Кроме того, Д. Трамп стремился реализовать так называемую политику нулевой терпимости, предполагавшей, что все взрослые, незаконно пересекавшие границу США, подвергались уголовному преследованию, а их детей передавали в ведение Минздрава и социальных служб, размещая в специализированных центрах¹⁴.

Эта мера вызвала широкий общественный резонанс, так как более 5,5 тыс. детей были разлучены с родителями.

Что касается экономических отношений, то позиция американского истеблишмента носила протекционистский характер, что не могло не отразиться на отношениях между двумя государствами.

Также следует отметить, что Д. Трамп инициировал пересмотр НАФТА, что привело к созданию нового соглашения — *USMCA* (Соглашение США, Мексики и Канады). Хотя новое соглашение стремилось улучшить условия торговли, неопределённость на переговорах создала экономическую нестабильность в обеих странах.

Так, из 10 указов, которые были подписаны Д. Трампом в период с 2017 по 2020 г., лишь четыре были направлены на рассмотрение и реализацию.

В апреле 2017 г. был принят указ, в котором указывались полномочия федеральных агентств по закупкам и найму американцев. Такие соглашения так или иначе оказали влияние на цепочки поставок в США и отношения с мексиканской и канадской сторонами.

Таким образом, отношения США и Мексики в период президентства Д. Трампа усложнились и приобрели не просто противоречивый, а скорее негативный характер, что отразилось на их безопасности. Жёсткая миграционная политика, введение торговых пошлин, экономический кризис (вызванный в том числе пандемией) и рецессия – всё это послужило основой для разразившегося глубочайшего гуманитарного кризиса.

¹³ Дональд Трамп подписал указы об охране границ и иммиграции // РБК. 02.03.2025 // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5888ec979a79473e9b1e85c8>

¹⁴ Минюст США отменил «нулевую терпимость» Трампа в отношении мигрантов // Интерфакс. 02.03.2025 // URL: <https://www.interfax.ru/world/748013>

Новый «старый» подход Дж. Байдена в обеспечении безопасности в регионе (2021–2024 гг.)

С приходом Дж. Байдена в Белый дом на повестке дня встал вопрос о так называемом наследии предыдущей администрации, и прежде всего речь шла о миграционном аспекте и угрозе со стороны нелегальных мигрантов. Во время предвыборной кампании команда Дж. Байдена заверяла, что иммиграционная политика США станет прогрессивной.

Согласно анализу Института миграционной политики, за первые три года своего правления Дж. Байден осуществил 535 исполнительных действий в сфере иммиграции, в то время как Трамп за четыре года своего президентства принял 472¹⁵.

Такая политика привела к увеличению потока новых иммигрантов и восстановлению легальной иммиграции, а также к развитию различных программ переселения. Но эти меры привели к колоссальному росту нелегальной иммиграции. При этом администрация США столкнулась с юридическими препятствиями и резким расколом в конгрессе, который сорвал планы Дж. Байдена по реформированию иммиграционной системы.

К концу своего президентского срока Дж. Байден попытался решить миграционную проблему за счёт проведения более жёсткой и одновременно противоречивой пограничной политики. Реагируя на эти миграционные проблемы, Байден иногда использовал идеи ограничительной пограничной политики пре-

зидента Д. Трампа, против которой он в своё время выступал.

Исполнительные меры администрации Дж. Байдена должны были привести к некоторым изменениям, но они не были приняты в качестве закона. Более того, существующие судебные запреты и постоянная угроза судебных разбирательств ещё больше ограничивали возможности правительства в принятии дальнейших исполнительных мер и изменений в иммиграционной политике США.

Можно сказать, что иммиграция стала политически слабым местом президента и его партии в год выборов, поскольку число нарушений границы достигло рекордного уровня, а некоторые города, расположенные вдали от границы, пострадали от увеличения числа прибывающих. В результате президент Дж. Байден столкнулся с разочарованием со стороны избирателей, что вынудило его принять жёсткое законодательство по иммиграционной реформе и проводить противоречивую пограничную политику, которую он отверг бы в 2020 г.

Вместе с нелегальной миграцией выросла и преступность, в частности, наркотрафика. Немаловажное значение в данной тенденции сыграли и мексиканские наркокартели; они являются основными поставщиками кокаина, героина, метамfetамина и других запрещённых веществ в США. Картели

¹⁵ Chishti M., Bush-Joseph K., Putzel-Kavanaugh C. Biden at the Three-Year Mark: The Most Active Immigration Presidency Yet Is Mired in Border Crisis Narrative // Migration Policy Institute. 19.01.2024 // URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/biden-three-immigration-record>

вместе с наркоторговцами стали оплотом коррупции и насилия в

Мексике, способствуя десяткам тысяч убийств в государстве¹⁶.

Новый срок Трампа: новые вызовы или новые возможности?

Почти одновременная смена глав как в Мексике, так и в США подразумевала новые тенденции в двусторонних отношениях между двумя соседними государствами. Уже на предвыборном этапе своей выборной кампании Д. Трамп отличался резкой риторикой в адрес основных «болезненных точек» американо-мексиканских отношений.

Прежде всего стоит отметить, что избирательная кампания Д. Трампа в 2024 г. отличилась резкой критикой в адрес Дж. Байдена, что отмечалось как СМИ, так и научным сообществом¹⁷. Как и в кампании 2016 г., основными темами, на которых акцентировал внимание Д. Трамп и его команда, были резкое ограничение иммиграции (что особенно важно в контексте американо-мексиканских отношений), изоляционистская внешнеполитическая программа под лозунгом «Америка прежде всего» и враждебный и неоднозначный настрой во внешней торговле.

Если в 2016 г. центральным пунктом позиции Трампа в отношении иммиграции было обещание построить пограничную стену с Мексикой, то в 2024 г. он сосредоточился на

обещании провести массовую депортацию нелегальных мигрантов.

Так, 20 января 2025 г. главой государства было объявлено о чрезвычайном положении на границе с Мексикой. В обращении к конгрессу он заявил: «Мы начинаем процесс возвращения миллионов и миллионов преступников туда, откуда они пришли»¹⁸.

Одновременно губернатор Флориды Р. Десантис также объявил о соответствующих мерах: им был подписан пакет законопроектов, которые ужесточили наказание для нелегальных иммигрантов.

Ухудшение отношений не закончилось вопросом о нелегальной миграции. Одновременно с этим США объявили наркокартели террористическими организациями, а исторически Мексиканский залив переименовали в залив Америки¹⁹.

Ухудшились и в экономической сфере, и в целом сотрудничество между Мексикой и Соединёнными Штатами. Для Мексики администрация Д. Трампа объявила о введении 25%-ных пошлин в отношении мексиканских товаров. Несмотря на столь резкий шаг американской ад-

¹⁶ Mexico's Long War: Drugs, Crime, and the Cartels // Council of Foreign Relations. 15.03.2025 // URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/mexicos-long-war-drugs-crime-and-cartels>

¹⁷ Donald Trump: Campaigns and Elections // UVA: Miller Center. 15.03.2025 // URL: <https://millercenter.org/president/trump/campaigns-and-elections>

¹⁸ Трамп объявил чрезвычайное положение на границе с Мексикой // Реальное время. 19.03.2025 // URL: <https://m.realnoevremya.ru/news/326682-tramp-obyavil-chrezvychaynoe-polozhenie-na-granice-s-meksikoy>

¹⁹ Florida quiere ejecutar a todos los inmigrantes irregulares que cometan ciertos delitos // Actualidad de RT. 19.03.2025 // URL: <https://actualidad.rt.com/actualidad/540204-florida-ejecutar-inmigrantes-irregulares>

министрации в отношении ключевого союзника, президент Мексики К. Шейнбаум попыталась вести разумную политику с новой американской администрацией. Практически сразу же обеими сторонами были проведены телефонные переговоры, согласно которым:

- Мексика должна была усилить охрану северной границы с помощью 10 тыс. бойцов Национальной гвардии для борьбы с контрабандой;

- США обязались работать над предотвращением незаконных поставок оружия на территорию Мексики;

- представители Мексики и США должны будут сформировать команды для работы по двум принципиально важным направлениям – торговле и безопасности²⁰.

Кроме того, сенат Мексики одобрил въезд в страну 10 военнослужащим США для обучения и перепод-

готовки личного состава ВМС Мексики для улучшения тактических и оперативных возможностей военнослужащих. Обучение – часть стратегии «Укрепление потенциала сил специальных операций Министерства военно-морского флота» (SEMAR), объявленной президентом страны К. Шейнбаум и представленной в качестве сотрудничества между вооружёнными силами для укрепления национальной безопасности.

Таким образом, основные линии безопасности администрации Трампа в его второй срок определяются тремя основными направлениями: борьбой с нелегальной иммиграцией и высылкой иммигрантов из США, т. е. обеспечение безопасности на границе, ликвидацией преступности и высокого уровня наркотрафика, а также торговыми мерами против Мексики – ключевого партнёра в рамках *USMCA/T-MEC*²¹.

В период президентства Б. Обамы основной акцент в области безопасности в большей степени делался на развитие торговли и её увеличении. В рамках миграционного вопроса кардинальных изменений достичь не удалось.

Приход к власти Д. Трампа стал новой вехой в отношениях с Мексикой, так как строительство мексиканской стены спровоцировало ухудшение отношений двух государств.

Если говорить о политической повестке Дж. Байдена, то, несомненно, администрация предприняла более активные шаги в миграционной политике, что в свою очередь привело к возникновению новых угроз – увеличению роста нелегальной миграции и росту оборота наркотиков. Повторное вступление в должность республиканца Д. Трампа, с одной стороны, предтечей стабилизации ситуации в рамках миграционного вопроса, а с другой – вызвало множество дискуссий в области торговли и введения высоких пошлин для Мексики.

²⁰ ¿Qué se acordó en la llamada entre Sheinbaum y Trump para frenar los aranceles a México? // El Economista. 01.04.2025 // URL: <https://www.eleconomista.com.mx/politica/acordo-llamada-sheinbaum-trump-frenar-aranceles-mexico-20250306-749346.html>

²¹ Inicia T-MEC: cinco claves para entender las diferencias con TLCAN // Infobae. 04.04.2025 // URL: <https://www.infobae.com/america/mexico/2020/07/01/inicia-t-mec-cinco-claves-para-entender-las-diferencias-con-tlcan/>

Американо-мексиканские отношения на пороге третьего десятилетия XXI в. представляют симбиоз как экономического и политического партнёрства, так и множества противоречий.

С экономической точки зрения новая администрация Д. Трампа начала эскалацию в рамках USMCA с введения торговых пошлин, что крайне негативно сказалось на экономическом и политическом сотрудничестве двух государств. Стоит отметить и давление на Мексику со стороны США, касающееся миграционного вопроса: это и угрозы закрыть границу, и возобновление политики «нулевой терпимости», а также незамедлительная высылка нелегальных мигрантов.

Отношения Соединённых Штатов и Мексики всё больше обретают напряжённый характер с акцентом на давление с американской стороны. Но и Мексика стремится дать решительный отпор и вести независимую суверенную политику, пытаясь прийти к компромиссу в экономической, политической, энергетической сферах и в вопросах политики.

Библиография • References

- Каширина Т.В. Американское направление во внешней политике Мексики // Обозреватель–Observer. 2021. №11(382). С. 72–81.
- Кудеярова Н.Ю. Проблема нелегальной латиноамериканской миграции в США: пространство непримиримого противостояния // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. Серия 6. Политология, международные отношения. 2015. №3. С. 127–135.
- Миньяр-Белоручев К.В. Экспансия США и формирование американо-мексиканской границы. 1821–1854 гг. // Научные ведомости БелГУ. Серия. История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. №15(158). Вып. 27. С. 65–73.
- Сударев В.П. Латиноамериканская политика США при Дж. Байдене. Произошли ли перезагрузка? // Свободная мысль. 2022. № 3(1693). С. 103–114.
- “National Security Strategy”: Official Document № 235507 // National Archives. 2010. P. 1–60 // URL: <https://millercenter.org/president/trump/campaigns-and-elections>
- Velázquez F.R. La política exterior de Estados Unidos hacia México bajo la administración de Barack Obama: cambios y continuidades // Norteamérica. 2011. Vol. 6. P. 85–113.

Статья поступила в редакцию 17 июля 2025 г.

Статья принята к печати 13 августа 2025 г.

Международные связи регионов России – сфера управления

Общие тенденции (2022–2024 гг.)*

Вера ТАБАК

Констатация перемен, связанных с пересмотром системы и правил международных отношений, стала общим местом среди политологов-международников. В ежегодном докладе клуба «Валдай» (2023 г.) анализируется идея мира без иерархии¹. Впервые в официальном российском дискурсе данная идея была озвучена президентом России В.В. Путиным на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности в 2007 г.² Возникает вопрос: будет ли логика крушения иерархического мира и складывания новой многополярности на уровне макрорегионов, государств и регионов экстраполирована на субгосударственный уровень? В отсутствие однозначного ответа представляется важным и существенным проведение превентивного анализа и аудита тенденций в развитии международных связей как сферы государственного управления, что позволит в дальнейшем реагировать и принимать более эффективные решения в ситуации неопределённости.

ТАБАК Вера Николаевна – преподаватель кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. *SPIN-код*: 3666-4471, *E-mail*: vntabak@fa.ru

Ключевые слова: регионы России, субгосударственные образования, международные связи, государственное управление.

¹ Аттестат зрелости, или Порядок, какого ещё не было. Фантазия о будущем без иерархии. М.: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2023. – 32 с.

² Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности // Президент России // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>

* Статья подготовлена в рамках исследования «Международные связи регионов России и субгосударственных образований зарубежных стран: сравнительный анализ с участием студентов Финансового университета при Правительстве РФ» (ВТСК № 190). В исследовании приняли участие студенты: Н.Ю. Веprinцева, К.С. Гонопольская, Э.Р. Исакова, В.С. Каленицкая, М.А. Каминский, В.Е. Козичева, Г.Е. Люхонин, А.Е. Михалина, Е.А. Семина, Е.В. Фараонова, В.Д. Цыман, А.В. Шевченко.

Движение в сторону большей координации

Несмотря на то что российский федерализм имеет более чем 100-летнюю историю, его российская модель находится в постоянной динамике, где, с одной стороны, стремление центральной власти обеспечить эффективное политическое управление, а с другой – создать для российских регионов условия для реального активного международного участия, в том числе и для преодоления санкций, введённых против России в связи с её внешней политикой (кейсы 2014 г. и 2022 г. и далее).

Правовые и иные институциональные изменения, произошедшие в рассмотренный период (2022–2024 гг.), демонстрируют стремление к более эффективному администрированию.

Так, в 2023 г. была принята новая Концепция внешней политики, учитывающая прежде всего нацио-

нальные интересы Российской Федерации во внешнеполитической сфере³: подписан закон, направленный на правовое регулирование деятельности органов местного самоуправления при осуществлении международных и внешнеэкономических связей⁴; формируется более тесный тип внутриорганизационных связей за счёт закрепления с августа 2023 г. Министерства экономического развития как органа координации внешнеэкономических связей субъектов Федерации⁵ и муниципалитетов⁶.

Ранее координация осуществлялась на основе постановления правительства России⁷.

Таким образом, усложнение структуры управления во многом связано с осложнением внешнеполитических условий, в которых вынуждены работать регионы.

Отсутствие нормативной базы для международных и внешнеэкономических связей регионов

Актуальная Концепция внешней политики России 2023 г. отражает стратегические цели и задачи

внешней политики страны; законодательством определена цель международных и внешнеэкономиче-

³ Концепция внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 г. // Официальный сайт МИД России. 2023 // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/

⁴ Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” и статью 44 Федерального закона “Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации”» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49702>

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 25 августа 2023 г. № 642 «Об усилении координации внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49783>

⁶ Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 420-ФЗ.

⁷ Постановление Правительства Российской Федерации от 27 февраля 2018 г. № 199 «О внесении изменений в Положение о Министерстве экономического развития Российской Федерации» // URL: <http://government.ru/docs/all/115537/>

ских связей муниципалитетов – решение вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения⁸ (что, разумеется, не связано ни с внешней политикой, ни с международными связями субъектов). При этом отсутствует единый нормативный акт, который определял бы цели регионов. Прямая апелляция к Концепции внешней политики в данном случае не вполне уместна, поскольку *регионы не уполномочены осуществлять внешнюю политику*. Учитывая тот факт, что согласованное функционирование и взаимодействие органов публичной власти на федеральном, региональном, муниципальном уровнях определено как один из важнейших принципов организации публичной власти в субъектах Федерации⁹, а также руководствуясь логикой согласованного взаимодействия участников стратегического планирования в рамках целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования, к чему призывает соответствующий федеральный закон¹⁰, российские законодатели могли бы выступить с инициативой о заполнении лакуны на «мезо-уровне» российской системы управления внешней политикой (если понимать её в широком смысле, а

не только как деятельность Министерства иностранных дел).

Следует отметить, что в 2022 г. министр иностранных дел С.В. Лавров, выступая перед главами субъектов Федерации, напомнил, что межрегиональное сотрудничество должно быть ориентировано на содействие обеспечению устойчивого развития субъектов Российской Федерации, поддержку проектов, способствующих упрочению технологического суверенитета страны, развитию параллельного импорта и импортозамещения, сохранению предприятий, созданных при участии зарубежных инвесторов, а также наращиванию выпуска продукции, необходимой для нужд специальной военной операции, а конечная цель общих усилий должна состоять в повышении практической отдачи от международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации в интересах обеспечения их социально-экономического развития, повышения уровня и качества жизни граждан¹¹.

Таким образом, происходит некоторая компенсация отсутствия правовой нормы идеями, озвучиваемыми на политическом и организационно-административном уровнях.

⁸ Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Часть 1 статьи 82 // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/e081f9868a97bec3077b40a1e1e2298708fb9co/

⁹ Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47393>

¹⁰ Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630>

¹¹ Выступление министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на XXXIX заседании Совета глав субъектов Российской Федерации при МИД России (Москва, 18 ноября 2022 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации // URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1839336/

О критериях оценки эффективности деятельности регионов на международной арене

К настоящему времени в России не выработана открытая и признаваемая экспертным сообществом система показателей эффективности международных контактов российских регионов.

В соответствии с подп. 5.3.96. Постановления Правительства Российской Федерации от 27 февраля 2018 г. № 199 «разработку, реализацию и оценку эффективности международных программ приграничного сотрудничества и проектов международных программ приграничного сотрудничества» осуществляет Министерство экономического развития РФ¹². Однако в публичном доступе значимых публикаций системных отчётов по данной тематике нет. В результате появляются различные рейтинги¹³, рэнкинги¹⁴ и индексы¹⁵, порой без открытой для исследователей и пользователей информации по методологии, а часто при этом и с узким набором рассматриваемых критериев, что является во многом вынужденной мерой.

Очевидно, что российские регионы отличаются между собой по уровню самообеспеченности сырьевыми, товарными, финансовыми и трудовыми ресурсами, наличию экспортных ресурсов; удалённости от экономических центров; природно-климатическим условиям для хозяйственно-экономической деятельности; участием в межрегиональной кооперации и специализации; уровню и качеству жизни населения¹⁶.

Все эти факторы, называемые внутрирегиональными¹⁷, так или иначе отражаются на динамике международных контактов. Регионы-доноры традиционно имели наиболее высокие показатели поступлений иностранных инвестиций: Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Краснодарский край и др.¹⁸

Однако оценить географию стран, инвестирующих в регионы России, а также интенсивность экономических контактов сегодня не представляется возможным – дан-

¹² Постановление Правительства РФ от 27 февраля 2018 г. № 199 «О внесении изменений в Положение о Министерстве экономического развития Российской Федерации» // URL: <http://government.ru/docs/all/115537/>

¹³ Рейтинг публичной дипломатии регионов РФ // PICREADI, АНО Центр «Креативная дипломатия» // URL: <http://picreadi.tilda.ws/home>

¹⁴ Пилотный рэнкинг университетов стран БРИКС, 2024 г. // MosIUR «The Three University Missions» // URL: https://mosiur.org/ranking_brics_2024/

¹⁵ Индекс плотности международных контактов глав российских регионов // Коммуникационный холдинг «Минченко Консалтинг» // URL: https://minchenko.ru/netcat_files/userfiles/Itoگویi_mezhd.index.pdf

¹⁶ Ивашкова Т.К., Морозова Н.В. Типология регионов Российской Федерации // Интернет-журнал Науковедение. 2014. № 6(25) // URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/87EVN614.pdf>

¹⁷ Логвинова И.В. Проблема классификации факторов, влияющих на международные связи субъектов Российской Федерации и регионов зарубежных государств // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 3. С. 252.

¹⁸ Там же. С. 253.

ные о прямых иностранных инвестициях с 2021 г. не публикуются. Кроме того, и до этого года, когда был введён запрет на публикацию данных (равно как и в отношении данных об экспорте/импорте), по мнению экспертов, до 70% инвестиций поступало через офшоры¹⁹. В условиях отсутствия статистических данных о международных и внешнеэкономических связях российских регионов оказывается затруднительным оценить эффективность международного сотрудничества.

С учётом того, что рядом структур предложено создать рейтинговые агентства для разных целей (например, ранжирования университетов стран БРИКС²⁰ или содействия инвестиционным процессам внутри объединения²¹), то представляется перспективной идея формулирования единых критериев эффективных международных контактов. Это может стать задачей для научного диалога между экспертами-международниками из стран БРИКС+ и национальных рейтинговых агентств.

Информационный обмен по вопросам международного взаимодействия субъектов Федерации

В России большое внимание уделяется поддержке НКО и других структур гражданского общества, создаются сайты, аккумулирующие лучшие практики социально ориентированных некоммерческих организаций, волонёрской деятельности, межнациональных отношений, однако отсутствует платформа, которая освещала бы лучшее в деятельности парадипломатических институтов.

Следует отметить, что, по расчётам АНО Креативной дипломатии, только с участием НКО реализуются

десятки самых разных форматов международной активности²².

Очевидно, что российские регионы могли бы более активно делиться своим опытом, полезным для общегосударственного уровня.

Был бы полезен опыт таких субъектов страны, которые ассоциируются в общественном сознании с успешной международной деятельностью: Республика Татарстан, Санкт-Петербург, Республика Саха (Якутия), Республика Башкортостан, Смоленская область, Республика Бурятия, Ленинградская область, Приморский край, Свердловская область, Нижегородская область²³, а также Республика

¹⁹ Чугунов А. Плюс-минус прямые иностранные инвестиции // Коммерсантъ. 2023. № 127/П. 17 июля.

²⁰ Россия создаст рейтинг вузов стран БРИКС и платформу для объединения НКО // Московская газета // URL: <https://mskgazeta.ru/obshchestvo/rossiya-sozdast-rejting-vuzov-stran-briks-i-plattformu-dlya-ob-edineniya-nko-12747.html>

²¹ Страны БРИКС обсуждают создание рейтингового агентства // ТАСС // URL: <https://tass.ru/ekonomika/22103211>

²² Бурлинова Н.В., Табак В.Н., Божко Д.Е. Практики публичной дипломатии регионов России 2017–2021 гг. Доклад № 86. М.: НП РСМД, 2022. С. 62.

²³ Индекс плотности международных контактов глав российских регионов // Коммуникационный холдинг «Минченко Консалтинг» // URL: https://minchenko.ru/netcat_files/userfiles/Itoگویi_mezhd.index.pdf

Крым, Волгоградская область, Оренбургская область, Челябинская область, Алтайский край, Омская область, Ханты-Мансийский автономный округ, набравшие высокие позиции в рейтинге регионов России в системе публичной дипломатии страны в 2022 г.²⁴

Качественное развитие международных связей даёт персональные

репутационные баллы главам регионов, хотя и не является «страховкой» от потери позиции²⁵, ²⁶. Более активный информационный обмен между регионами в контексте международной деятельности позволил бы своевременно наполнять «копилку» губернаторских решений новыми идеями и практиками.

Дипломатические кадры для регионов

По-прежнему стоит вопрос о подготовке дипломатических кадров для регионов страны. В связи с решением 2023 г. о регламентации международных связей муниципалитетов потребность в них возрастёт в разы. В настоящее время в некоторых муниципалитетах отсутствует разграничение полномочий и структур на внутренние и внешние. Таким образом, появляется ещё одна проблема – необходимость создания структурных подразделений, которые могли бы реализовывать международные проекты, а их сотрудники при этом обладали бы конкретными знаниями о потребностях и возможностях конкретного муниципального образования.

Это совершенно новая образовательная и управленческая задача, которая могла бы быть решена на основе совместных образовательных проектов региональных и федеральных университетов в формате для-

тельных (от одного года и дольше) программ повышения квалификации без отрыва сотрудников от трудовой деятельности. Один из ключевых пробелов здесь также – знание иностранных языков, который нельзя решить быстрыми курсами переподготовки.

Отметим несколько поспешный характер некоторых управленческих решений, а именно: составлять списки соглашений и отчитываться перед региональными властями муниципалитеты обязали уже с января 2024 г. (норма введена в августе 2023 г.), а соответствующая кадровая и управленческая инфраструктура ещё не была создана.

В июле 2024 г. Государственная дума России приняла закон, который наделил Всероссийскую ассоциацию развития местного самоуправления полномочиями представлять интересы муниципальных образований страны как в рамках единой системы публичной власти

²⁴ Бурлинова Н.В., Табак В.Н. Рейтинг регионов России в системе публичной дипломатии РФ: итоги 2022 г. // РСМД // URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/reyting-regionov-rossii-v-sisteme-publichnoy-diplomatii-rf-itogi-2022-goda/?sphrase_id=181885395

²⁵ Клуб женщин-региональных лидеров может получить статус фонда при ООН // РИА Новости // URL: <https://ria.ru/20211015/yugra-1754719556.html>

²⁶ Единственная женщина во главе российского региона покинула свой пост // BFM.RU // URL: <https://www.bfm.ru/news/551248>

России, так и на международном уровне²⁷. Однако это вовсе не исключает всего вышесказанного и не

снимает с муниципалитетов прямой ответственности за работу на международном треке.

НКО в системе международных контактов российских регионов

Ряд экспертов полагают, что без участия некоммерческих организаций реализация цели по формированию атмосферы, способствующей проведению российской внешней политики, весьма затруднена и в этой связи традиционной отсылкой является успешный опыт западных стран.

Однако учитывая этатистский характер российской государственности, чуждость нам западных практик социальной коммуникации, существует мнение, что в России так и не сформировалась система публичной дипломатии²⁸. Основное отличие российской модели публичной дипломатии от модели западной заключается в многолетнем фокусе внимания на гуманитарные проекты, а не конкретный политический результат («цветные революции», госперевороты и т. п.).

В этой связи заслуживает внимания позиция российского внешнеполитического ведомства.

Так, по словам С.В. Лаврова, МИД рассчитывает, что «гражданское общество, экспертное сообщество будут развивать отношения с зарубежными странами <...> со странами мирового большинства в лице их общественных организаций», однако нет необходимости при этом «отказываться от контактов с неправительственными организациями недружественных государств»²⁹.

Вместе с тем отсутствие критериев оценки эффективности международных контактов на общегосударственном и региональном уровнях создает эффект «гаданий на кофейной гуще»: сработает в российском контексте та или иная модель международной деятельности с разной степенью участия НКО или нет?

С уверенностью можно утверждать, что в российских регионах сложился разный формат взаимодействия с НКО и институционализации данной сферы³⁰.

²⁷ Федеральный закон от 13 июля 2024 г. № 181-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50835>

²⁸ Российские НПО-международники в системе публичной дипломатии России: типология, проблемы взаимодействия с государством и внешний образ в условиях санкций. Доклад № 81. 2022 г. / Н.В. Бурлинова; под ред. Е.О. Карпинской, Е.С. Швецово, И.А. Цымбал. М.: НП РСМД, 2022. С. 10.

²⁹ Выступление министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на встрече с руководителями российских некоммерческих организаций (Москва, 19 июля 2023 г.) // МИД Российской Федерации // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1897750/

³⁰ Бурлинова Н.В., Табак В.Н., Божко Д.Е. Практики публичной дипломатии регионов России 2017–2021 гг. С. 14.

Этнокультурная специфика регионов – фактор, влияющий на их международную активность

На развитие международных контактов российских регионов оказывает и будет оказывать влияние такой фактор, как этнокультурная специфика. Особенно это заметно в национальных республиках, сотрудничество которых с близкими по культурным параметрам странами и их субгосударственными единицами (в силу исторической, языковой схожести, принадлежности к единой этнической макрогруппе) носило и носит традиционный характер.

Таким образом, наличие связей между ХМАО и венгерскими регионами, Татарстаном и регионами

тюркской или исламской групп логично и оправданно.

В регионах с поливариантным этническим составом, в которых нет преобладающего или широко представленного этноса, помимо русского, такое взаимодействие не наблюдается или ведётся на иной основе. Однако немалое количество регионов России не проявляет интереса к международной деятельности, воспринимая эту сферу как область «повышенных энергозатрат», за что эксперты прозвали их дипломатично интровертами. В отношении них стоит задача поиска стимулов и мотивации развития международной деятельности.

Несмотря на то что накоплен значительный эмпирический материал в области международных связей регионов, остаются по-прежнему нерешёнными вопросы, связанные с выработкой качественных и количественных критериев их эффективности. Дальнейшие исследования, связанные с решением проблемы оценки эффективности международных связей регионов, могут способствовать принятию государственных решений для более эффективной реализации российского внешнеполитического курса.

Для этого необходим интерес со стороны тех, кто вовлечён в формирование и реализацию внешнеполитического курса, в том числе в реализацию гуманитарной политики, координацию международной активности российских регионов. Внимание к данной проблеме со стороны федеральных органов власти существенно повысило бы мотивацию научного сообщества на разработки в данной сфере.

Библиография • References

Бурлинова Н.В., Табак В.Н. Рейтинг регионов России в системе публичной дипломатии РФ: итоги 2022 г. // РСМД // URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/reyting-regionov-rossii-v-sisteme-publichnoy-diplomatii-rf-itogi-2022-goda/?sphrase_id=181885395

Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности // Президент России // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>

Выступление министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на XXXIX заседании Совета глав субъектов Российской Федерации при МИД

России (Москва, 18 ноября 2022 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации // URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1839336/

Выступление министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на встрече с руководителями российских некоммерческих организаций (Москва, 19 июля 2023 г.) // МИД Российской Федерации // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1897750/

Концепция внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 г. // Официальный сайт МИД России. 2023 // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/

Логвинова И.В. Проблема классификации факторов, влияющих на международные связи субъектов Российской Федерации и регионов зарубежных государств // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 3. С.

Постановление Правительства Российской Федерации от 27 февраля 2018 г. № 199 «О внесении изменений в Положение о Министерстве экономического развития Российской Федерации» // URL: <http://government.ru/docs/all/115537/>

Постановление Правительства РФ от 27 февраля 2018 г. № 199 «О внесении изменений в Положение о Министерстве экономического развития Российской Федерации» // URL: <http://government.ru/docs/all/115537/>

Указ Президента Российской Федерации от 25 августа 2023 г. № 642 «Об усилении координации внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49783>

Федеральный закон от 13 июля 2024 г. № 181-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50835>

Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Часть 1 статьи 82 // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/e081f9868a97bec3077b40a1e1e2298708fb9co/

Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47393>

Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630>

Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” и статью 44 Федерального закона “Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации”» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49702>

Чугунов А. Плюс-минус прямые иностранные инвестиции // Коммерсантъ. 2023. № 127/II. 17 июля.

Статья поступила в редакцию 4 июля 2025 г.

Статья принята к публикации 13 августа 2025 г.

Запад против России: албанский театр политической войны

Елена ПОНОМАРЕВА
Алексей САМСОНОВ

Очередным после успеха во Франции и Италии этапом развития американской концепции политической войны¹ стали Балканы. Именно здесь практически сразу после окончания Второй мировой войны ЦРУ провело первую комбинированную операцию, которая была нацелена на сдерживание Советского Союза. Его план, составленный совместно с британцами, был нацелен на свержение коммунистического правительства в Албании и предполагал задействование политических и диверсионных инструментов. Выбор был неслучайным: в тот период этот клочок земли был «коммунистическим анклавом» на берегу Адриатического моря, где Советский Союз возводил военно-морскую базу для контроля Адриатического моря и Центрального Средиземноморья. Однако страна была отрезана от Советского Союза и граничила только с Грецией и Югославией, у которых в 1949 г. были враждебные отношения с СССР. Таким образом, албанский «железный занавес», отделённый от «основного купола», был очень уязвим. К тому же успех итальянской политической кампании позволил ЦРУ и МИ6 создать устойчивые плацдармы на незначительном отдалении от «объекта воздействия» – в Италии и на Мальте.

ПОНОМАРЕВА Елена Георгиевна – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России. *SPIN-код*: 9664-7471, *E-mail*: nastya304@mail.ru

САМСОНОВ Алексей Геннадьевич – аспирант Владимирского государственного университета (ВлГУ). *E-mail*: samsonovag@yandex.ru

Ключевые слова: политическая война, диверсии, подрывные операции, Албания, СССР, США.

¹ Пономарева Е.Г., Самсонов А.Г. Политическая война: теория и практика глобального доминирования США // Обозреватель–Observer. 2025. № 1. С. 29-42.

Сценаристы албанской кампании, или о роли личности в истории

Одновременно с завершением Второй мировой войны начала формироваться новая система государственных органов США, отвечавших за выработку и реализацию их внешней политики. Ключевым элементом системы стало Центральное разведывательное управление (ЦРУ), которое выросло из Управления стратегических служб (УСС) Пентагона. В самом начале огромное значение имели личности тех, кому было поручено возглавить создаваемые структуры. Одним из идеологов концепции изменения мира путём проведения секретных операций стал Фрэнк Виснер².

Сын богатого землевладельца с берегов Миссисипи, Ф. Виснер сначала поработал корпоративным адвокатом, а позднее надел военную форму. В сентябре 1944 г. он прибыл в Бухарест в качестве руководителя новой резидентуры УСС. В тот период румынская столица уже находилась под контролем советских войск.

Одной из главных задач Виснера было установление наблюдения за советскими представителями. Параллельно он установил дружеские отношения с королём Михаем I и готовил спасение сбитых пилотов американских ВВС³.

Резиденцию УСС Виснер разместил в 30-комнатном особняке, ранее принадлежавшем одному из бухарестских пивных баронов. Здесь американский разведчик регулярно проводил приёмы для советских офицеров. Он искренне полагал, что ему удалось войти в доверие к русским и установить контакт с советской разведывательной службой. В тот период Вашингтон отчаянно нуждался в достоверной информации о планах Москвы в отношении Западной Европы и американских союзников.

Однако советские бойцы невидимого фронта переиграли американца: в ряды УСС были внедрены подготовленные агенты и довольно быстро выявлены люди Виснера в румынском руководстве, которых в итоге депортировали за пределы Румынии. Будущий директор ЦРУ был глубоко потрясён своим провалом, что оказало сильнейшее влияние на дальнейшую судьбу американской разведки и внешней политики в целом.

Фактически единственным источником информации о Кремле в те дни был специалист по России Джордж Кеннан – временный поверенный в делах США⁴. К нему на помощь в начале 1946 г. был назначен в качестве посла США в СССР будущий директор Центральной разведки генерал Уолтер Бедел Смит, который прошёл своеобразный курс советологии у своего высокопоставленного подчиненного⁵. За

² Вейнер Т. ЦРУ. Правдивая история. М.: Центрполиграф, 2024. С. 25.

³ Grigorescu D. Prietenia dintre Regele Mihai și Frank Wisner, șeful spionajului american on România, una dintre marile legende CIA // Adevaru.ro. 12.12.2017 // URL: <https://adevarul.ro/stiri-locale/pitesti/prietenia-dintre-regele-mihai-si-frank-wisner-1829803.html>

⁴ Арляпова Е.С. Влияние Джорджа Кеннана на климат отношений между СССР и США // Обозреватель—Observer. 2015. № 9. С. 52-67.

⁵ Вейнер Т. ЦРУ. Правдивая история. С. 28-29.

несколько дней до прибытия нового посла Дж. Кеннан направил в Вашингтон едва ли не самое известное телеграфное послание в истории американской дипломатии, так называемую длинную телеграмму объёмом восемь тысяч слов⁶, которая и заложила основы будущей концепции политической войны против СССР.

В конце 1946 г. Дж. Кеннан вернулся в Вашингтон и оказался в узком кругу семьи Фрэнка и Полли Виснер, которые проживали в особняке в Джорджтауне в самом центре Вашингтона. Именно там воскресными вечерами 1947 г. зарождались основы американской внешней политики, которая определила контуры мира на последующие десятилетия.

В число постоянных гостей Виснеров входили ветеран УСС и впоследствии американский посол в Париже Д. Брюс, советник госсекретаря и будущий посол в Москве Ч. Болен, заместитель госсекретаря Р. Ловетт и будущий глава Государственного департамента США Д. Ачестон.

Виснер и его гости внимательно слушали Кеннана, несколько раз перечитывали его «длинную телеграмму». Все они разделяли взгляды дипломата на советскую угрозу. За шесть месяцев пребывания в Вашингтоне идеи Дж. Кеннана определили развитие трёх идейно-институциональных основ внешней политики США, это:

– доктрина Трумэна, в основе которой лежала идея политического сдерживания Москвы;

– план Маршалла, который стал глобальным оплотом американского влияния в противостоянии с коммунизмом;

– секретная служба Центрального разведывательного управления⁷.

Албанская кампания стала частью стратегии Вашингтон, которая разрабатывалась на протяжении 1948 г. и была нацелена на ведение политической войны против СССР⁸ и оказание «максимального сдерживающего эффекта» на структуры политического контроля и управления Советского Союза, особенно в части отношений Москвы с её союзниками и сателлитами⁹. Конкретные задачи под эти цели были закреплены в специальной директиве Совета национальной безопасности «О политике в отношении Восточной Европы», которая предполагала идеологическое наступление по всем фронтам, «поддержка которого должна осуществляться не только открытыми, но и тайными методами»¹⁰. В частности, было предусмотрено «усиление поддержки и предоставление убежища отдельным лидерам и группам граждан этих стран, которые ориентируются на Запад»¹¹.

Главной задачей, которую руководство ЦРУ ставило перед собой,

⁶ Kennan G. Long telegram. Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, 1945, Europe. Vol. V // State Government USA // URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1945v05/pg_881

⁷ Вейнер Т. ЦРУ. Правдивая история. С. 34-35.

⁸ Пономарева Е.Г., Самсонов А.Г. Политическая война: теория и практика глобального доминирования США // Обозреватель № 1. 2025. С. 29-42.

⁹ Souers S.W. Report to the President by the National Security Council. Foreign Relations of the United States 1948. The United Nations. Vol. I. Part 2. Document 60 // State Government USA // URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1948v01p2/d60>

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

было разрушение «железного занавеса», построенного в Албании коммунистическим режимом, и обеспечение прихода к власти лояльного Вашингтону лидера. Идея о создании внутренней оппозиции для свержения Энвера Ходжи – лидера антифашистского сопротивления, ставшего авторитарным диктатором,

пришла из Секретной службы (SIS) Великобритании. Предполагалось, что небольшие группы бойцов из состава сил специального назначения будут заброшены на албанскую территорию для формирования местных повстанческих отрядов, которые можно было бы координировать и поддерживать из-за рубежа¹².

Американо-британский план свержения режима Ходжи

Последние детали предстоящего проекта лидеры США и Великобритании обсуждали на высшем уровне во время визита британского министра иностранных дел Э. Бевина в Вашингтон (сентябрь 1949 г.).

В своей оценке обстановки вокруг Албании аналитики ЦРУ исходили из того, что «слабость» режима Ходжи была обусловлена комплексом факторов:

– *во-первых*, это угроза использования правительством И. Броз Тито албанского нацменьшинства в Югославии против режима Ходжи;

– *во-вторых*, нарастающая изоляция Албании от стран – членов Информбюро, обусловленная разрывом отношений Тито с СССР и Коминформом*;

– *в-третьих*, усиливалось общественное недовольство в Греции по вопросу прекращения действия на

территории Албании баз партизанских отрядов;

– *в-четвертых*, существовавшее среди албанского населения раздражение политикой Ходжи (прежде всего это крайняя бедность) можно было канализировать в нужное для США русло;

– *в-пятых*, – это крепнущее единство албанцев, проживающих в изгнании. В частности, в 1949 г. был создан Национальный комитет за свободную Албанию (НКСА), ставящий цель «поддерживать народ в борьбе против жестокой тирании коммунистов и организовывать албанцев в эмиграции для оказания эффективной помощи сопротивлению»¹³.

В самой же Албании, наоборот, имелись проблемы культурного и национального единства, что на первом этапе становления режима Ходжи выражалось в противоречиях на национальной почве в Албанской

¹² Prados J. Safe for Democracy: The Secret Wars of the CIA. Chicago: Ivan R. Dee, 2009. P. 58.

¹³ Butka U. Mid'hat Abdyl Frashliri (Lumo Sklndo): nllrlvjetorin e 70-tititvdekjes slltij. Tiranll: Instituti i Studimeve Historike "Lumo Sklndo". 2019. F. 137.

* Информационное бюро коммунистических и рабочих партий (Коминформ, Информбюро) – координационная структура, объединявшая наиболее влиятельные коммунистические партии Европы, существовала с 1947 по 1956 г. В 1948 г. одним из итогов советско-югославского разрыва стало исключение Компартии Югославии из состава Информбюро и перенос штаб-квартиры организации из Белграда в Бухарест.

коммунистической партии (АКП)¹⁴. К этому добавлялись «трудности с обеспечением эффективного контроля над диссидентскими и мятежными албанскими общинами, проживающими в отдалённых горных районах, особенно на севере страны»¹⁵.

В то же время участники встречи признавали, что руководство Албании и СССР прекрасно осведомлены об этих проблемах и предпринимают необходимые меры для укрепления единства АКП и режима Ходжи. Поэтому западные аналитики пришли к выводу, что «без мощной поддержки из-за рубежа и создания операционной базы в Югославии или Греции разрозненные группы, которые были сформированы за пределами страны Албанским освободительным комитетом, вряд ли представляют серьёзную угрозу для правительства Э. Ходжи». Аналитики ЦРУ понимали, что без западного вмешательства «правительства Греции и Югославии не предоставят какую-либо поддержку праворадикальным и националистическим элементам, составляющим костяк албанцев, находящихся в изгнании». Кроме того, было понимание, что без координации со стороны Запада эти оппозиционные группы вряд ли «смогут преодолеть внутренние противоречия и сформировать

эффективную антиходжистскую организацию»¹⁶.

Этот план под названием «Ценность» (*Operation Valuable – OV*; в ЦРУ известен как «Демон» (*BG/Fiend*)* был задуман британской разведкой в конце 1948 г.

Трудности с Албанией у Лондона начались двумя годами ранее с инцидентов, когда британские суда были обстреляны албанскими вооружёнными силами. Затем два эскадренных миноносца подорвались на минах и затонули в узком канале у о. Корфу недалеко от албанского побережья. Это происшествие ряд историков считают одним из первых эпизодов холодной войны¹⁷.

Несмотря на то что в период Второй мировой войны британские силы специальных операций (*Special Operations Executive – SOE*) передавали вооружение и оказывали советническую помощь Э. Ходже, считая его союзником, к 1949 г. Лондон принял решение о необходимости его свержения. В феврале того же года министр иностранных дел Великобритании Э. Бевин одобрил план по «отключению» Албании от советского блока. На этом фоне правительство Ходжи отказалось выполнить решение Международного Суда ООН по делу о проливе Корфу¹⁸.

¹⁴ Пономарева Е.Г., Арляпова Е.С. Западные Балканы в преддверии и ходе текущего кризиса: игроки и фигуры. М.: Проспект, 2024. С. 81.

¹⁵ Strengths and Weaknesses of the Hoxha Regime in Albania. CIA Intelligence Memorandum no. 218. 12 September 1949 // URL: <https://web.archive.org/web/20250305203830/https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP78-01617A000700030002-6.pdf>

¹⁶ Strengths and Weaknesses of the Hoxha Regime in Albania. P. 3. Ibid.

¹⁷ Europe Since 1945: An Encyclopedia. N.Y.: Garland, 2001. Vol. 1. P. 224.

¹⁸ Дело о проливе Корфу (Великобритания против Албании) // Международный Суд ООН // URL: <https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789210010627c004>

* Кодовые названия операций ЦРУ, или иначе криптонимы, содержат двухбуквенную комбинацию непосредственно перед самим названием (в данном случае BG), указывающую на географический регион или функциональную задачу, в отношении которых проводится операция.

В этом противостоянии Лондону потребовалась помощь Вашингтона. Ему нужны были деньги и территория.

В марте 1949 г. старший офицер британской разведки У. Хейтер возглавил делегацию Секретной службы и Форин-офиса во время тайной поездки в Вашингтон, чтобы добиться поддержки для проведения операции *OV* и представить широкий набор альтернативных методов ведения холодной войны. Американцы проявили интерес. Директор ЦРУ Р. Хилленкоттер провёл совещание с членами специальной группы, созданной во исполнение директивы 10/2 (*NSC 10/2 Panel*)*. Месяц спустя директор Офиса политической координации (ОПК; *Office of Policy Coordination – OPC***) Ф. Виснер во главе официальной делегации посетил Лондон, где планы в отношении Албании были утверждены.

Координацией операции занималась совместная группа, штаб-квартира которой разместилась в Вашингтоне.

От Великобритании в её состав входили офицер Секретной службы и специалист по Балканам, работавший в одном из посольств региона.

Американцев представляли один из руководителей штаба политического планирования Госдепартамента Р. Джойс, а также сотрудник ОПК.

На начальном этапе именно британцы представляли основную массу подготовленных специалистов для решения задач созданной группы: это были люди, работавшие на территории Албании в период Второй мировой войны, а также хорошо подготовленные специалисты в области создания и управления военизированными партизанскими подразделениями¹⁹.

Вашингтон возлагал большие надежды на эту операцию.

По словам Ф. Виснера, это был «клинический эксперимент, который должен был доказать, что широкомасштабные операции по борьбе с коммунизмом могут проводиться где угодно»²⁰.

На этом этапе развития концепции политической войны основной акцент был сделан на использовании диверсионных сил, в то время как политическая компонента играла вспомогательную роль, а формируемые силы были призваны заполнить вакуум власти после предполагаемого падения правительства Ходжи.

Мальта, находившаяся во владении Великобритании, была выбрана в качестве основного опорного пункта подготовки предстоящей операции. Остров стал тренировочной и лодочной базой, куда часть оборудования доставлялась через американскую военную базу «Уилус-филд» в Ливии.

¹⁹ Prados J. Safe for Democracy. P. 59.

²⁰ Ibid.

* Специальный совещательный орган в администрации президента США для реализации положений Директивы СНБ 10/2 «Об управлении специальными операциями» был создан в июле 1948 г. Руководителем был назначен директор ЦРУ. В состав спецкомиссии входили представители руководства Государственного департамента и Министерства обороны США (Foreign Relations of the United States, 1945–1950, Emergence of the Intelligence Establishment Document 292 // State Government USA // URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1945-50Intel/d292>)

** ОПК структурно входило в состав ЦРУ, однако его руководитель подчинялся госсекретарю и министру обороны ввиду откровенной слабости директора ЦРУ Р. Хилленкеттера (Вейнер Т. ЦРУ. Правдивая история. С. 44).

Комментируя такую конфигурацию, Ф. Виснер в разговоре с офицером SIS иронично признал, что «где бы мы ни хотели организовать диверсию, мы узнаём, что у британцев всегда есть остров неподалёку»²¹. Также на Мальте в собственность британского правительства был приобретён форт Бингема, который находится в черте г. Рабат и который стал центром подготовки диверсантов, а также арендована небольшая вилла на о. Корфу, которая превратилась в наблюдательный пункт²².

Руководители операции изучали обстановку и в соседних с Албанией странах.

Так, по оценкам американских специалистов, Югославия, которая прекратила свою помощь левацким повстанцам в Греции и разорвала отношения с СССР (1948 г.), могла бы принять участие в операции. Однако Белград, который на тот момент уже связался с США по кана-

лам ЦРУ для получения военной помощи, необходимой для укрепления своей способности противостоять возможным агрессивным действиям со стороны Советского Союза, стремился избежать дополнительного ухудшения отношений с Москвой. Греция, в свою очередь, истощённая гражданской войной, также не желала принимать участия в операции «Ценность»/«Демон», хотя некоторые генералы скрытно оказывали содействие ЦРУ²³.

Для проведения операции ЦРУ привлекло к работе М. Бёрка, который в период войны служил во флоте, затем был переведён в Управление стратегических служб и направлен сначала в Италию, а позднее в Югославию, где занимался поддержкой партизанского движения. Именно ему было поручено сформировать группу сопротивления из числа албанцев, находившихся в бегах за рубежом²⁴.

Практика диверсионных операций: почему «Демон» отступил?

Политическая составляющая проекта «Демон» имела поистине византийский дух.

Наиболее доступные для вербовки ЦРУ албанские политические деятели входили в так называемый Национальный фронт (НФ, *Balli Kombëtar*),

действовавший ещё в период фашистской оккупации²⁵, и проживали в Риме и Афинах. В период Второй мировой войны это движение сотрудничало со странами «оси» – Германией и Италией (хотя на более поздних этапах и присоединилось к партизанскому

²¹ Prados J. Safe for Democracy. P. 59.

²² Cordina J. Squatters turn Fort Bingemma... // The Malta Independent. 24 May 2025 // URL: <https://www.independent.com.mt/articles/2015-05-24/local-news/Squatters-turn-Fort-Bingemma-into-illegal-restaurant-6736136056>

²³ Strengths and Weaknesses of the Hoxha Regime in Albania. P. 2.

²⁴ Prados J. Safe for Democracy. P. 61.

²⁵ Albanian Political Parties in Exile // CIA. Memorandum. January 12, 1951 // URL: <https://gjonmarkagjoni.com/wp-content/uploads/2017/08/albanian-political-parties-in-exile.pdf>

движению, действовавшему против фашистских оккупантов).

Один из членов НФ – Джафер Дева²⁶ – занимал пост министра внутренних дел Албании и был непосредственно причастен к кровавым событиям февраля 1944 г.²⁷, в результате которых были арестованы и расстреляны участники группы антифашистского сопротивления в Тиране.

Другой – Хасан Дости²⁸ – был министром юстиции итальянского оккупационного правительства Албании.

На встречах с представителями ЦРУ в Риме (июнь и июль 1949 г.) они подтвердили свою готовность участвовать в операции и подключили НФ к этой работе.

Кроме того, к операции был привлечён албанский политический деятель, претендовавший на звание монарха – Ахмет Зогу, который в 1939 г. бежал из страны и проживал в Каире²⁹. Он также возглавлял монархическое движение «За законность» (*Lëvizja e Legalitetit*), силы которого были подключены к западной спецоперации³⁰.

26 августа 1949 г. лидеры сформированной под руководством кураторов из ЦРУ так называемой албанской диаспоры в изгнании провели пресс-конференцию, на которой

объявили о создании Национального комитета «Свободная Албания».

Глава отдела психологических операций ОПК Джо Брайн лично составил сообщение об этом событии для СМИ от имени албанцев.

Для презентации руководства албанской оппозиции высшему руководству Великобритании эту группу тайно направили в Лондон.

В США представители недавно созданной структуры ездили более открыто.

Финансирование поездок осуществлялось американским Комитетом за свободную Европу³¹.

Однако получение американских виз оказалось довольно проблематичным из-за их сотрудничества с нацистами и отсутствия паспортов (многим из членов организации уже отказывали во въезде в США ранее). Но ОПК убедило Госдеп пересмотреть своё решение, поскольку выдача виз таким людям была необходима для обеспечения национальной безопасности Америки.

Таким образом, в сентябре 1949 г. члены Национального комитета «Свободная Албания» провели встречу с заместителем Госсекретаря США Л. Томпсоном. Тогда же было открыто представительство организации в Нью-Йорке.

²⁶ Albanian Political Parties in Exile.

²⁷ 80 years since the massacre in Tirana // Telegraphi // URL: <https://telegrafi.com/en/80-vjet-ngamasakra-ne-tirane/>

²⁸ Dost Hasan, former Minister of Justice during the Italian occupation // CIA Memorandum. 05 August 1948 // URL: https://web.archive.org/web/20250220232103/https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOSTI%2C%20HASAN_0069.pdf

²⁹ Пономарева Е.Г., Арлятова Е.С. Западные Балканы в преддверии и ходе текущего кризиса. С. 78-79; Zogu Ahmet // CIA Memorandum. 30 June 1953 // URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/OBOPUS%20BGFIEND%20%20VOL.%2025%20%20%28BGFIEND%20OPERATIONS%29_0049.pdf

³⁰ Prados J. Safe for Democracy. P. 61.

³¹ National Committee for a Free Albania (NCFA). 16 April 1956 // URL: [https://web.archive.org/web/20250220090623/https://www.cia.gov/readingroom/docs/OBOPUS%20BG%20FIEND%20%20VOL.%203%20\(OBLIVIOUS%20%20NATIONAL%20COMMITTEE%20FOR%20FREE%20ALBANIA\)_0014.pdf](https://web.archive.org/web/20250220090623/https://www.cia.gov/readingroom/docs/OBOPUS%20BG%20FIEND%20%20VOL.%203%20(OBLIVIOUS%20%20NATIONAL%20COMMITTEE%20FOR%20FREE%20ALBANIA)_0014.pdf)

Первая попытка высадки на албанское побережье подготовленных диверсантов состоялась 3 октября 1949 г. Однако она была сорвана благодаря усилиям советского разведчика Кима Филби, который своевременно проинформировал советское и албанское руководство о готовящихся американскими и британскими спецслужбами «мероприятиях». В результате около 20 диверсантов, которых подготовили на Мальте и забрасывали через Корфу, попали в засаду. Четверо были убиты, остальные смогли скрыться в Греции³².

Трудности возникали и при реализации политической составляющей разработанной операции.

Так, 3 октября 1949 г. от сердечного приступа в возрасте 70 лет скончался один из наиболее последовательных антикоммунистов и антисоветских лидеров албанского Национального фронта Мидхат Фрашери. Он происходил из знатного рода, члены которого, включая его старших братьев Наима, Сами и Абдулу, входили в число идеологов и наиболее активных деятелей албанского национально-освободительного движения конца XIX в.³³

В этой связи у кураторов из УПК ЦРУ возникла срочная задача – заменить руководителя недавно созданной организации. Одним из кандидатов на этот пост был Х. Достти. Однако из-за своего фашистского прошлого он не получил необходимой политической поддержки.

На этом этапе британцы начали сомневаться в том, насколько Ва-

шингтон заинтересован в свержении правительства Э. Ходжи, и задумались над тем, кто из «королей, находящихся поблизости, мог бы быть представлен» в качестве руководителя республики. Несмотря на обострившиеся противоречия в лагере албанской оппозиции, ЦРУ удалось стабилизировать ситуацию и согласовать распределение портфелей в перспективном правительстве под председательством короля Зогу: 40% отводилось Национальному фронту, 40% – движению «За законность» самого Зогу и оставшиеся 20% – другим фракциям³⁴.

Несмотря на первые неудачи, операция «Ценность»/«Демон» продолжалась на протяжении ещё нескольких лет, расходуя всё большие суммы американского бюджета, выделявшиеся на её проведение.

В 1950 г. ЦРУ начало самостоятельно проводить высадки диверсантов, для подготовки которых на базе Карлсфельд в Германии была создана «Рота 400». Первоначально в её состав вошло около 50 албанцев. Однако со временем это число увеличилось в пять раз.

ЦРУ также развернуло базу в Греции. Экипаж ВВС из семи этнических поляков, которые в период войны под руководством британского спецназа занимались поддержкой партизанских групп, начали осуществлять полёты над албанской территорией и сбрасывать листовки с пропагандистскими материалами, которые были подготовлены в УПК.

На протяжении 1951 г. ЦРУ забросило на албанскую территорию более 50 диверсантов, все они были уничтожены или арестованы благодаря информации советских разведчиков и прежде всего К. Филби³⁵.

³² Prados J. Safe for Democracy. P. 62.

³³ Пономарева Е.Г. «Новое прошлое»: албанский вопрос в европейской политике // Современная Европа. 2019. № 7. С. 163.

³⁴ Prados J. Safe for Democracy. P. 63.

³⁵ Lulushi A. Operation Valuable Fiend: The CIA's First Paramilitary Strike Against the Iron Curtain. N.Y.: Arcade Publishing, 2014. С. 6.

После ряда неудач диверсионная операция по свержению режима Ходжи была прекращена.

Помощь в реализации задуманного пришла неожиданно – Э. Ходжи отвернулся от главного союзника. Ошибки советского руководства определили в 1961 г. решение Тираны разорвать отношения с СССР, а также выйти из состава СЭВ и в дальнейшем из Организации Варшавского договора (1968 г.). Единственная советская военноморская база в акватории Адриатического и Средиземного моря, построенная советскими специалистами на выделенные Москвой средства, была закрыта, четыре из 12 подводных лодок, которые базировались на этом объекте, были захвачены албанскими властями, а остальные – выведены в другие порты³⁶.

Объявленный режимом курс на самоизоляцию не стал препятствием для поиска контактов с Западом. На этом фоне активизировались и разведструктуры разных стран.

В 1966 г. торговый представитель компании *Philip Morris* в Европе А. Бераха (этнический еврей, которого во время войны спасла албанская семья) связался с атташе по экономическим вопросам посольства Албании в Вене и предложил организовать схему контрабандной поставки раритетных для балканского региона американских сигарет напрямую из США. По каналам албанской разведки сигнал был немедленно доведён до руководителя республики, который дал зелёный свет на проведение соответствующих переговоров.

После четырёх лет кропотливой работы была создана компания *Albtrans*, которая под видом оказания транспортных услуг стала заниматься нелегальной перевозкой сигарет. Доходы от продажи табачной продукции шли на личный секретный валютный счёт албанского лидера. Эта компания стала прикрытием для сотрудников албанской разведки и проработала до 1995 г., вплоть до окончательного развала коммунистического режима в стране³⁷.

Пользуясь именно этими каналами в конце 1980-х годов руководство Албании смогло восстановить официальные отношения с Вашингтоном, которые были прерваны в начале столетия.

Албанский фактор политической войны

Спустя полвека после принятия концепции политической войны³⁸ раскрученный доктриной Рейгана маховик тайных операций США, проводившихся против СССР и его союзников по всему миру, продолжил работать и после разруше-

ния Советского Союза, перемалывая остатки неугодных Вашингтону политических режимов в Восточной Европе и на Балканах.

Лишившись единственного достойного соперника на международной арене, американские власти пе-

³⁶ Meta M. Nlndetlset shqiptare. Baza nл komunizlm... // Gjurmл Shqiptare. Top Channel. 06.01.2024 // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=lZGrZXk8THA>

³⁷ Nenshati L. Albtrans – Top Secret. Tirane: Botart, 2016. P. 11-14; Pilaca G., Nako A. Organized crime in Albania: a path dependence perspective // Czech Journal of Political Science. 2021. № 3. P. 250.

³⁸ Пономарева Е.Г., Самсонов А.Г. Политическая война: теория и практика глобального доминирования США.

решили на новый уровень политической войны, всё шире привлекая международные организации для достижения своих целей. При этом те страны, которые уже побывали в статусе «объекта воздействия», стали плацдармами для проведения комплексных операций на новом витке политической войны против России и её партнёров. В этом контексте Албании как неопиту западного мира была отведена особая роль в создании системы сдерживания Югославии, а позднее и Сербии, которая является оплотом российского влияния на Балканах.

В начале 90-х годов на фоне процессов по дезинтеграции Советского Союза, объединения Германии и самороспуска Варшавского договора Вашингтон сместил центр своего внимания на постсоветское пространство. Механизмы, запущенные в последние годы холодной войны против Югославии, которая рассматривалась в качестве приоритетного направления сдерживания советского влияния в Европе, продолжали действовать. США сконцентрировались на дроблении югославского пространства за счёт провоцирования региональных конфликтов различной интенсивности³⁹.

Осознавая масштаб угрозы, в 1989 г. сербский лидер Слободан Милошевич отменил автономию Косова и ввёл меры по ограничению участия этнических албанцев, составлявших

около 90% населения провинции, в деятельности органов местного самоуправления. Международные «правозащитные» организации развернули масштабную кампанию по дискредитации действий сербских властей.

Так, например, доклад организации *Helsinki Watch* (ныне – *Human Rights Watch*) утверждал, что осуществляются «систематические нарушения прав человека этнических албанцев в провинции», «косовских албанцев массово увольняли с государственных должностей, запрещали обучение на их языке и лишали политических и гражданских прав»⁴⁰.

Усилия югославского лидера спровоцировали албанское меньшинство на активизацию сепаратистских действий. Лидер косовских сепаратистов И. Ругова организовал работу по созданию нелегальных органов власти⁴¹. Под его руководством косовские албанцы создали фактически параллельную государственную структуру, действующую наряду с официальными сербскими институтами. К маю 1992 г. были проведены неофициальные многопартийные выборы в подпольный парламент и правительство.

Эта параллельная структура включала президента, премьер-министра, министерства и механизмы сбора доходов для финансирования общественных услуг⁴².

Хотя эти институты не признавались официально на международ-

³⁹ Ekeman H. The Superpower Superiority Grandstanding: The Rehash of the Cold War Politics in the Kosovo Crisis // Journal of Political Science and Leadership Research. 2017. Vol. 3 № 2. P. 14-21 // URL: <https://www.iardjournals.org/get/JPSLR/VOL.%203%20NO.%202%202017/THE%20SUPERPOWER.pdf>

⁴⁰ Yugoslavia. Human Rights Abuses in Kosovo 1990-1992 // Human Rights Watch. // URL: <https://www.hrw.org/reports/1992/yugoslavia/>

⁴¹ Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М.: Русское право, 2001. С. 657-659.

⁴² Demi A. How to build a parallel state // Prishtina Insight. 19.04.2018 // URL: <https://prishtinainsight.com/build-parallel-state-mag/>

ном уровне, активно велась их неформальная поддержка. В результате они функционировали как де-факто правительство Косова для албанского населения.

Параллельное государство требовало большой координации и секретности, чтобы действовать в условиях усиливающегося контроля со стороны сербских властей. Оно обеспечивало важные услуги, включая образование через домашние школы, здравоохранение, социальную помощь нуждающимся семьям и культурные институты, поддерживавшие албанскую идентичность.

Самым сложным аспектом раннего сепаратистского движения Косова была его финансовая инфраструктура, демонстрировавшая высокий уровень организации и координации с диаспорой.

7 февраля 1992 г. косовские албанцы создали Центральный совет финансирования Косова (*KQFK*) – структурированный механизм сбора средств с граждан и предприятий для поддержки параллельных государственных институтов⁴³. Несмотря на отсутствие юридической власти в условиях сербского правления, *KQFK* быстро разработал правила, уставы и детальные инструкции, устанавливающие налоговые ставки для разных категорий населения и бизнеса.

Система сбора средств *KQFK* была удивительно продуманной:

– трудоустроенные граждане платили 5% от заработка;

– семьи с членами, работающими за границей, ежемесячно вносили взносы за каждого эмигранта;

– дополнительные сборы взимались с владельцев земли;

– предприятия платили в зависимости от вида деятельности и размера помещений.

С 1992 по 1998 г. эти параллельные финансовые структуры собрали внутри Косова около 111,5 млн немецких марок на «добровольной основе».

KQFK организовывал свою работу через муниципальные советы финансирования, созданные в каждом населённом пункте для координации сборов с различными заинтересованными сторонами.

В дополнение к внутренним сборам *KQFK* существовал Фонд 3%, который систематически собирал финансовую помощь у косовских албанцев, проживающих за рубежом. Это было особенно важно, поскольку проводившаяся югославскими властями политика привела к значительной эмиграции косовских албанцев⁴⁴.

Опора на диаспору – один из ключевых инструментов политической войны, который применялся с её первых дней. Взносы этнических албанцев, которые жили в эмиграции, сыграли ключевую роль в финансировании сопротивления сербскому правлению.

По словам лидеров сепаратистского движения Мехмета Хайризи, Исмаила Кастрати и Байрама

⁴³ Ahmetaj N., Eriksson J., Hildyard N., Luckett S., Maharajh R., Vieira L. International Financial Institutions and the Future of Syria: Lessons from Kosovo, Timor-Leste and South Africa // University of York. January 2025 // URL: [https://www.york.ac.uk/media/politics/documents/general/IFIs%20and%20the%20Future%20of%20Syria%20-%20Lessons%20from%20Kosovo,%20Timor-Leste,%20and%20South%20Africa%20\(1\).pdf](https://www.york.ac.uk/media/politics/documents/general/IFIs%20and%20the%20Future%20of%20Syria%20-%20Lessons%20from%20Kosovo,%20Timor-Leste,%20and%20South%20Africa%20(1).pdf)

⁴⁴ Demi A. How to build a parallel state.

Шатри, KQFK «стал источником надежды», быстро мобилизовавшим албанское население⁴⁵.

Нельзя исключать, что некоторая часть этих средств была профинансирована напрямую за счёт бюджета ЦРУ. Эта финансовая инфраструктура позволила косовским албанцам поддерживать параллельные институты и создавать международные сети поддержки.

Тирана, чьи интересы на протяжении последних двух столетий плотно привязаны к Косово, выполняла роль координатора и связующего звена между косоварами и их западными покровителями. Известно, что в конце 1990 г. и в феврале 1991 г. ещё как второй секретарь ЦК Албанской партии труда Рамиз Алиа* уже встречался с лидерами косовской оппозиции – будущим президентом и премьер-министром непризнанного края Ибрагимом Руговой и Буйаром Букоши, который на тот момент курировал работу теневоего правительства и осуществлял сбор денег на функционирование параллельного госаппарата, и активистом сепаратистского движения Али Алиу, который в 1991 г. возглавил представительство Косово в Албании.

Именно Албания была плацдармом, где велась подготовка диверсионной составляющей той операции, которая была развёрнута в Косово против сербского руководства.

Так, в 1991 г. министру обороны страны Переклину Тета поступил необычный приказ, подписанный президентом республики Р. Алией. От соответствующих структур требовалось принять, разместить и обеспечить боевую подготовку для нескольких десятков добровольцев, прибытие которых ожидалось из Косово⁴⁶.

В атмосфере полной секретности наиболее подготовленные части Министерства обороны Албании приступили к выполнению этой задачи. На территории одной из войсковых частей в окрестностях Тираны с 1 октября 1991 г. первые группы косовских добровольцев начали проходить подготовку под руководством албанских офицеров из числа преподавателей Высшей объединённой школы.

Первая группа состояла из 53 чел., вторая включала 55 бойцов. Их подбирали из числа добровольцев, которые проживали в Косово и Македонии. При этом каждый из них был строго проинструктирован не рассказывать даже своим близким о целях своей поездки в Албанию. Их легендой был выезд в Германию или Швейцарию на заработки.

Первая группа вылетела из Приштины, вторая месяцем позже из Скопье. Сбор был организован в Цюрихе, куда все её участники прибыли на само-

⁴⁵ Ahmetaj N., Eriksson J., Hildyard N., Luckett S., Maharajh R., Vieira L. International Financial Institutions. P. 8; Jakurti E. Kosovo in the '90s: an economy for the darkest hour // Kosovo 2.0 18.03.2025 // URL: <https://kosovotwopointzero.com/en/kosovo-in-the-90s-an-economy-for-the-darkest-hour/>

⁴⁶ Meta M. Stlrvitja nл Shqipëri e grupeve tл para ku mori jetл U3K. 1991 // Gjurmл Shqiptare. Top Channel. 06.02.2021 // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mr3Bv3sXeko>

* Рамиз Алиа 30 апреля 1991 г. по итогам голосования в парламенте занял учреждённый накануне пост президента. Ушёл в отставку 3 апреля 1992 г. С августа 1992 г. Р. Алиа фактически находился под домашним арестом. В 1994 г. был приговорён к девяти годам тюрьмы по обвинению в злоупотреблении служебным положением и коррупции. В 1995 г. был освобождён, но в марте 1996 г. вновь привлечён к суду по обвинению в преступлениях против человечности (вменялась причастность к репрессиям режима Ходжи). Однако в ситуации хаоса 1997 г. процесс не был доведён до конца, и Алиа смог покинуть страну. В 1997 г. новое правительство во главе с Социалистической партией освободило Алиу от судебного преследования. Умер он в Тиране в 2011 г.

лётё. Далее их перевезли на автобусе в Триест (Италия), откуда на пароме они отправились в албанский порт Дуррес.

В состав этих групп вошли бойцы, ставшие впоследствии легендами албанской национально-освободительной войны в Косово, – Адем Яшари, Заир Паязири, Сали Чекай, Ильяз Кодра и др.

Прибывших добровольцев в течение месяца обучали азам партизанской войны (разведка, использование различных видов оружия и взрывчатых веществ; оказание первой медицинской помощи; навыки скрытного перемещений, в том числе с применением альпинистского снаряжения).

2 декабря 1991 г. 33 добровольца из состава второй группы переправились в Косово, которое ещё входило в состав Югославии, по горным тропам с полным снаряжением.

По приказу министра обороны Албании им были выданы 74 автомата Калашникова с боеприпасами, гранаты и мины⁴⁷.

В декабре 1991 г. в учебный лагерь должна была прибыть третья группа добровольцев, но этого не произошло. Причиной для временного прекращения программы стал арест правоохранительными органами Югославии некоторых членов из состава второй группы. Каким-то образом Белграду стало известно о проводимой албанскими военными работе, и подготовка бойцов будущей Освободительной армии Косово (ОАК) была приостановлена.

В 1992 г. по согласованию с президентом Албании Вашингтон направил в Тирану группу военных советников, которые обосновались на последнем этаже трёхэтажного здания Министерства обороны в самом центре албанской столицы и получили доступ к высшему руководству и ко всем ключевым элементам национальной безопасности страны⁴⁸.

Под их присмотром уже в 1994 г. лидер террористической организации «Аль-Каида»* Усама бин Ладен посетил Тирану и договорился о создании оперативного центра на территории страны. Через эту структуру большое число террористов прибыло в Косово для поддержки ОАК. Деньги на их оснащение шли из Саудовской Аравии и ОАЭ⁴⁹.

Наращивая боевой потенциал сепаратистской армии, с 1995 г. группа радикальных исламских активистов, завербованных МИ6, приступила к набору боевиков для комплектования боевых подразделений ОАК. Через сети террористической организации осуществлялся подбор мусульман по всему миру, в том числе из числа жителей Великобритании⁵⁰.

В 1996 г. ЦРУ, британская МИ6 и швейцарская секретная служба установили первые прямые контакты с членами ОАК. В конце 1998 г. Разведывательное управление Министерства обороны США обратилось к МИ6 с просьбой подключиться к работе по

⁴⁷ Mema M. Stlrvitja nл Shqipëri e grupeve tл para ku mori jetl U3K. Ibid.

⁴⁸ Molla Y. Këshiltari amerikan “non grata” në Tiranë. Tirane: Botart. 2016. F. 11.

⁴⁹ Curtis M. Blair’s Former Allies on Trial for War Crimes // Declassified UK. April 14, 2023 // URL: <https://consortiumnews.com/2023/04/14/blairs-former-allies-on-trial-for-war-crimes/>

⁵⁰ Nafeez M.A. Inside the Crevice. Islamist terror networks and the 7/7 intelligence failure // Institute for Policy Research and Development, London. 2007 // URL: <https://ageoftransformation.org/content/files/news/2009/jun/inside-20the-20crevice.pdf>

* Террористическая организация, деятельность которой запрещена в Российской Федерации на законодательном уровне.

вооружению и обучению бойцов ОАК. Затем были составлены списки оружия и оборудования, необходимого для новой армии. Британская подготовка включала обучение офицеров ОАК тактике партизанской войны и использованию оружия, методам засад и проведению разведывательных операций на сербских позициях. Эта тайная операция финансировалась ЦРУ. К операции подключилась и секретная служба Германии – *BND*, которая предоставляла оружие и организовывала подготовку бойцов⁵¹.

Итогом подготовки боевиков и финансирования деятельности ОАК

стала масштабная террористическая война против сербов в Косово и Метохии. Ответные меры, принятые Белградом для защиты безопасности граждан и территориальной целостности страны, послужили поводом для открытого вмешательства НАТО.

Бомбардировки Югославии в 1999 г. привели режим С. Милошевича к капитуляции, одним из условий которой стало отторжение Косова. Последствия самой масштабной военной операции НАТО на Европейском континенте затрагивают не только Балканы, но и весь мир.

Описанные эпизоды являются элементами политической войны, развязанной Вашингтоном против СССР, а позднее – России. За полвека активного маневрирования на геополитических фронтах американские власти существенно расширили свой арсенал и качественно повысили эффективность инструментов противоборства.

Например, механизм санкций, который оттачивался на югославском пространстве, активно применяется против России и других неудобных стран. Война пошлин стала настоящим оружием современных войн.

Уроки балканских событий говорят нам о том, что события на Украине – это один из фронтов политической войны, развязанной Вашингтоном против нашей страны. Сегодня с территории «переработанного» государства ЦРУ совместно со специальными подразделениями ВСУ осуществляет диверсии глубоко внутри России⁵².

При поддержке американских и европейских властей идёт формирование «параллельных» правительственных структур, во главе которых поставлены лидеры российской «оппозиции в изгнании». Нет необходимости упоминать о размере санкций, введённых Западом против России, снимать которые никто не собирается.

Без чёткого понимания реализуемой Западом стратегии и эффективного противодействия ей нас ждёт судьба удобрения на полях «прогрессивной демократии». Угроза государственному строю нашей страны реальна и остаётся неизменной вне зависимости от личности хозяина Белого дома.

⁵¹ Curtis M. Blair's Former Allies on Trial for War Crimes.

⁵² Priolon G. CIA still backing Kyiv's clandestine war on Russian territory despite Trump // Intelligence Online. 23.04.2025.

Библиография • References

- Арляпова Е.С. Влияние Джорджа Кеннана на климат отношений между СССР и США // *Обозреватель—Observer*. 2015. № 9. С. 52–67.
- Вейнер Т. ЦРУ. Правдивая история. М.: Центрполиграф, 2024. – 719 с.
- Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М.: Русское право, 2001. – 720 с.
- Пономарева Е.Г. «Новое прошлое»: албанский вопрос в европейской политике // *Современная Европа*. 2019. № 7. С. 158–167.
- Пономарева Е.Г., Арляпова Е.С. Западные Балканы в преддверии и ходе текущего кризиса: игроки и фигуры. М.: Проспект, 2024. – 320 с.
- Пономарева Е.Г., Самсонов А.Г. Политическая война: теория и практика глобального доминирования США // *Обозреватель—Observer*. 2025. № 1. С. 29–42.
- Butka U. Mid'hat Abdyl Frashlri (Lumo Sklndo): nл rlrvjeterin e 70-tl tl vdekjes sl tij. Tiranл: Instituti i Studimeve Historike "Lumo Sklndo". 2019. – 236 f.
- Cordina J. Squatters turn Fort Bingemma... // *The Malta Independent*. 24 May 2025 // URL: <https://www.independent.com.mt/articles/2015-05-24/local-news/Squatters-turn-Fort-Bingemma-into-illegal-restaurant-6736136056>
- Curtis M. Blair's Former Allies on Trial for War Crimes // *Declassified UK*. April 14, 2023 // URL: <https://consortiumnews.com/2023/04/14/blairs-former-allies-on-trial-for-war-crimes/>
- Demi A. How to build a parallel state // *Prishtina Insight*. 19.04.2018 // URL: <https://prishtinainsight.com/build-parallel-state-mag/>
- Ekman H. The Superpower Superiority Grandstanding: The Rehash of the Cold War Politics in the Kosovo Crisis // *Journal of Political Science and Leadership Research*. 2017. Vol. 3 № 2. P. 14–21 // URL: <https://www.iiardjournals.org/get/JPSLR/VOL.%203%20NO.%202%202017/THE%20SUPERPOWER.pdf>
- Europe Since 1945: An Encyclopedia. Vol. 1. N.Y.: Garland, 2001. – 758 p.
- Foreign Relations of the United States, 1945–1950, Emergence of the Intelligence Establishment Document 292 // *State Government USA* // URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1945-50Intel/d292>
- Grigorescu D. Prietenia dintre Regele Mihai și Frank Wisner, șeful spionajului american în România, una dintre marile legende CIA // *Adevaru.ro*. 12.12.2017 // URL: <https://adevarul.ro/stiri-locale/pitesti/prietenia-dintre-regele-mihai-si-frank-wisner-1829803.html>
- Jakurti E. Kosovo in the '90s: an economy for the darkest hour // *Kosovo 2.0* 18.03.2025 // URL: <https://kosovotwopointzero.com/en/kosovo-in-the-90s-an-economy-for-the-darkest-hour/>
- Kennan G. Long telegram. Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, 1945, Europe, Volume V // *State Government USA* // URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1945v05/pg_881
- Lulushi A. Operation Valuable Fiend: The CIA's First Paramilitary Strike Against the Iron Curtain. N.Y.: Arcade Publishing, 2014. 353 p.
- Mema M. Nлndetlset shqiptare. Baza nл komunizlm... // *Gjurmл Shqiptare*. Top Channel. 06.01.2024 // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=lZGrZXk8THA>
- Mema M. Stlrvitja nл Shqiprri e grupeve tl para ku mori jetl U3K. 1991 // *Gjurmл Shqiptare*. Top Channel. 06.02.2021 // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mr3Bv3sXeko>

- Molla Y. Këshiltari amerikan “non grata” në Tiranë.* Tirane: Botart. 2016. – 224 f.
- Nafeez M.A.* Inside the Crevice. Islamist terror networks and the 7/7 intelligence failure // Institute for Policy Research and Development, London. 2007 // URL: <https://ageoftransformation.org/content/files/news/2009/jun/inside-20the-20crevice.pdf>
- Nenshati L.* Albtrans – Top Secret. Tirane: Botart, 2016. – 190 f.
- Pilaca G., Nako A.* Organized crime in Albania: a path dependence perspective // Czech Journal of Political Science. 2021. № 3. P. 245-273.
- Prados J.* Safe for Democracy: The Secret Wars of the CIA. Chicago: Ivan R. Dee, 2009. – 736 p.
- Souers S.W.* Report to the President by the National Security Council. Foreign Relations of the United States 1948. The United Nations. Vol. I, Part 2 Document 60 // State Government USA // URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1948v01p2/d60>
- Strengths and Weaknesses of the Hoxha Regime in Albania. CIA Intelligence Memorandum no. 218. 12 September 1949 // URL: <https://web.archive.org/web/20250305203830/https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP78-01617A000700030002-6.pdf>
- Zogu Ahmet // CIA Memorandum. 30 June 1953 // URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/OBOPUS%20BGFIEND%20%20%20VOL.%2025%20%20%28BGFIEND%20OPERATIONS%29_0049.pdf

Статья поступила в редакцию 15 июля 2025 г.

Статья принята в печать 31 июля 2025 г.

Уважаемые читатели!
Открыта подписка на 2026 год
на ежемесячный научно-аналитический журнал

«Обозреватель–Observer»

Подписка проводится:

- для корпоративных подписчиков «УП Урал-Пресс» по электронному каталогу на сайте **www.ural-press.ru**
- для индивидуальных подписчиков Агентством подписки «Деловая пресса» по электронному каталогу на сайте **<https://delpress.ru/catalog/>**
тел.: +7-495-951-22-25

Киберэкстремизм – угроза национальной безопасности

Анастасия ПОБЕГАЙЛО

Решительно и наступательно нужно бороться с экстремизмом и терроризмом, пресекать любые попытки разобщить и расколоть наше общество, стравить между собой представителей разных национальностей и религий. Мы с вами хорошо понимаем: это одна из линий атак на Россию, на наше многонациональное и многоконфессиональное государство.

В.В. Путин¹

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации определяет цели государственной и общественной безопасности. Их достижение находится в прямой зависимости от реализации государственной политики в области предупреждения радикализма и профилактики экстремистских и иных преступных проявлений, особенно среди наиболее уязвимых групп – несовершеннолетних и молодежи².

В п. 52 указанного документа отмечается, что недостоверная информация и материалы террористических и экстремистских организаций распространяются в сети Интернет³.

ПОБЕГАЙЛО Анастасия Эдуардовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации. *E-mail:* pobegailo.a.e@yandex.ru

Ключевые слова: киберэкстремизм, уголовная ответственность, национальная безопасность, противодействие экстремизму, киберпреступность.

¹ Заседание коллегии ФСБ России. Москва, 27 февраля 2025 г. // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76338>

² Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Доступ из ЭПС «КонсультантПлюс».

³ Там же.

Эффективное оказание противодействия должно осуществляться, в том числе, с помощью криминологической профилактики и уголовной превенции. Для реализации этих направлений деятельности правоохранительные, судебные и надзорные органы России должны опираться на соответствующие научные исследования, включая чёткие научные определения проявлений экстремизма.

Понятие киберэкстремизма

Для того чтобы бороться с любым социально-негативным явлением, необходимо правильно понять его признаки и сущность. Массовое социально-негативное явление – *киберэкстремизм* – появилось и начало развиваться практически сразу с появлением в стране Интернета, хотя в национальном законодательстве оно пока не закреплено.

Анализ Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»⁴, Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации⁵, УК РФ в рамках составов преступлений экстремистского характера⁶, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11⁷, а также уголовно-правовой доктрины позволяет выдвинуть авторское определение: **«Киберэкстремизм – это подвид экстремизма, в котором экстремистская деятельность осуществляется посредством информационно-телекоммуникационных се-**

тей и их ресурсов, выступающих как необходимое средство или способ совершения преступления».

Возникновение киберэкстремизма обусловлено тем, что киберпространство предоставляет экстремистам новые возможности для деятельности, значительно упрощая поиск и вовлечение лиц, планирование преступлений и их финансирование.

К киберэкстремистским преступлениям необходимо относить преступления экстремистского характера, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей*.

Совершение таких преступлений в большинстве случаев обусловлено русофобскими мотивами. Специальная военная операция показала русофобию западных стран и попытки осуществления ими деструктивного воздействия на граждан России.

Такого мнения придерживаются и ведущие специалисты в области уголовного права и криминологии.

⁴ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Доступ из ЭПС «КонсультантПлюс».

⁵ Указ Президента РФ от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // Доступ из ЭПС «КонсультантПлюс».

⁶ Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Доступ из ЭПС «КонсультантПлюс».

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Доступ из ЭПС «КонсультантПлюс».

* К ним относятся преступления, предусмотренные ст. 280, 280.1, 280.3, 280.4, 282, 282.1, 282.2, 282.3, 282.4, 354.1 УК РФ.

Так, например, О.В. Боброва и В.В. Меркурьев отмечают, что одним из инструментов воздействия недружественных стран на российское общество для подрыва его стабильности и защищённости является русофобия⁸. Она выражается в высказываниях и действиях, содержащих крайне негатив-

ную оценку Российской Федерации, её политики в различных областях, а также всего российского народа в целом⁹. Русофобия, основанная на возрождении идеологии нацизма, стала частью стратегии Запада против России, особенно проявившись в противостоянии начиная с 2014 г.¹⁰

Основные киберэкстремистские преступления

Ответственность за публичные призывы к экстремистской деятельности устанавливает ст. 280 УК РФ, являясь ключевым инструментом в борьбе с киберэкстремизмом. Призывами признаются обращения к неопределённому кругу лиц, побуждающие их к экстремистским действиям. В киберпространстве публичность подразумевается при размещении информации в общедоступных источниках (социальные сети, сайты, мессенджеры)¹¹.

Пример: приговор по делу гражданина Ч. В период 2023–2024 гг., используя мессенджер *Telegram*, Ч., на почве вражды к социальной группе «русские, включая российских военнослужащих», неоднократно размещал в общедоступных группах комментарии с призывами к насильственным действиям в отношении них. Согласно заключению лингвистической экспертизы, распространённые тексты содержали прямые побуждения к насилию. Виновный действовал с

прямым умыслом, осознавая публичный характер своих высказываний и желая побудить к экстремистской деятельности неопределённый круг лиц. После блокировки первого аккаунта осуждённый создал новый и продолжил преступную деятельность, что свидетельствует об устойчивости его умысла¹².

Изучение статистики показывает, что большинство таких деяний совершается с использованием Интернета (рис. 1). Пик выявленных преступлений приходится на год начала СВО, что связано и с проведением противником специальных информационно-психологических операций в российском киберпространстве. По состоянию на 2024 г. динамика данного преступления демонстрирует тенденцию к стабилизации, а коэффициент зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 280 УК РФ (с использованием сети Интернет), показывает тенденцию к росту*.

⁸ Меркурьев В.В., Боброва О.В. Антироссийская риторика Запада: правовые и геополитические оценки // Обозреватель–Observer. 2023. № 5(400). С. 109.

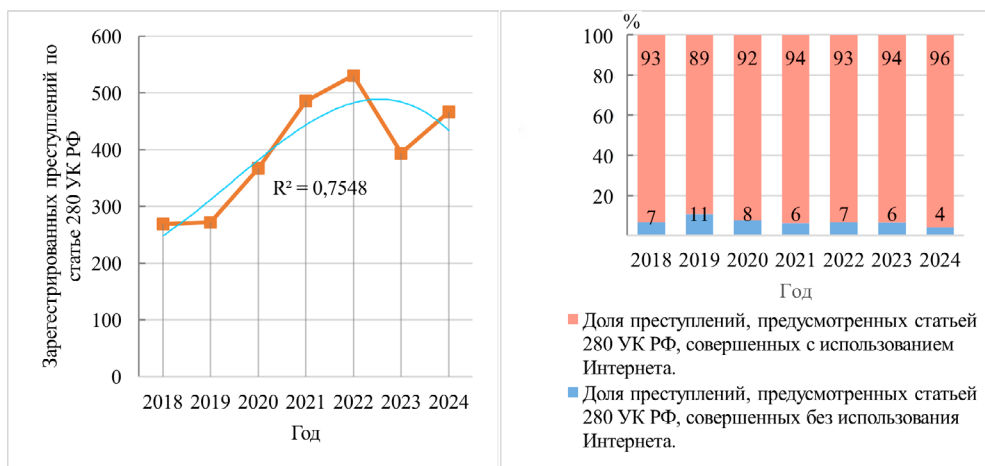
⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 115.

¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». Пункт 4 // Доступ из ЭПС «КонсультантПлюс».

¹² Приговор Заволжского районного суда города Твери от 2 апреля 2025 г. по делу № 1–128/2025 (УИД 69RS0036–01–2024–009594–16) // Доступ из ЭПС «КонсультантПлюс».

* Если в 2018 г. на 100 тыс. населения РФ приходилось 0,17 таких преступлений, то в 2024 г. уже 0,31.

Примечание: В графиках здесь и далее используется линия тренда – кривая, демонстрирующая основную тенденцию и направление развития временного ряда данных. Линия построена с использованием полиномиальной функции, позволяющей аппроксимировать нелинейную динамику показателя, имеющую один выраженный пик или спад. Показатель R^2 на рисунке – коэффициент детерминации, статистическая мера, которая демонстрирует, насколько хорошо линия тренда соответствует исходным данным (где 1 – идеальное соответствие, а 0 – полное отсутствие связи).

Рис. 1. Зарегистрированные преступления по ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» (2018–2024 гг.)*

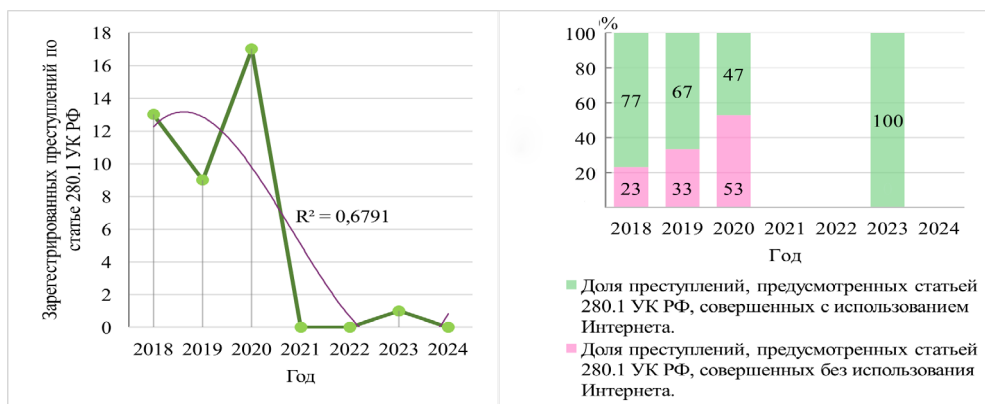

Рис. 2. Зарегистрированные преступления по ст. 280.1 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации» (2018–2024 гг.)

* Здесь и далее приводятся статистические данные Генеральной прокуратуры РФ по форме № 1-ФЭТ за 2018–2024 гг., утверждённые Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 25.01.2021 № 35 (ред. от 23.08.2023) «Об утверждении формы федерального статистического наблюдения № 1-ФЭТ «Сведения о преступлениях террористического характера и экстремистской направленности».

Уголовная ответственность по **ст. 280.1 УК РФ («Публичные призывы к нарушению территориальной целостности Российской Федерации»)** наступает лишь при наличии административной преюдиции – постановления суда о привлечении к ответственности по ст. 20.3.2 КоАП РФ и повторного совершения таких же действий в течение года с момента вступления в силу этого судебного акта (рис. 2).

Пример: приговор в отношении гражданина Н., который в социальной сети «ВКонтакте» разместил в общедоступном сообществе ряд комментариев, содержащих призывы к отделению Республики Саха (Якутия) от Российской Федерации. Свои действия он мотивировал неприязнью к действующей власти

и необходимостью сохранения ресурсов республики, которые, по его мнению, несправедливо используют федеральный центр. Согласно заключению лингвистической экспертизы, данные тексты содержали прямые призывы к нарушению территориальной целостности России.

Рассмотрение статистических данных показывает, что пик такого рода деяний приходится на 2020 г. и, возможно, связан с санитарными ограничениями, введенными из-за пандемии *COVID-19*. За период с 2021 по 2024 г. преступления, предусмотренные ст. 280.1 УК РФ, практически не регистрируются. Во многом это связано с изменениями, внесенными в данную норму в конце 2020 г.* (рис. 3).

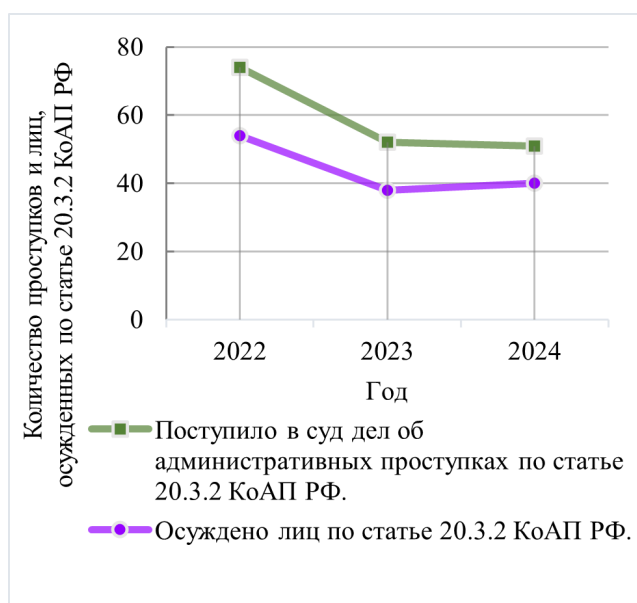

Рис. 3. Количество поступивших в суды общей юрисдикции дел об административном правонарушении по ст. 20.3.2 КоАП РФ и число лиц, подвергнутых административному наказанию

* Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 425-ФЗ установил административную преюдицию, и ввёл в КоАП РФ ст. 20.3.2, предусматривающую административную ответственность за совершение подобных действий впервые.

Согласно статистике Судебного департамента Верховного Суда РФ¹³, количество административных правонарушений по ст. 20.3.2 КоАП РФ хотя и невелико, но при этом превышает число преступлений, предусмотренных вышеуказанной статьёй УК РФ*.

Представляется, что с изменением состава большинство выявленных правонарушений рассматриваются судами в порядке административного производства. При этом, судя по статистике возбуждённых уголовных дел по ст. 280.1 УК РФ, повторность таких деяний невысока. Таким образом, гуманизация уголовного законодательства в рамках данной нормы не препятствует уголовной превенции.

В ответ на новую военно-политическую ситуацию и масштабную ин-

формационную войну, направленную против Российской Федерации, развёрнутую недружественными странами (США, странами Евросоюза, Украиной и др.), в которую входит, в частности, распространение ложной информации о действиях Вооружённых Сил России, законодатель ввёл новые нормы.

К ним относятся ст. 20.3.3 КоАП и **ст. 280.3 УК РФ «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооружённых Сил Российской Федерации»** (рис. 4). Последняя устанавливает ответственность за публичную дискредитацию ВС РФ. Сам состав имеет сложную структуру. В основном составе предусмотрена административная преюдиция, в квалифицированном она не требуется.

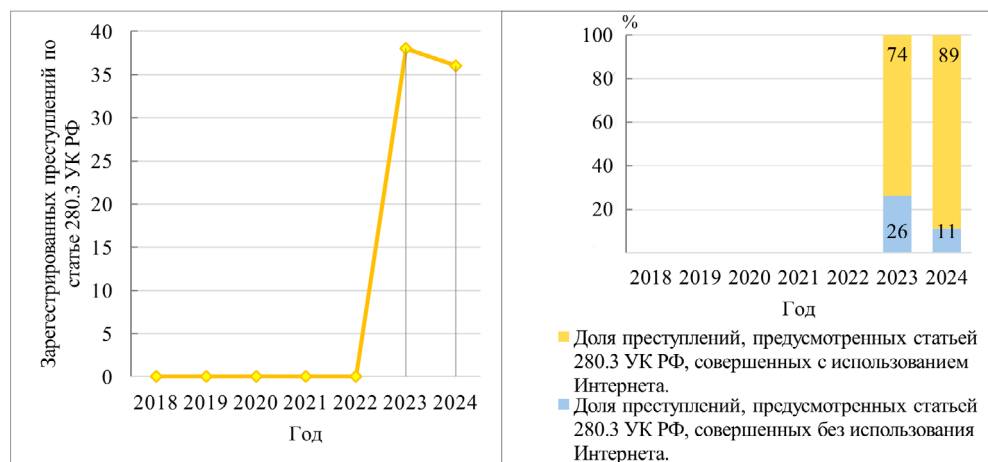

Рис. 4. Зарегистрированные преступления по ст. 280.3 УК РФ «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооружённых Сил Российской Федерации» (2018–2024 гг.)

¹³ Форма № 1-АП. Отчёт о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях. 2022–2024 гг. // Официальный сайт Судебного департамента ВС РФ // URL: <https://cdep.ru/?id=79>

* В 2004 г. на 100 тыс. населения приходилось 0,03 дела о таких административных правонарушениях.

Как пример – приговор в отношении гражданина В. Ранее привлечённый к административной ответственности по ч. 1 ст. 20.3.3 КоАП РФ за дискредитацию ВС РФ, В. был осведомлён о последствиях повторного деяния. Спустя несколько месяцев он, являясь администратором Telegram-канала, разместил видеопубликацию с собственным комментарием, начинающимся со слов: «За помните раз и на всегда...» и заканчивающимся словами: «...они оккупанты», в котором действия ВС РФ характеризовались как преступные и захватнические. Данное деяние, совершённое повторно в течение года, было квалифицировано судом по ч. 1 ст. 280.3 УК РФ¹⁴.

Основная часть преступлений по ст. 280.3 УК РФ выявляется при распространении запрещённой инфор-

мации в Интернете. Важную роль здесь, как и в иных киберпреступлениях, играет иллюзия анонимности в сети. Нарушитель понимает характер распространяемых сведений, но полагает, что псевдоним и инструменты анонимизации (скрытие IP, VPN и т. д.) защитят его от идентификации.

Число зарегистрированных дел по этой статье невелико (рис. 5). Одной из причин служит специфика квалифицированного состава (ч. 2): его материальная конструкция (требующая доказательства корыстного мотива или тяжких последствий) объективно затрудняет квалификацию и доказывание, что приводит к меньшему числу возбуждённых дел*.

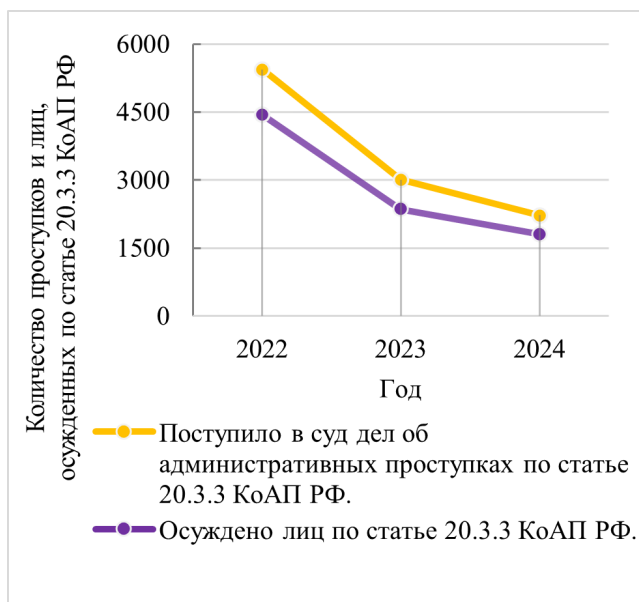

Рис. 5. Количество поступивших в суды общей юрисдикции дел об административном правонарушении, предусмотренном ст. 20.3.3 КоАП РФ, и число лиц, подвергнутых административному наказанию

¹⁴ Приговор Волжского городского суда Волгоградской области от 5 июня 2025 г. по делу № 1–428/2025 (УИД 34RS0011–01–2025–004660–59) // Доступ из ЭПС «КонсультантПлюс».

* В 2004 г. на 100 тыс. населения России приходилось всего 0,02 преступления, предусмотренного этой статьёй.

Административная норма о дискредитации ВС РФ (ст. 20.3.3 КоАП РФ) вступила в силу раньше уголовной (ст. 280.3 УК РФ). Вероятно, значительное снижение числа административных дел по этой статье в 2023–2024 гг. частично объясняется превентивным эффектом уголовной ответственности: лица, привлечённые к административной ответственности, осознают риск уголовного преследования при повторном нарушении.

Однако уровень выявляемых проступков остаётся высоким, хотя и демонстрирует тенденцию к снижению*. Необходимо усилить контрпропагандистскую работу с населением, в том числе через социальные сети и мессенджеры с привлечением лидеров общественных мнений. Её цель – информирование населения не только о характере и целях СВО, но и о преступлениях, совершённых вооружёнными силами Украины (в том числе и в отношении мирных граждан), методах информационного противоборства, осуществляемых как противником, так и иностранными агентами.

Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ была введена **ст. 280.4 УК РФ**. Она устанавливает ответственность **за публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства или препятствующей исполнению ор-**

ганами власти своих полномочий по обеспечению безопасности страны. Её общая цель была определена проектом Федерального закона № 130406-8 несколько расплывчато – как защита национальных интересов от новых форм преступной деятельности и угроз государственной безопасности¹⁵. При этом сущность угроз, предусматриваемых ст. 280.4 УК РФ, не конкретизировалась.

Хотя необходимость защиты безопасности государства в условиях специальной военной операции (упомянутой в записке как контекст) очевидна, правовая целесообразность новой нормы вызывает вопросы.

Институт подстрекательства (ст. 33 УК РФ) уже предусматривает ответственность за побуждение к совершению преступлений, входящих в объективную сторону ст. 280.4 УК РФ. Однако проблемы правоприменения (доказывание умысла подстрекателя, определение момента окончания при неоконченном преступлении) могли побудить законодателя создать специальную норму с формальным составом, упрощающую квалификацию (рис.6).

Как пример – приговор в отношении гражданина Б., который, используя личные страницы в социальных сетях, систематически размещал публичные призывы к оказанию финансовой помощи ВС Украины. Публикации содержали конкретные цели сборов (на дроны, оптику) и

¹⁵ Проект Федерального закона № 130406-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (ред., внесённая в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 25.05.2022) // Доступ из ЭПС «КонсультантПлюс».

* На 100 тыс. населения в 2022 г. приходилось 3,71 таких административных дел, а в 2024 г. уже всего 1,52.

реквизиты для перечисления денежных средств. Суд квалифицировал данные действия как призывы к осуществлению деятельности, направленной

ной против безопасности России, поскольку финансирование противостоящей армии является одной из таких форм¹⁶.

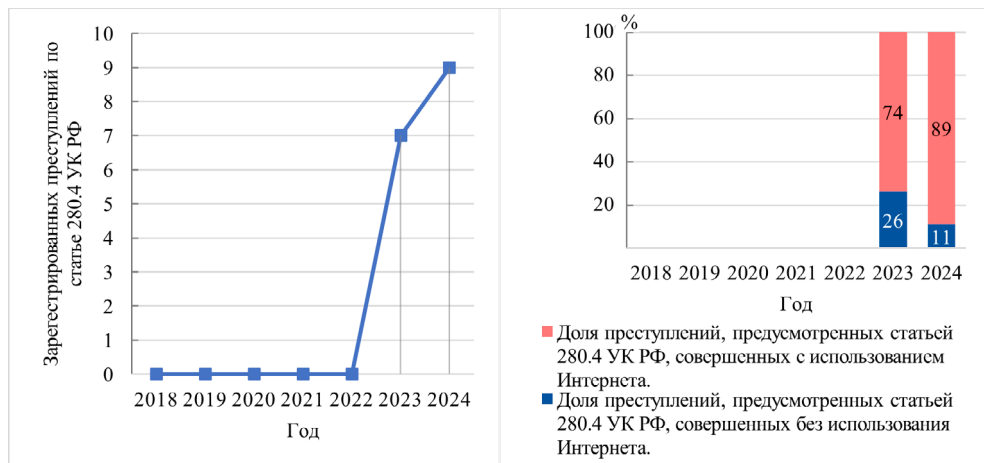

Рис. 6. Зарегистрированные преступления по ст. 280.4 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства» (2018–2024 гг.)

Статистика показывает, что подавляющее большинство дел, возбужденных по ст. 280.4 УК РФ, совершается с использованием Интернета.

Рассмотрев приговоры по таким делам, можно увидеть, что по ней привлекаются лица, совершающие призывы самого различного характера, включая, например, призывы игнорировать повестки ВС РФ, высланные в рамках мобилизационных мероприятий¹⁷, а также вступление в ряды запрещенных формирований¹⁸. Из-за неопределенности диспозиции норма конкурирует с целым рядом смежных составов,

предусматривающих ответственность за преступления информационного характера. Возможно, в этом и заключается причина относительно небольшого количества возбужденных уголовных дел по ней.

Статья 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» устанавливает ответственность за указанные действия, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по полу, расе, национальности, языку, происхождению, религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе (рис. 7).

¹⁶ Приговор Первомайского районного суда города Кирова от 04.06.2025 № 1–115/2025 (УИД 43RS0001–01–2025–002067–92) // Доступ из ЭПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Приговор Ковровского городского суда Владимирской области от 28.11.2024 по делу № 1–363/2024 (УИД 33RS0011–01–2024–004810–06) // Доступ из ЭПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Приговор Акушинского районного суда Республики Дагестан от 20.06.2024 № 1–32/2024 (УИД 05RS0002–01–2024–000214–33) // Доступ из ЭПС «КонсультантПлюс».

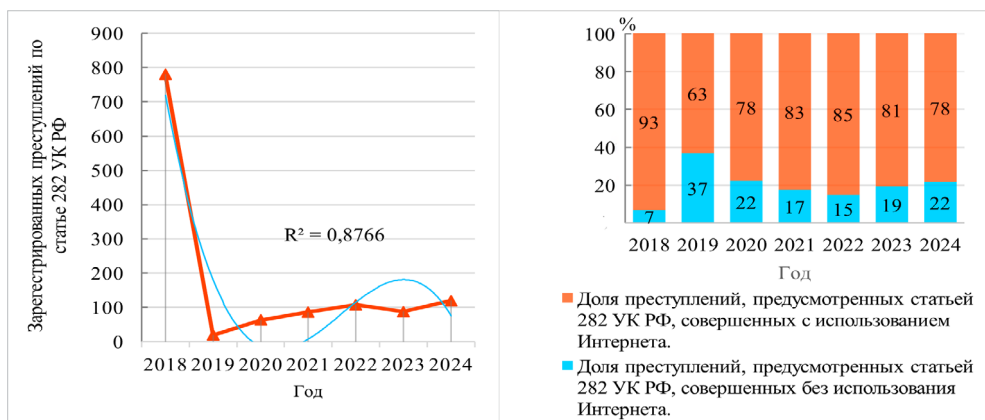

Рис. 7. Зарегистрированные преступления по ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» (2018–2024 гг.).

Примером является приговор гражданину К. Ранее он был привлечён к административной ответственности по ст. 20.3.1 КоАП РФ за возбуждение вражды по национальному признаку. Но в течение года он на своей странице в сети «ВКонтакте» вновь разместил видеоматериал, который, согласно заключению экспертизы, содержал признаки возбуждения ненависти к группе лиц, выделяемой по национальному признаку (евреи), отрицая факты, установленные приговором Нюрнбергского трибунала (Холокоста). Совершение деяния повторно в течение года образовало состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ¹⁹.

До введения административной преюдиции количество уголовных дел по данной статье было значительно выше*. Практика применения статьи обоснованно критиковалась научным сообществом и высшими судебными

инстанциями. По инициативе Президента В.В. Путина норма была изменена²⁰. Верховный Суд также внёс поправки к постановлению Пленума № 11, разъяснив проблемные аспекты квалификации²¹.

Статья 282.1 «Организация экстремистского сообщества» и ст. 282.2 УК РФ «Организация деятельности экстремистской организации и участие в деятельности такой организации» криминализуют организационные формы экстремистской деятельности, являясь ключевыми инструментами противодействия системному экстремизму (рис 8). Несмотря на сходные названия, они имеют принципиальные различия.

¹⁹ Приговор Верховного суда Чувашской Республики от 27 февраля 2024 г. по делу № 2-04/2024 // Доступ из ЭПС «КонсультантПлюс».

²⁰ Владимир Путин предложил частично декриминализировать статью 282 УК РФ // Официальный сайт Государственной думы ФС РФ. 03.10.2018 // URL: <http://duma.gov.ru/news/28311/>

²¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 октября 2021 г. № 32 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // Доступ из ЭПС «КонсультантПлюс».

* В 2018 г., до внесения поправок в этот состав, на 100 тыс. населения приходилось 0,53 зарегистрированных преступления, а в 2024 г. уже всего 0,08.

Статья 282.1 УК РФ охватывает создание и обеспечение деятельности устойчивых экстремистских групп, заранее объединившихся для

совершения одного или нескольких преступлений, не требуя при этом предварительного судебного решения об их запрете.

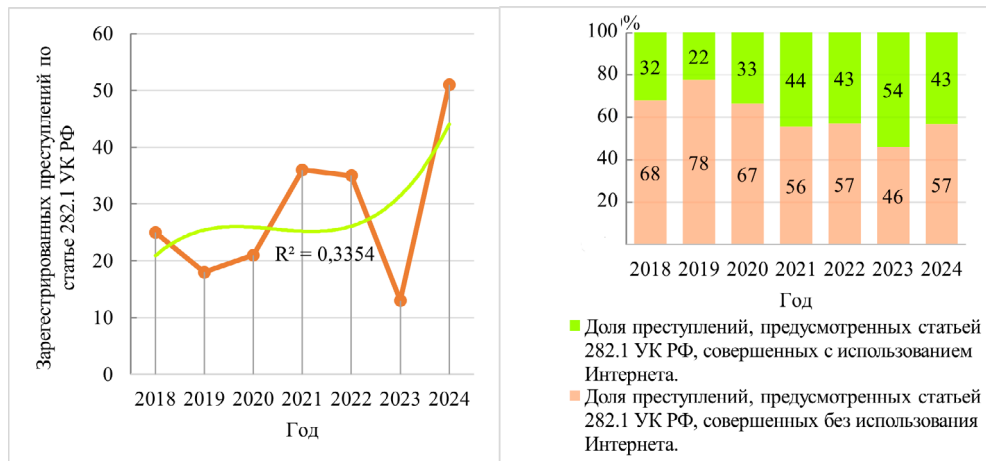

Рис. 8. Зарегистрированные преступления по ст. 282.1 УК РФ «Организация экстремистского сообщества и организация деятельности экстремистской организации» (2018–2024 гг.).

Так, уголовное дело по ст. 282.1 УК РФ, возбуждённое в отношении группы лиц, создавших под видом регионального отделения общественной организации «Комитет безопасности России (КОБРа)» экстремистское сообщество.

Руководитель ячейки, используя официальный статус как прикрытие, целенаправленно вовлёл в свою деятельность лиц со схожими взглядами, разделяющих идеологию восстановления СССР и неприязнь к действующему конституционному строю. Была сформирована устойчивая иерархическая структура с чётким распределением ролей, соблюдались строгие меры конспирации.

Истинной целью сообщества, скрываемой от рядовых членов, была подготовка к насильственному захвату власти, созданию альтернативных органов управления и вооружённому сопротивлению представителям власти. На собраниях участники обсуждали конкретные планы (захват административных зданий, приобретение оружия, обучение

членов военному делу и физическую ликвидацию сотрудников правоохранительных органов).

Члены ядра сообщества активно участвовали в собраниях, вели пропаганду среди новых рекрутов, а также публично призывали к насильственным действиям.

Так, один из руководителей на собрании инструктировал присутствующих о тактике вооружённого захвата зданий. Данные факты были задокументированы в ходе оперативно-разыскных мероприятий и подтверждены комплексной психолого-лингвистической экспертизой²².

Статья 282.2 УК РФ устанавливает ответственность за продолжение деятельности экстремистской организации, в отношении которой имеется вступившее в законную силу решение суда о ликвидации или запрете (рис. 9).

²² Приговор Волжского городского суда Волгоградской области от 29.09.2023 по делу № 1–660/2023 // Доступ из ЭПС «КонсультантПлюс».

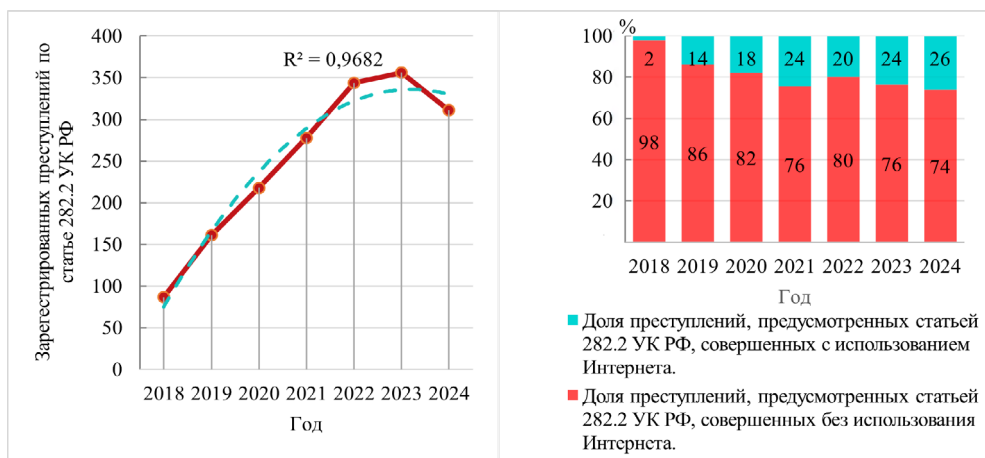

Рис. 9. Зарегистрированные преступления по ст. 282.2 УК РФ «Организация деятельности экстремистской организации и участие в деятельности такой организации» (2018–2024 гг.).

Так, например, можно привести уголовное дело в отношении гражданина К., отбывавшего наказание в исправительной колонии. Он принял участие в деятельности ячейки запрещённого решением Верховного Суда РФ международного общественного движения «Арестантское уголовное единство» (АУЕ). Будучи назначенным так называемым смотрящим за отрядом, К. выполнял указания вышестоящих лидеров ячейки, пропагандировал криминальную идеологию и традиции, разрешал конфликты между осуждёнными (в том числе с применением насилия), организовывал сбор средств в общий фонд («общак») и противодействовал законной деятельности администрации учреждения. Действия осуждённого, осознававшего запрещённый характер организации, были квалифицированы как умышленное участие в деятельности экстремистской организации²³.

Исследованная статистика демонстрирует тенденцию к росту по обоим преступлениям, при этом по

ст. 282.1 УК РФ в 2024 г. количество зарегистрированных преступлений по сравнению с прошлым годом увеличилось на 292,31%. Число же зарегистрированных дел по ст. 282.2 УК РФ, наоборот, слегка снизилось, на 12,64% по сравнению с 2023 г.^{*}

Если рассматривать официальные статистические данные, то эти составы покажутся наименее «интернетизированными». Однако это не всегда отражает реальную картину из-за сложностей выявления таких преступлений при использовании злоумышленниками закрытых каналов связи (мессенджеры, VPN и т. д.), что обуславливает повышенную латентность таких деяний. Тем не менее даже по данным официальной статистики доля совершения этих преступлений с использованием Интернета увеличивается год от года^{**}.

²³ Приговор Кетовского районного суда Курганской области от 04.03.2025 по делу № 1-7/2025 (УИД 45RS0008-01-2024-002139-21) // Доступ из ЭПС «КонсультантПлюс».

^{*} На 100 тыс. населения РФ в 2024 г. по ст. 282.1 УК РФ приходилось 0,03 преступления, а по ст. 282.2 УК РФ – 0,21.

^{**} По состоянию на 2024 г. 43% деяний по ст. 282.1 УК РФ совершались с использованием сети Интернет, и 26% деяний по ст. 282.2 УК РФ совершались такими же средствами.

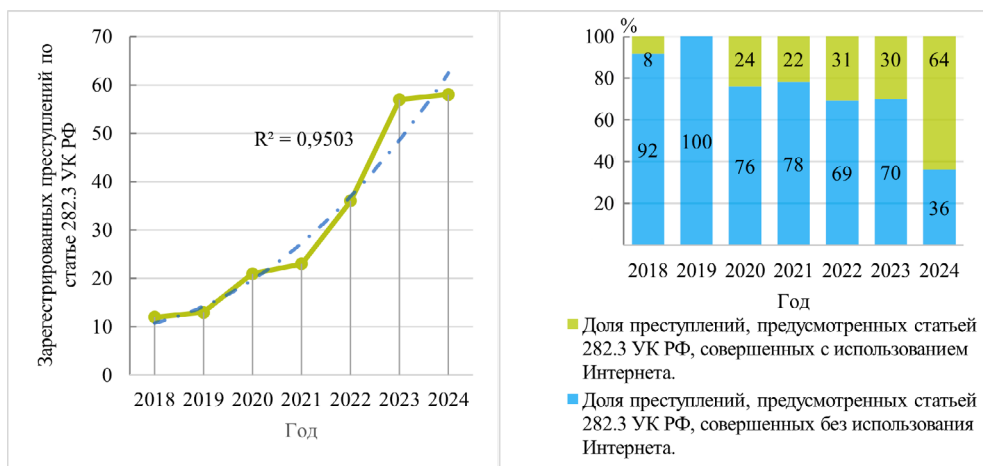

Рис. 10. Зарегистрированные преступления по ст. 282.3 УК РФ «Финансирование экстремистской деятельности» (2018–2024 гг.).

Норма **ст. 282.3 «Финансирование экстремистской деятельности»** криминализует специальный вид пособничества, выделяя его в самостоятельный состав преступления (рис. 10).

Иллюстрацией служит приговор в отношении гражданина Б.И.ВА. Ознакомившись с видеороликом на *YouTube*, в котором руководители организации, признанной экстремистской (НО «ФБК»), призывали к финансированию их деятельности (в том числе через криптовалюту и с соблюдением мер конспирации), Б.И.ВА. оформил со своего банковского счёта ежемесячный автоплатёж в пользу данной организации. В течение нескольких месяцев он перечислил денежные средства на общую сумму более 2000 руб. Суд квалифицировал данные действия, совершённые с прямым умыслом на поддержку экстремистской организации, как её финансирование²⁴.

В 2024 г. значительно возросло число преступлений, связанных с использованием Интернета и цифровых валют для финансирования экстремистской деятельности. Псевдоанонимность и децентрализованный характер криптовалют, часто используемых в финансировании экстремистских организаций, затрудняют выявление и блокировку данных финансовых потоков, создавая новые вызовы для правоохранительных органов. Тем не менее количество уголовных дел по данной статье остаётся сравнительно небольшим*, хотя такие экстремистские организации, как ФБК, продолжают получать крупные пожертвования в криптовалюте²⁵.

²⁴ Приговор Советского районного суда города Астрахани от 21.05.2025 № 1–283/2025 (УИД 30R50003–01–2025–003520–26) // Доступ из ЭПС «КонсультантПлюс».

²⁵ «Штабы Навального» собрали \$3,3 млн в Bitcoin за 4 года // Сетевое издание РБК. 20.07.202 // URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/5f158ea99a794728298fce21>

* По состоянию на 2024 г. на 100 тыс. населения приходилось 0,04 зарегистрированных преступлений по этой статье.

Анализ статистики и правоприменительной практики позволяет сформулировать следующие выводы о киберэкстремизме.

Информатизация общества создаёт новые вызовы. Ключевыми факторами риска остаются: низкая цифровая грамотность населения и недостаточная эффективность государственных информационных кампаний, направленных на уязвимые к экстремистской пропаганде группы (особенно молодёжь). Существующие меры часто не учитывают специфики целевых аудиторий.

Институт административной преюдиции демонстрирует положительный профилактический эффект для ряда составов. Угроза уголовной ответственности удерживает лиц, ранее привлечённых к административной ответственности за аналогичные деяния, от их повторного совершения.

Сохраняются объективные сложности в выявлении сложноорганизованных форм преступности (организация экстремистских сообществ и организаций, их финансирование).

Для преодоления вышеуказанных, что необходимо:

- проводить работу с молодёжью, воспринимающей информацию через короткий видеоконтент и ориентирующейся на лидеров мнений (блогеров), требует адаптированных форматов, включая сотрудничество с популярными авторами и использование современных медиаформатов;

- исследовать латентность киберэкстремизма и разработать методики для правоохранительных органов по его выявлению и пресечению. Перспективным направлением является применение ИИ-аналитики больших данных (собираемых провайдерами и крупными платформами). Нейросетевые решения, в отличие от традиционных методов, обеспечивают гибкий и масштабируемый анализ, могут быть адаптированы под конкретные задачи и использованы для выявления криминогенных моделей поведения на ранних стадиях;

- внедрить в работу правоохранительных органов специализированные инструменты отслеживания криптовалютных транзакций (аналоги *Chainalysis*) для выявления источников финансирования и причастных к нему лиц. Это упростит доказывание корыстного мотива в экстремистских преступлениях и борьбу с финансированием такой преступности. Необходимым условием является чёткое законодательное регулирование статуса криптоактивов, включая признание их имуществом, подлежащим конфискации по ст. 104.1 УК РФ.

Библиография • References

Меркурьев В.В., Боброва О.В. Антироссийская риторика Запада: правовые и геополитические оценки // Обозреватель–Observer. 2023. № 5(400). С. 108-125.

Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Доступ из ЭПС «КонсультантПлюс».

Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Доступ из ЭПС «КонсультантПлюс».

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Доступ из ЭПС «КонсультантПлюс».

Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». Пункт 4 // Доступ из ЭПС «КонсультантПлюс».

Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Доступ из ЭПС «КонсультантПлюс».

Указ Президента РФ от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // Доступ из ЭПС «КонсультантПлюс».

Статья поступила в редакцию 11 августа 2025 г.

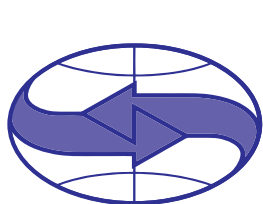
Статья принята к печати 14 августа 2025 г.

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Просим обратить внимание на изменения требований к подготовке сопроводительной документации.

<https://www.observer-journal.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines>

OBOZREBATEL' OBSERVER

SCIENTIFICALLY-ANALYTICAL JOURNAL

Published since 1992

Contents

Political sciences

Russia in a multipolar world

5

V. Egorov

The article reveals the essential characteristics of modern world politics, changes in Russia's geopolitical identity and the actualizing features of the multipolar world, their institutionalization in the foreign policy of the Russian Federation in the context of its national interests.

About the author: EGOROV Vladimir G. – Doctor of Historical Sciences, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Political Science and Political Analysis at the Russian State Social University, Professor at Plekhanov Russian University of Economics, Professor at Bauman Moscow State Technical University.

Key words: crisis of world politics, Russia's geopolitical identity, multipolar world, alternative to a rules-based world, Russia's national interests.

Metamodernism as a political paradigm

20

K. Feofanov

The author explores the specifics and philosophical-sociocultural foundations of modernism, postmodernism, and metamodernism; Western and non-Western metamodernisms; the political paradigms of modernism, postmodernism, and metamodernism; and the metamodernist perception of politics, associated with the return of metanarratives and the fluctuation of political identities.

About the author: FEOFANOV Konstantin A. – DSc (Polit.), Professor, Leading Researcher, Center for Interdisciplinary Research, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).

Key words: metamodernism, postmodernism, modernism, postpostmodernism, metamodernist discourse, metanarratives, post-truth, modernization, metameme, fluctuation of identities, binary oppositions.

Political talk shows – a tool of communication between the state and society

36

O. Savina

The article examines the role of talk shows in the formation and transmission of ideological attitudes during periods of political tension, revealing their political-technological impact. By performing the functions of symbolic politics and substituting full-fledged political discourse, talk shows simplify it into the form of a managed spectacle.

About the author: SAVINA Olga V. – researcher at the Institute of CIS Countries.

Key words: political communication, talk shows, mass culture, political technologies, public opinion.

USA and its role in German security and defence policy

46

O. Agafonova

U.S. foreign policy toward the Federal Republic of Germany underwent a transformation from overseeing its security policy to a partnership aimed at enhancing Berlin's role in Europe. Concurrently, U.S. policy toward Europe varies between the need to maintain leadership positions and a refusal to finance European security issues, delegating them to the European countries themselves.

About the author: AGAFONOVA Olga V. – PhD student of the Department of Political Science, junior researcher at the Centre for Socio-cognitive Discourse Studies (SCoDiS), Moscow State Linguistic University.

Key words: Germany, USA, German security and defence policy, NATO, CSDP.

Features of Foreign Policy Cooperation of the Russian Federation and Central Asian Countries

56

O. Konyshhev

The article is devoted to the analysis of the foreign policy strategy of the Russian Federation in Central Asia in the context of the transformation of the international order. Political-diplomatic, military-strategic, economic and cultural-humanitarian approaches are considered. It is con-

cluded that a transition from paternalistic practices to a model of flexible, differentiated and equal cooperation is necessary.

About the author: KONY SHEV Oleg M. – applicant of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lawyer, Managing Partner ‘Advocat Business Consulting’ Law Office.

Key words: Russia, Central Asia, CSTO, EAEU, labor migration, soft power, regional security.

U.S.-Mexico Relations under B. Obama, D. Trump, and J. Biden

The Key Challenges and Threats

70

S. Tolochenko

The article examines U.S.-Mexico relations under Presidents B. Obama, D. Trump, and J. Biden, focusing on key threats and challenges: migration, the economy, and crime.

About the author: TOLOCHENKO Sofia V. – postgraduate student of the Moscow State Linguistic University, assistant of the department ‘International relations and geopolitics of transport’ RUT (MIIT).

Key words: Mexico, United States, security, migration, drug trafficking.

International relations of Russian regions as public administration

General trends (2022–2024)

79

V. Tabak

The article examines the international activities of sub-state entities as a sphere of managerial decision-making and reveals the specifics of how the international activities of the constituent entities of the Federation are organized. The author writes about the problems associated with assessing the effectiveness of international relations in the new geopolitical conditions.

About the author: TABAK Vera N. – lecturer at the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation.

Key words: Russian regions, sub-state entities, international activities, public administration.

History of international relations and foreign policy

The West vs Russia: the Albanian Theater of Political Warfare

88

E. Ponomareva, A. Samsonov

The article is a continuation of the analysis of the strategy and practice of the «political war» waged by the United States and its allies against

Russia. One of the areas of this confrontation has been and remains the Balkans. Based on official sources and little-known analytical materials, the article shows how the US – British bloc tried to destabilize the situation in Albania and overthrow the regime of Enver Hoxha. Later, the Albanian factor became one of the key factors in the destruction of Yugoslavia and Serbia.

About the author: PONOMAREVA Elena G. – Professor, Doctor of Political Science, professor of Comparative Politics Department of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Relations of the Russian Federation.

SAMSONOV Alexey G. – PhD student of Vladimir State University (VLSU).

Key words: political war, sabotage, subversive operations, Albania, USSR, USA.

International legal sciences

Cyber-extremism – a threat to national security

105

A. Pobegailo

The article addresses the problem of cyber extremism as a key threat to Russia's national security. Based on statistical data and law enforcement materials, the trends and specific features of this type of crime are examined. The author proposes ways to improve countermeasures, including preventive work and the implementation of modern technologies.

About the author: POBEGAILO Anastasia E. – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines at the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

Key words: cyber-extremism, criminal liability, national security, countering extremism, cybercrime.

Требования к материалам, представляемым на рассмотрение редакции журнала «Обозреватель–Observer» в соответствии с указаниями ВАК

Статья направляется в редакцию с сопроводительными документами по электронной почте: **observer-rau@yandex.ru**.

Объём структурированного (с подзаголовками) текста статьи 20–25 тыс. знаков с пробелами (шрифт Times New Roman, 14 кегль, интервал 1,5).

Ссылки на источники даются арабскими цифрами в квадратных скобках со сквозной нумерацией, выходными данными, указанием страниц и приводятся постранично. В конце статьи все ссылки группируются в алфавитном порядке (на русском, затем иностранном языках) с указанием выходных данных (место издания, издательство, год издания, общее количество страниц) и располагаются без нумерации. Источники в библиографии указываются и на латинице под русским названием. Иностранные источники приводятся на языке оригинала с выходными данными.

В статье необходимо указать индекс УДК, дать аннотацию (300–500 знаков), ключевые слова и сведения об авторе (фамилия, имя и отчество полностью, учёная степень, другие звания, место работы, должность, SPIN-код, E-mail и контактные телефоны). Наименование статьи и указанная информация даётся – на русском и английском языках.

Рисунки, графики, схемы даются в форматах JPG или EPS отдельными файлами. Таблицы выполняются по ГОСТ Р 2.105–2019

Сопроводительная документация:

1. Выписка из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, с рекомендацией статьи к публикации. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

2. Отзыв специалиста (заполняется в одном файле на бланке рецензии) – доктора наук на статью представляется в виде текстового документа в формате MS Word, а также в виде скан-копии заверенного отзыва с печатью и списком трудов рецензента (3–5 работ).

3. К статье прилагается справка о проверке на антиплагиат.

Редакция рассматривает статью только при поступлении всех материалов в комплекте.

Требования к материалам опубликованы на сайте журнала:

<https://observer-journal.ru>

<http://observer.i-sng.ru>

Requirements for materials, submitted to the editorial board “Обозреватель–Observer”

The article should be sent to the editorial office with accompanying documents by e-mail: observer-rau@yandex.ru.

The volume of the structured (with subheadings) text of the article is 20-25 thousand characters with spaces (font Times New Roman, 14 font size, spacing 1.5).

References to sources are given in Arabic numerals in square brackets with end-to-end numbering, output data, indication of pages and are given page by page. At the end of the article all references are grouped in alphabetical order (in Russian, then in foreign languages) with the indication of output data (place of publication, publishing house, year of publication, total number of pages) and are arranged without numbering. Sources in the bibliography are also indicated in Latin script under the Russian name. Foreign sources are given in the original language with the output data.

The article should contain the UDC index, an abstract (300-500 characters), keywords and information about the author (full name, academic degree, other titles, place of work, position, SPIN-code, e-mail and contact phone numbers). The title of the article and the above information should be given in Russian and English.

Figures, graphs, schemes are given in JPG or EPS formats as separate files. Tables are made in accordance with GOST R 2.105-2019.

Supporting documentation:

1. Extract from the decision of the department (scientific subdivision), where the work was performed, with re-recommendation of the article for publication. The extract is signed by the head of the department (head of the scientific division) or his deputy, the signature is certified by the appropriate personnel structure.

2. Review of a specialist (to be filled in one file on the review form) - Doctor of Science on the article is submitted as a text document in MS Word format, as well as a scan-copy of the certified review with a seal and a list of works of the reviewer (3-5 works).

3. A certificate of anti-plagiarism check is attached to the article.

The editorial board considers the article only when all materials are received in a set.

Requirements for materials are published on the site:

<https://observer-journal.ru>

<http://observer.i-sng.ru>

Уважаемые читатели!
Открыта подписка на 2026 год
на научно-аналитический журнал
«Обозреватель–Observer»

Подписка проводится:

- для корпоративных подписчиков «УП Урал-Пресс» по электронному каталогу на сайте **www.ural-press.ru**
- для индивидуальных подписчиков Агентством подписки «Деловая пресса» по электронному каталогу на сайте **https://delpress.ru/catalog/**
тел.: 8 -499-391-57-36

Редакция рассматривает факт направления авторских рукописей по адресу: *observer-rau@yandex.ru* как передачу ей авторами прав на их публикацию.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имён, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится заимствований, нарушающих чьи-либо авторские права, а также данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Рукописи не возвращаются.

При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель–Observer» обязательна.

Дизайн и вёрстка
А.А. Горбунов

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.
Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.

Согласно ФЗ от 29.12.2010 № 436-ФЗ
журнал «Обозреватель–Observer» относится к категории
информационной продукции для детей, достигших возраста шестнадцати лет

16+

Адрес редакции: **119180, Москва, ул. Б. Полянка, д. 7/10, стр. 3.**

Тел.: **+7 (495) 951-22-25.**

Е-mail: **observer-rau@yandex.ru**

Сайт журнала: **https://observer-journal.ru; http://observer.i-sng.ru**

Подписано в печать: 15.10.2025 г. Выход в свет 29.10.2025 г.

Формат 70×100 1/16. Печ. л. 12.24. Печать офсетная. Заказ № 20/Е.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «ПРИНТИКА».
109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 91, корп. 1, пом. 11, к. 2, оф. 14-5.